

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

ISSN 2413-6182

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2016 № 2 (8)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ * 2016 * № 2 (8)

Редакционная коллегия

Главный редактор

д-р филол. наук, проф.
О.С. Иссерс (Омск, Россия)

д-р философии, проф.
Р. Андерсон (Лос-Анджелес, США)

д-р филол. наук, проф.
А.Н. Баранов (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Н.В. Богданова-Бегларян
(Санкт-Петербург, Россия)

д-р философии, проф.
Д. Вайс (Цюрих, Швейцария)

д-р филол. наук, проф.
М.А. Кронгауз (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.П. Крысин (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.А. Кудрявцева (Киев, Украина)

д-р филол. наук, проф.
Э. Лассан (Вильнюс, Литва)

д-р филол. наук, проф.
Б.Ю. Норман (Минск, Беларусь)

д-р филологии, проф.
Р. Ратмайр (Австрия)

д-р филологии, проф.
Л. Рязанова (Эдинбург, Великобритания)

д-р филол. наук, проф.
И.А. Стернин (Воронеж, Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.П. Чудинов (Екатеринбург, Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.Д. Шмелев (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

канд. филол. наук, доц.
М.В. Терских (Омск, Россия)

Editorial Staff

Editor-in-Chief

Prof. O.S. Issers
(Omsk, Russia)

Ph.D. R. Anderson
(Los Angeles, USA)

Prof. A.N. Baranov
(Moscow, Russia),

Prof. N.V. Bogdanova-Beglaryan
(St. Petersburg, Russia)

Prof. A.P. Chudinov
(Yekaterinburg, Russia)

Prof. M.A. Kronhaus
(Moscow, Russia)

Prof. L.P. Krysin
(Moscow, Russia)

Prof. L.A. Kudryavtseva
(Kyiv, Ukraine)

Prof. E. Lissan
(Vilnius, Lithuania)

Prof. B.Yu. Norman
(Minsk, Belarus)

Ph.D. R. Rathmayr
(Austria)

Ph.D. L. Ryazanova
(Edinburgh, UK)

Prof. I.A. Sternin
(Voronezh, Russia)

Prof. A.D. Shmelev
(Moscow, Russia)

Ph.D. D. Weiss
(Zurich, Switzerland)

Executive secretary of the journal

Dr. M.V. Terskikh
(Omsk, Russia)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ * 2016 * № 2 (8)

Основан в 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Учредители – Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,

Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН

Редактор Д.С. Нерозник
Технический редактор Н.В. Москвичёва
Дизайн обложки З.Н. Образова

Переводчики
В.А. Харюшина, А.Ю. Енарьева

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-59020 от 18.08.2014 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

ISSN 2413-6182

«Коммуникативные исследования» – рецензируемый научный журнал, в котором представлены исследования в области коммуникативистики.

Задача журнала – укрепление связей между научными центрами России и зарубежья, формирование новых направлений коммуникативных исследований, привлечение молодых ученых к данной проблематике.

К публикации принимаются статьи на русском и английском языках

Контактная информация
644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

Сайт журнала: <http://com-studies.org/ru>.

Подписано в печать 02.11.2016.
Ризографическая печать.
Формат 60×84 1/8.
Заказ 154. Тираж 45 экз.

Отпечатано в типографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Founded in 2014

Published four times a year

Founded by Dostoevsky Omsk State University,

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Editor D.S. Neroznik
Technical editor N.V. Moskvicheva
Design of cover Z.N. Obrazova

Interpreters
V.A. Kharyushina, A.Yu. Enareva

Journal Registration Certificate
ПИ №ФС77-59020 of 18.08.2014
Given by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

ISSN 2413-6182

“Communication Studies” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of communication science.

The objective of this journal is to strengthen relations between Russian and foreign scientific centers, form new communicative research areas, involve young scientists in this research activity.

The Journal publishes articles in Russian and English

Address
55a Mira pr., Omsk, 644077, Russia

Site of Journal: <http://com-studies.org/ru>.

Signed to print 02.11.2016.
Risograph printing.
Format 60×84 1/8.
Order 154. Circulation of 45 copies

Published by Dostoevsky Omsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел I. ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Part I. THEORY OF COMMUNICATION

<i>Горбачева Е.Н.</i> Речевой жанр «дипломатический комментарий» с позиций дискурсивной перформативности.....7	<i>Gorbacheva E.N.</i> The speech genre of diplomatic commentary from the discourse performativity point of view 7
<i>Матвеева Л.Ю., Прокофьева Л.П.</i> Картина звучащей речи (потенциал использования автоматизированных способов исследования для целей фоноскопической экспертизы) 17	<i>Matveeva L.Yu., Prokofyeva L.P.</i> A depiction of oral speech (the potential of using automated research for the purposes of phonoscopic evaluation).....17
<i>Моисеев М.В.</i> Перевод как вид герменевтического дискурса.....28	<i>Moiseev M.V.</i> Hermeneutical aspect of the distortion of sense in the translation 28
<i>Хроколо Ю.В.</i> Информационно-аналитический дискурс как вид метанаучного дискурса: основные характеристики 36	<i>Khrokolo Yu.V.</i> Information and analytical discourse as a kind of metascientific discourse: key features.....36

Раздел II. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ MASS MEDIA. МЕДИАОБРАЗ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Part II. DISCOURSE PRACTICES OF MODERN MASS MEDIA. MEDIAIMAGE AS AN OBJECT OF SCIENTIFIC STUDY

<i>Гриднев Н.А.</i> Телевизионный новостной медиаобраз Омска (на материале выпусков передачи «Новости здесь» телеканала «Продвижение») 51	<i>Gridnev N.A.</i> Media image of Omsk in TV news (based on “Novosti Zdes” TV program of “Prodvizhenie” channel)..... 51
<i>Жигунов А.Ю.</i> Медиаконцепт ‘Арктика’: методологические подходы к исследованию 64	<i>Zhigunov A.Yu.</i> Media concept ‘the Arctic’: methodological ways of investigation..... 64
<i>Крамарь И.А.</i> Лингвокогнитивная специфика концепта ‘толерантность’ в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх 71	<i>Kramar I.A.</i> Linguo-cognitive specifics of the concept of ‘tolerance’ in the journalistic Internet discourse of computer games 71

Раздел III. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Part III. MODERN DISCOURSE PRACTICES

<i>Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю.</i> Русский язык повседневного общения: некоторые количественные данные в зеркале социолингвистики 81	<i>Bogdanova-Beglaryan N.V., Blinova O.V., Martynenko G.Ya., Sherstinova T.Yu.</i> Everyday Russian language: some figures in sociolinguistic perspective 81
<i>Зайдес К.Д.</i> Об одном новом слове русскоязычной интернет-коммуникации: опыт лексикографического описания..... 93	<i>Zaides K.D.</i> On one new word in Russian Internet communication: a lexicographical essay..... 93
<i>Радина Н.К.</i> Текст и гипертекст: особенности понимания (на примере комментариев к политическим новостям)..... 108	<i>Radina N.K.</i> Text and hypertext: specifics of understanding (on the material of political news comments) 108

**Раздел IV. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В ИССЛЕДОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

**Part IV. ACTUAL DIRECTIONS
IN THE FICTION AND POETRY TEXTS RESEARCH**

<i>Зайцева И.П.</i> Художественно-эстетическое осмысление проблем коммуникативистики в современном детективном произведении 119	<i>Zaitseva I.P.</i> Artistic and aesthetic interpretation of communication science problems in modern detective works..... 119
<i>Рязанова А.В., Соломонова В.В.</i> Проявление театральности и диалогичность в поэзии А.А. Блока 130	<i>Ryazanova A.V., Solomonova V.V.</i> Manifestation of theatrics and dialogism in the poetry of A.A. Blok 130

Раздел V. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Part V. REVIEWS. CHRONICLE

<i>Карасик В.И.</i> Рецензия на монографию Г.С. Яроцкой «Аксиогенез экономического сознания в русской лингвокультуре» (Одесса, 2013) 139	<i>Karasik V.I.</i> Review on G.S. Yarotskaya's monograph "Axiogenesis of economic consciousness in Russian linguistic culture" (Odesa, 2013) 139
<i>Орлова Н.В.</i> Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах (Докторская диссертация И.В. Тубаловой. Томск, 2016) 143	<i>Orlova N.V.</i> Polyphonic text in verbal personality-oriented discourses (Doctoral dissertation of I.V. Tubalova. Tomsk, 2016) 143
<i>Громинова А.</i> Международная научно-практическая конференция «Русский язык в славянском и неславянском мире: лингводидактический аспект» (Трнава, 5–6 мая 2016 г.) 147	<i>Grominová A.</i> International scientific and practical conference "Russian Language in Slavic and Non-Slavic World: linguo-didactic aspect" (Trnava, May 5–6, 2016) 147
<i>Информация для авторов</i> 154	<i>Information for authors</i> 154

Раздел I

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Part I

THEORY OF COMMUNICATION

УДК 80'81

Е.Н. Горбачева
Астрахань, Россия

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ» С ПОЗИЦИЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ

Изучаются перформативные характеристики речевого жанра «дипломатический комментарий» на примере комментариев представителя МИД РФ Марии Захаровой: выявляются способы актуализации в них фактогенной и стратегической перформативности. Другими словами, рассматриваются случаи, когда дипломатические комментарии являются коммуникативной фактуализацией явлений и языковым осуществлением поступка. Из четырех видов проанализированных комментариев – информативных, аналитических, протестных, оценочных – качеством коммуникативного факта и речевого поступка наделяются протестные и оценочные комментарии, в то время как информативные и аналитические комментарии являются лишь способами манипуляции с фактами (их пояснением, изложением, интерпретацией и т. п.), а не их конституированием.

Ключевые слова: дипломатический комментарий, дискурсивная перформативность, фактогенная / стратегическая перформативность.

С приходом на должность директора Департамента информации и печати МИД России 10 августа 2015 г. Марии Захаровой особую коммуникативную значимость приобрел речевой жанр «дипломатический комментарий», представленный в СМИ или в социальных сетях.

Цель настоящей статьи заключается в анализе дипломатического комментария с точки зрения дискурсивной перформативности, что подразумевает выявление таких характеристик данного речевого жанра, которые наделяют его качеством **коммуникативного факта** и/или **поступка** (в первом случае мы говорим о проявлении **фактогенности** перформативного дискурса, во втором – о его **стратегичности**). Отметим, что коммуникативный факт может рассматриваться как актуализированное в языке явление либо событие действительности, в соответствии с чем следует разграничивать проявление фактуальной и фактуально-событийной перформативности. Что касается коммуникативного (речевого) поступка, то под ним мы понимаем дискурс в ситуации лично обусловленного волевого принятия решений и осуществления свободного ответственного выбора.

В современных лингвистических исследованиях комментариев рассматривается с точки зрения его лингвокультурных характеристик [Кара-

сик 2010: 279–357], лингвостилистических особенностей [Бобкова 2009], а также вариативной представленности в разных видах дискурса [Стексова 2013].

В.И. Карасик считает комментарий прототипным жанром герменевтического дискурса, направленного на истолкование неочевидного смысла некоторого явления или текста. Комментарий, по мнению ученого, выполняет ряд функций по обработке информации, содержащейся в исходном тексте: разъяснения, уточнения, подтверждения и критической оценки [Карасик 2010: 357].

Т.И. Стексова выделяет три вида комментариев в зависимости от их коммуникативных целей: 1) комментарии с информативной целью (научный комментарий и комментарий-примечание); 2) комментарии с воздействующей целью (аналитический и протестный комментарий); 3) комментарии с оценочно-императивной целью (интернет-комментарий) [Стексова 2010: 87–88].

Дипломатический комментарий, являющийся объектом данного исследования, находится на пересечении дипломатического дискурса с политическим, массмедийным и персональным. Отсюда естественным представляется тот факт, что дипломатический комментарий может иметь разные коммуникативные цели и выполнять разные функции. Опираясь на вышеупомянутую классификацию Т.И. Стексовой, мы выделяем дипломатические комментарии, осуществляющие функции информирования, анализа, протеста и оценки (в силу того, что суть дипломатии заключается в умении руководителей государств, правительств и дипломатов вести переговоры с целью защиты интересов государства [Попов 2000: 14], а переговоры не предполагают императивности, мы полагаем, что дипломатический комментарий не может быть оценочно-императивным).

Мы проанализировали 65 комментариев Марии Захаровой, сделанных на сайте Facebook, в брифингах МИД или в телеинтервью в период с 14 января по 15 апреля 2016 г., и выявили, что большинство из них направлены на реализацию оценочной коммуникативной цели (51 комментарий). Далее следуют комментарии с воздействующей целью (20 комментариев) и информативные комментарии (6 комментариев). В некоторых комментариях отмечено сочетание коммуникативных целей, поэтому количество комментариев в соответствии с данным признаком превышает общее число проанализированных текстовых единиц.

Рассмотрим, как в речевом жанре «дипломатический комментарий» в зависимости от его коммуникативной цели фактуализируются явления и события действительности и осуществляются речевые поступки.

Информативные комментарии представлены в отчетах МИД о тех или иных его действиях:

Российская сторона потребовала от Киева привлечения к ответственности и наказания всех лиц, причастных к упомянутым противоправным действиям... (<http://politrussia.com> 11.03.2016).

В данном примере уточняется, в чем состояла нота, направленная Киеву в связи с нападениями радикалов на российские дипломатические представительства на Украине. Уточняющий характер комментарию придает форма прошедшего времени перформативного глагола «требовать», а также использование юридической лексики, передающей содержание соответствующей ноты (*привлечение к ответственности, наказание, причастный, противоправные действия*). Заметим, что нота в дипломатической практике представляет собой вид документа дипломатической переписки [Большой юридический словарь] и поэтому, как любой документ, содержит главным образом официальную лексику.

В следующем комментарии разъясняется инициатива российской дипломатии в разработке международной конвенции по борьбе с актами химического терроризма:

Сейчас российские усилия сосредоточены на адресном продвижении инициативы. Для этого мы используем двусторонние и многосторонние контакты. Мы продолжим консультации со всеми заинтересованными странами. Важно отметить, что наш призыв начать переговоры по этому документу (МКХБТ) относится не только к 65 государствам-членам КР, но и фактически ко всем странам, готовым тесно взаимодействовать в целях выработки действительно эффективно работающего документа по противодействию терроризму и использованию террористами ОМУ (оружия массового уничтожения. – Е. Г.) (<http://www.mid.ru> 7.04.2016).

Разъясняющий характер данному комментарию придают глагольные формы настоящего и будущего времени (*используем, продолжим, относится*), отглагольные наименования действий (*контакты, консультации, призыв, переговоры, выработка*) и вводное клише (*Важно отметить*). Благодаря всем этим средствам комментарий похож на описание алгоритма действий.

Рассмотренные комментарии, выполняя функции уточнения и разъяснения, сами по себе не конституируют коммуникативные факты или события и тем более не являются языковым осуществлением поступка, – они в дескриптивной форме репрезентируют другие факты: в первом случае – дипломатическую ноту (свершившийся факт), во втором – международную конвенцию (обсуждаемый, пока не свершившийся факт).

Дескриптивную репрезентацию фактов также находим в информативных комментариях по поводу событий, так или иначе связанных с деятельностью МИД:

После того, как мы получили дополнительную информацию, кто же эти россияне, многое стало понятно, в частности, почему они отказались от встречи с российскими официальными лицами. Дело в том, что по сообщению правоохранительных органов Турции, среди задержанных фигурирует Айдар Сулейманов 1984 года рождения. Хотела бы сказать, что 10 августа 2015 года ему заочно было предъявлено МВД Татарстана об-

винение в связи с его вовлеченностью в деятельность запрещенной в РФ группировкой ИГ, а также в вербовке террористов от этой организации (<http://politrussia.com> 14.01.2016).

В данном комментарии Мария Захарова поясняет отказ троих россиян, задержанных в Турции после теракта в Стамбуле, от услуг российских дипломатов тем, что ранее в России одному из них было предъявлено официальное обвинение в связи с запрещенной в нашей стране террористической организацией ИГИЛ. Поясняющий характер комментария придают глагольные формы прошедшего времени (*получили, стало понятно, отказались, было предъявлено*), дескриптивные и нарративные маркеры (*после того, как..., в частности дело в том, что..., хотела бы сказать, что...*).

Комментарии с воздействующей целью представлены главным образом протестными комментариями (всего 17); аналитические комментарии в проанализированном материале малочисленны (всего 3).

Аналитические комментарии не конституируют факты и не являются языковым осуществлением поступка: в них выражается точка зрения дипломата относительно тех или иных фактов и событий действительности. Таким образом, аналитические комментарии – это способ манипуляции с фактами: их изложения, интерпретации, описания. В следующем примере Мария Захарова излагает официальное мнение МИД о роли курдов в решении сирийского кризиса:

Мы много говорили, что для полноценного политического процесса, политического урегулирования необходимо вовлечение всех, естественно, нетеррористических сил или групп, которые сейчас так или иначе присутствуют на этой драматической карте сирийских событий. Игнорирование такой силы, как курды, – это просто уход в никуда (<http://politrussia.com> 10.02.2016).

Протестные комментарии фактуализируют возражение на слова каких-либо политических и общественных деятелей. Примечательно то, что возражение в них выражено не перформативными глаголами (например, «мы не соглашаемся», «мы возражаем»), а ценностно-нагруженными предложениями, которые конституируют факты как культурно значимые события. Таким образом, здесь следует говорить об актуализации фактуально-событийной перформативности. Как речевой поступок, возражение реализует дискредитирующую либо реабилитирующую тактику в рамках оспаривающей перформативной стратегии.

Мы выявили пять типов возражения в исследуемых комментариях:

1. Возражение-сомнение (выражено посредством риторических вопросов):

Какие «свои международные обязательства» не уважает Россия? Не минские ли соглашения, которые она же сама инициировала и которые еженедельно призывает выполнять, адресуя эти обращения киевским подписантам и их спонсорам, в том числе из ЕС? Когда Россия не уважала

международное право? Когда не допустила развала ООН, о чем мечтали лет 15 назад наши западные партнеры, затеявшие несколько крупных «разоблачительных скандалов» для дискредитации организации? Когда все предпринимаемые на международной арене действия российская сторона мотивирует не поддержкой не имеющих правового статуса «коалиций», а действующими международными документами и процедурами? (<http://politrussia.com> 13.04.2016).

Данный комментарий является возражением Марии Захаровой на заявление Федерики Могерини, представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности, о невозможности возвращения к отношениям с Россией «в режиме business as usual», пока она «не станет уважать свои международные обязательства». Основная ценность, к которой апеллирует дипломат в своем комментарии, – ценность уважения и соблюдения международного права и его защита со стороны России. Возражение, реализующее в данном случае реабилитирующую тактику, выражено риторическими вопросами, придающими высказыванию эмоциональность и экспрессивность.

2. Возражение-критика:

Но вот эта публикация немного убила. И это уже не «а ля гар ком а ля гар». Это чистой воды «а ля гар ком а ля гар», потому что «информационная война» превратилась в адское шапито. И дух у меня перехватило отнюдь не от состряпанной поганой агитки – не первая и не последняя. А от того, что про «оскотинивание» при освещении терактов написало именно «Радио Свобода». То самое издание, которое превратилось в многолетнее пастбище северокавказских террористов, представляя их публике как политических эмигрантов, беженцев и борцов за справедливость (<http://www.facebook.com/maria.zakharova.167> 23.03.2016).

В данном комментарии Мария Захарова отвечает на публикацию «Хоровое оскотинивание», размещенную на сайте «Радио свобода», в которой утверждается, что российские официальные лица злорадствовали по поводу терактов в Бельгии 22 марта 2016 г. Дипломат выступает с критикой оппонентов на «Радио Свобода», тем самым косвенно опровергая их точку зрения, представленную в статье. Возражение-критика выполняет функцию дискредитации, для чего в комментарии используются различные стилистические приемы, придающие высказыванию крайне острый полемический характер: игра слов *а ля гар ком а ля гар* («на вокзале как на вокзале»), эпитет *поганая (агитка)*, метафоры *адское шапито*, *многолетнее пастбище*, *состряпанная агитка*. Мария Захарова апеллирует к антиценности массмедийного дискурса – использованию журналистами намеренной дезинформации при освещении событий.

3. Возражение-опровержение:

Ситуация абсолютно другая. Они [США], естественно, знают, что мы никакая не угроза. Они не обладают никакими фактами, что мы представляем собой угрозу. Они просто создают ощущение восприятия России

в качестве угрозы. Это совершенно разные вещи. Если бы у США были какие-то факты, какие-то карты на руках, поверьте, они были бы уже презентованы миру. Никаких фактов, данных, которые можно было бы хоть как-то притянуть и выдать за эти факты, просто нет. Все, что мы видим, – это классическая информационная кампания, пропаганда в чистом виде (<http://politrussia.com> 17.02.2016).

В рассмотренном комментарии Мария Захарова опровергает заявления США о том, что Россия является угрозой. Опровержение здесь реализует реабилитирующую тактику и выражается с помощью отрицательных предложений (*мы никакая не угроза, они не обладают никакими фактами, никаких фактов... просто нет*). Дипломат апеллирует к такой антиценности межгосударственной политики, как создание образа врага в лице другого государства.

4. Возражение-замечание, синтаксически оформленное в виде предложения с противительным союзом по формуле «Я согласен, что p_1 , но не согласен, что p_2 , где p – пропозициональное содержание» [Горбачева 2007: 114]:

Это очередная фантазия украинских журналистов. Дискуссия действительно была, были аргументы с двух сторон. Я не могу сказать, что стороны не высказывали в том числе раздражение по некоторым вопросам, но, конечно, всё проходило в рамках дипломатических переговоров. Аргументы следовали за аргументами, доводы за доводами (<http://politrussia.com> 14.03.2016).

В данном примере Мария Захарова высказывает возражение на публикацию украинских СМИ о «ругани» между министрами иностранных дел России и Украины – Сергеем Лавровым и Павлом Климкиным – во время переговоров в нормандском формате в Париже 3 марта 2016 г. В первой части комментария подтверждается то, что дискуссия действительно проходила в напряженной атмосфере (*Я не могу сказать, что стороны не высказывали в том числе раздражение по некоторым вопросам...*), во второй части опровергается факт «ругани» (*...но, конечно, всё проходило в рамках дипломатических переговоров. Аргументы следовали за аргументами, доводы за доводами*). Мария Захарова апеллирует к одной из ценностных доминант дипломатического дискурса – способности дипломатов вести аргументированную дискуссию. Возражение-замечание здесь реализует реабилитирующую тактику.

5. Возражение, выражающееся как согласие с «третьим лицом», чья точка зрения идет вразрез с предыдущим высказыванием:

Недавно в Брюсселе в центре им. В. Мартинса произошла политологическая встреча, где и.о. директора информационного центра НАТО в Москве всем хорошо известный г-н Р. Пшель, как нам рассказали, призвал «коллег по цеху» сосредоточиться на информационной обработке российского общества, особенно молодежи. Он отмечал, что «несмотря на возможность приобщения к западным ценностям и образу жизни, российское

общество продолжает давать властям себя оболванивать». Это здорово, что г-н Р. Пшель имеет свою точку зрения, которая совпадает с точкой зрения всех остальных руководителей Альянса и руководящих в нем стран. Мне кажется, было бы неплохо опять обратиться, например, к тем изданиям, которые под рукой у людей, работающих или бывающих в Брюсселе в командировках. К вопросу о том, кто кого «оболванивает». Можно почитать интересную политологическую статью Р. Кеннеди-младшего, одного из представителей этой знаменитой фамилии, которая была опубликована в «Политико», по-моему, 23 февраля. Приведу одну цитату. Обращаю внимание это пишет не сотрудник МИД. «Мы должны признать, что конфликт в Сирии – война за контроль над ресурсами, неотделимая от множества остальных войн, которые США вели на протяжении полувека. Только когда США признают, что это война за нефтяной трубопровод, ситуация прояснится. Только так можно объяснить, почему Конгресс США и администрация Обамы все еще пытаются найти в Сирии умеренных исламистов, чтобы воевать против Башара Асада. Только тогда станет понятно, почему ИГИЛ взорвало российский пассажирский лайнер, а Турция сбила российский истребитель. Миллионы беженцев, направляющихся в Европу, – результат ошибок ЦРУ и войны за энергоресурсы» (<http://www.mid.ru> 11.03.2016).

В рассмотренном комментарии Мария Захарова, не соглашаясь с мнением Р. Пшель об «оболванивании» российской молодежи властями, приводит цитату из высказывания Р. Кеннеди о расхождении между истинными ценностями, мотивирующими многие действия США во внешней политике, и провозглашаемыми. Таким образом, возражение здесь выражается косвенно и выполняет дискредитирующую функцию. Мария Захарова апеллирует к антиценности лжи в политике.

В следующем комментарии представлено иронически переосмысленное возражение (случай иронического либо юмористического переосмысления дискурса мы называем его карнавализацией):

Дворовый стиль был задан вами.

«А мы? Ничем мы не блесним».

Лишь для удобства понимаешь

Мы на дворежном говорим <...> (<http://ria.ru> 30.03.2016).

В данном комментарии Мария Захарова в стихотворной форме отвечает на стихотворение Дмитрия Быкова, в котором он иронизирует по поводу создания Народной футбольной лиги («Так повернулось колесо: // Побыв гламурными для вида – // Айда во двор! Дворово всё: // Война, культура, спикер МИДа»). Карнавализация ведет к снижению фактогенной перформативности дискурса, поскольку истинные коммуникативные интенции говорящего в той или иной мере завуалированы. В представленном примере завуалирована тактика дискредитации оппонента: количество употреблений местоимения «мы», его падежной формы «нам» и притяжа-

тельного местоимения «наш» (всего 10 словоупотреблений) преобладает над количеством словоупотреблений падежных форм местоимения «вы» – «вами», «вам», «вас» (всего 5), что должно быть свидетельством реализации тактики реабилитации в стихотворении; однако в нем, по сути, выражается встречное обвинение автора исходного текста и его сторонников в дворовости, а именно в повышенном внимании к незначительным вещам и отсутствию стремления понять суть проблемы (*Вам дела нет до сути мира, // А стиль вам обсуждать не лень*).

Среди оценочных дипломатических комментариев преобладают высказывания с неодобрительной оценкой действий политических и общественных деятелей других государств (всего 41 комментарий). Рассмотрим некоторые из них:

То же самое было с Ираком. Будет с Афганистаном. Сейчас аналогичную схему мы наблюдаем в Сирии. Сколько еще это будет продолжаться? Сначала США нарушают международно-правовые нормы, до блеска лакируя свои действия информационными кампаниями. А через несколько лет, когда этот блеск тускнеет, перестает слепить глаза, и все обнаруживаются мешающиеся под ногами международного сообщества руины очередного государства, Вашингтон называет это ошибкой, а какое-то очередное государство – агрессором (<http://politrussia.com> 11.04.2016).

В данном примере, комментируя заявление Барака Обамы о том, что операция в Ливии была самой большой его ошибкой, Мария Захарова высказывает неодобрительную оценку международной политики США. С помощью вопросительного предложения – *Сколько еще это будет продолжаться?* – фактуализируется упрек в адрес администрации США. Далее, апеллируя к антиценности международной политики – нарушению международного права, дипломат выражает осуждение – речевое действие, обладающее качеством поступка, реализующего тактику дискредитации оппонента в рамках оспаривающей перформативной стратегии.

В следующем комментарии выражается одобрение действия США по налаживанию контакта с Кубой во время визита в эту страну Б. Обамы:

Это первый визит такого уровня в истории обеих стран за 88 лет. И хочется надеяться, что он станет кульминацией процесса по нормализации отношений и будет способствовать исправлению Вашингтоном своей исторической ошибки (<http://life.ru> 24.03.2016).

Фактуализация одобрения в данном комментарии происходит посредством слов с семантическим признаком «улучшение» («нормализация», «исправление»). Дипломат апеллирует к ценности кооперативного взаимодействия между государствами. Одобрительный комментарий является речевым поступком, реализующим тактику дружественного субъектного позиционирования в рамках подтверждающей перформативной стратегии (подтверждается готовность субъекта высказывания поддерживать отношения сотрудничества с адресатом).

Оценочные комментарии, так же как протестные, могут подвергаться ироническому переосмыслению (карнавализации):

Заявляя о своей отставке, Яценюк сказал: «С сегодняшнего дня вижу свои задачи шире, чем полномочия главы правительства». Насколько шире? Неужели дата внесения в Раду предложения об отставке – 12 апреля – выбрана неслучайно, и земные широты стали узки председателю правительства Украины Арсению Яценюку, решившему поставить перед собой задачи космического масштаба?» (<http://www.facebook.com/maria.zakharova.167> 10.04.2016).

В данном комментарии Марии Захарой фактуализируется неодобительная оценка заявления украинского премьер-министра об отставке, но фактогенность данного высказывания снижается за счет его карнавализации, в результате которой оно получает форму насмешки. С точки зрения стратегической перформативности в данном комментарии реализуется тактика конфронтационного позиционирования в рамках подтверждающей перформативной стратегии.

Итак, дипломатические комментарии могут быть информативными, аналитическими, протестными и оценочными. Из них коммуникативной фактуализацией явлений и языковым осуществлением поступка представляются протестные и оценочные, т. е. в них определенным образом выражается фактогенная и стратегическая перформативность. Информативные и аналитические комментарии являются способами манипуляции с фактами (их пояснением, изложением, интерпретацией и т. п.).

Список литературы

1. Бобкова О.В. О лингвостилистических особенностях речевого жанра «интервью-комментарий» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. Вып. 560. С. 33–42.
2. Большой юридический словарь. URL: <http://jurisprudence.academic.ru> (дата обращения: 18.04.2016).
3. Горбачева Е.Н. Дискурсивная реализация коммуникативных концептов: учебное пособие. Волгоград: Парадигма, 2007. 192 с.
4. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010. 422 с.
5. Попов В.И. Современная дипломатия. Теория и практика. М.: Научная книга, 2000. 573 с.
6. Стексова Т.И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2013. № 1 (9). С. 81–88.

References

1. Bobkova, O.V. (2009), On linguo-stylistic peculiarities of the speech genre interview-commentary. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, Iss. 560, pp. 33-42. (in Russian).
2. *Big Law Dictionary*, available at: <http://jurisprudence.academic.ru> (accessed: April 8, 2016) (in Russian).

3. Gorbacheva, E.N. (2007), *Diskursivnaya realizatsiya kommunikativnykh kontseptov* [*Discourse Realization of Communicative Concepts*], textbook, Volgograd, Paradigma publ., 192 p.
4. Karasik, V.I. (2010), *Yazykovaya kristallizatsiya smysla* [*Linguistic Crystallization of Sense*], Volgograd, Paradigma publ., 422 p.
5. Popov, V.I. (2000), *Sovremennaya diplomatiya. Teoriya i praktika* [*Modern Diplomacy. Theory and Practice*], Moscow, Nauchnaya kniga publ., 573 p.
6. Steksova, T.I. (2013), Comment as a speech genre and its variability. *Speech Genres*, No. 1 (9), pp. 81-88. (in Russian).

E.N. Gorbacheva
Astrakhan, Russia

THE SPEECH GENRE OF DIPLOMATIC COMMENTARY FROM THE DISCOURSE PERFORMATIVITY POINT OF VIEW

The article studies performative characteristics of the speech genre of diplomatic commentary based on the commentaries by Maria Zakharova, the representative of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. We pointed out the means of actualization of fact-generating and strategic performativity in them. In other words, we studied the cases when diplomatic commentaries become communicative facts or communicative deeds. It is stated that there are four types of diplomatic commentaries: informative, analytical, those of protest and evaluation. Informative and analytical diplomatic commentaries only deal with facts but don't generate them (they clarify, narrate, interpret facts, etc.), therefore they don't actualize fact-generating or strategic performativity. On the contrary, the commentaries of protest and evaluation can be regarded as communicative facts and deeds.

Key words: diplomatic commentary, discourse performativity, fact-generating / strategic performativity.

Сведения об авторе:

Горбачева Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент
Астраханский государственный университет
414042, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: elen-gorbachyova@yandex.ru

About the author:

Gorbacheva Elena Nikolaevna, Dr.
Astrakhan State University
20a Tatishcheva st., Astrakhan, 414042,
Russia
E-mail: elen-gorbachyova@yandex.ru

Дата поступления статьи 22.04.2016

Для цитирования: Горбачева Е.Н. Речевой жанр «дипломатический комментарий» с позиций дискурсивной перформативности // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 7-16.

For citation: Gorbacheva, E.N. (2016), The speech genre of diplomatic commentary from the discourse performativity point of view. *Communication Studies*, No. 2 (8), pp. 7-16. (in Russian).

УДК 81'23

L.Yu. Matveeva, L.P. Prokofyeva
Saratov, Russia

**A DEPICTION OF ORAL SPEECH (THE POTENTIAL
OF USING AUTOMATED RESEARCH FOR THE PURPOSES
OF PHONOSCOPIC EVALUATION)**

The article represents an experimental study of the emotional component of oral speech. This study was done with the help of instrumental methods: a freeware program for the analysis and reconstruction of acoustic speech signals “Praat” (© P. Boersma & D. Weenink) and phonosemantic analysis program “Zvukotsvet” (© L.P. Prokofyeva). Authentic sound material with the specified lexical (invectives and swearwords) and intonation (different intonation patterns) parameters are being analyzed by computer programs and interpreted on the base of modern phonosemantics. The results show the possibility to reveal emotional component of oral speech without any direct connection to the lexical meaning and can be used for the theoretical computerized model of phonosemantic speech analysis and pragmatic goals, including forensic phonoscopic examination of speech.

The article was first published in Russian in the book: *Russkaya ustnaya rech* [*Russian oral speech*], Proceedings of All-Russian scientific conference with international participation “2nd Barannikova's readings. Oral speech: Russian dialect and colloquial communication culture” (Saratov, SSU, November 18-19, 2015), Saratov, Amirit Publ., 2016, Iss. 2, pp. 66-76.

Key words: phonoscope examination, intonation pattern, phonosemantic analysis.

Contemporary research of oral language is extremely multifaceted and multifunctional. One important theoretical challenge is how to detect methods of transmitting information during the process of oral communication. Undoubtedly, in a broader sense, research on communication often concerns the lexical material itself. However, in the past few decades, new fundamentals that are centered on nonverbal means have arisen. This has allowed for further research into criteria that can be used to describe (assess) the emotional state of the author. The role of nonverbal cues and intonation is particularly salient in cases when the meaning of a statement (which is composed of lexicologically combined phrases) is incomplete or does not correspond with the situation in which the speech is occurring. Although research in the field of phonosemantics is still experimental, it is our firm conviction that phonosemantics is capable of revealing deeper and suggestive processes that are often hidden from the superficial view, but which can be detected with the aid of specialized automated

methodologies. In principle, it is possible to create a computerized model of speech analysis that would be based on experimental data on the color associations of the sounds of the Russian language [Prokofieva 2007].

As a rule, in the process of everyday communication, lexical material and nonverbal signals correspond with one another. However, if the situation has any limitations, then the most obvious factor – the lexical meaning – ceases to play the main role and gives way to other components of communication. In such circumstances, the researcher looks into individual segments of significant components of intonation, such as melody and intensity of the voice, pauses, speech tempo, and timbre, in order to determine their role in the process of direct communication. Is it possible to draw conclusions about the communicative intentions of the speaker simply by looking at the intonation patterns of his speech as separate from their lexicological meaning? In order to try to answer this question, let us hypothesize that instrumental methods of processing oral language can aid in detecting the emotional composition of the statement.

When conducting instrumental research of oral language, the pragmatic focus of the verbal statements within the boundaries of forensic examination must be taken into consideration. The prosodic study of the notional meaning of a given phrase represents a complex task for phonoscopic, linguistic, and psychological forensic analyses. According to E.I. Galyashina, when conducting such research, "... it is necessary to use auditory and instrumental methods of acoustic-phonetic speech analysis, to use specialized knowledge from the field of psychology of verbal actions to reliably answer the questions posed by the experts on the content-meaning focus, the pragmatics, and the suggestiveness of a text" [Galyashina 2006: 10]. We cannot help but agree that the classical linguistic evaluation of a text in such a case cannot be exhaustive, since the text or the so-called "decryption" of oral statements does not convey all of its prosodic nuances [Galyashina 2006: 44].

In order to test our hypothesis that instrumental methods can allow for the detection of the same communicative intentions of the speaker in language segments of different lexicological content, we compared the intonation patterns of statements that explicitly contain insults with statements that are of a negative character but whose lexicon is not marked by expletives or unprintable phrases.

For our experiment, we chose fragments of recordings of monologues from the speeches of two men. In one case, it was fragments of recordings from a telephone conversation (a situation of communication – a discussion of mutual acquaintances). The speech of the participant, to be designated here as M1, represent phrases of a spontaneous dialogue – free, not prepared; the style of communication is unofficial and emotional. This material is particular in that the situation, apparently, allows for the use of varied expressive means, and it often goes outside the confines of standard language.

The speech of the other participant, to be designated as "M2," is a monologue – somewhat free, partially prepared (since he knew the topic of the con-

versation in advance); the style of communication is official, emotional. The situation was a discussion of well-known persons and events. The phrases that we used came from fragments of a recording of a public presentation. This speech is particular in that the format allowed for the use of varying emotional-expressive devices, although they do not go outside the bounds of standard language.

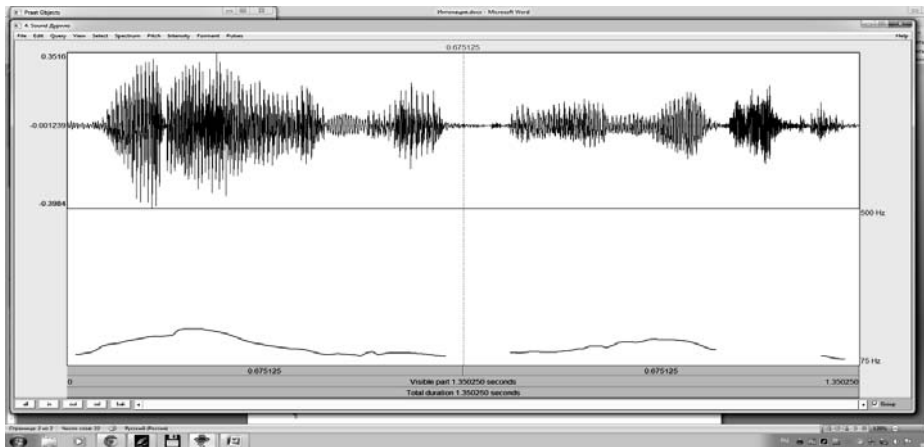
In order to obtain the intonation patterns, we used the program Praat, which was created by members of the Department of Phonetic Sciences at the University of Amsterdam, Paul Boersma and David Weenik, and is intended for linguists who study oral speech. The program allows for the creation of a multi-level layout of oral speech, including constructing waveforms, spectrograms, and intonograms. One of the goals of the experiment was to study the possible use of the program in conducting phonoscopic evaluation.

For comparison, we took two pairs of phrases:

1. “You’re such a f—king sh—thead” which is part of the phrase “F—k, you’re such a f—king sh—thead”, taken from M1’s dialogue. This correlates with the contextual meaning of the nomination “cowboy,” which is part of the phrase “Bush is a c—ksucking cowboy,” which was uttered by M2 in a public presentation.

2. “I’m so f—king sick of this sh—t,” which is a fragment of the phrase “I have here, f—k, four text messages, I’m so f—king sick of this sh—t,” taken from M1’s dialogue. This can correlate to the content of the meaning of the phrase “I’m so fed up with”, which is part of the phrase “I’m so fed up with these [racial slur],” uttered by M2 in a public presentation.

Here is a comparison of the intonation pattern of each pair of phrases:

Fig. 1. The intonation pattern of M1’s phrase “You’re such a f—king sh—thead”

Figures 1 and 2 show the graphics of the intonation of the two phrases that go together in meaning: “sh—t,” and “...cowboy.” In the general context of the conversations, these phrases have a similar meaning – a contemptuous description of the person whom they are talking about. Moreover, the dictionary

describes the noun “sh—thead,” as colloquial, while the noun “cowboy” does not carry any such label. The meaning of the noun “cowboy” here is derived from the context of a concrete phrase. It is important to note that these two words have a similar phonetic pattern.

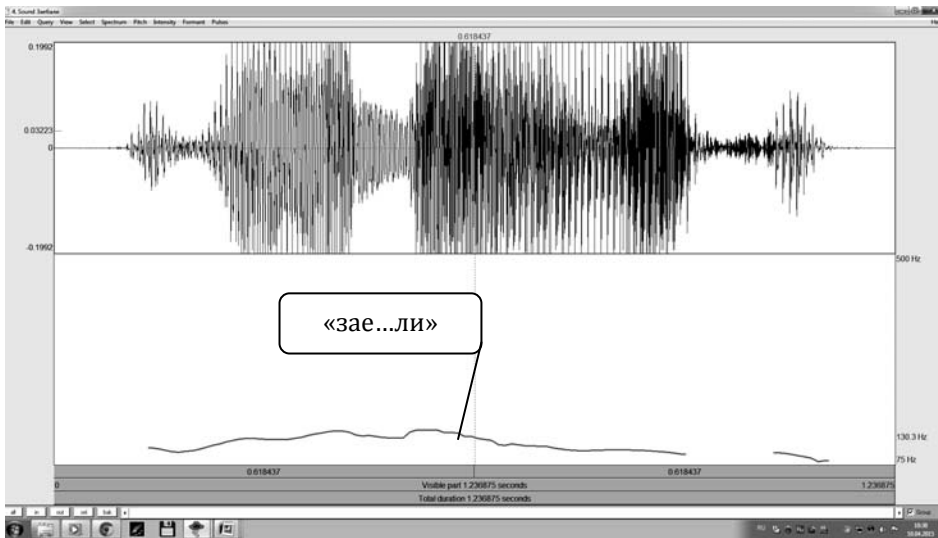

Fig. 2. The intonation patter of M2's phrase "... cowboy"

As it can be seen, the intonation patterns (the intonation is indicated by the grey line) of these short phrases are relatively similar, although the charts do indicate some variations in the amplitude of the frequency and fluency of the melodies. In our opinion, the differences are in part due to the difference in the speakers' manners of speaking. M1 speaks more emotionally, and furthermore the melody of his speech is somewhat fluid (Fig. 1). M2 is also emotional, but his intonation is discontinuous, as can be seen in the chart (Fig. 2).

With the help of the program Praat, we were able to determine the average frequency of the voices of the speakers when they were uttering the indicated phrases. The average frequency of M1's voice when pronouncing the phrase, “you're such a f—king sh—thead,” is approximately 129 Hz, just as the average frequency of M2's voice when uttering the phrase “...cowboy” was approximately 141 Hz, which can probably be attributed to the unique acoustics of each speaker's voice.

Figures 3 and 4 show the intonation of two phrases that are similar in meaning “I'm so f—king sick of this sh—t” and “I'm so sick of...”. Within the general context of the conversations, the phrases have a similar meaning: “to push someone to the brink of annoyance; to really get tired of.” Moreover, the dictionary describes the verb “to be sick of” as colloquial, while the verb “to be f—king sick of” is related to the non-normative lexicology of the Russian language. On the intonogram, these phrases have a similar phonetic pattern.

Fig. 3. The intonation pattern of M1's phrase "I'm so f—king sick of this sh—t"

Fig. 4. The intonation pattern of M2's phrase "I'm so sick of..."

The phonetic patterns of these short phrases are similar enough, although the charts do indicate some variations in the amplitude of frequency and fluidity in the melodies. Just as we noted in the description of the first pair of charts, a similar variation may be due to differences in the speech mannerisms of the speakers, which can be easily seen in Charts 3 and 4. The average frequency of the voices of the speakers when speaking the phrases was around 181 Hz in the case of M1 (Chart 3), while the average frequency of M2's voice is

around 530 Hz (Chart 4), which can also be attributed to the individual acoustics of the individual voices.

On the whole, Praat allows us to create fairly detailed charts of intonation and to see the maximum and minimum frequency using an instrumental analysis of the uttered phrases. However, we met with several challenges during our work:

- The program is not always capable of constructing a pattern in cases where the speech does not have enough fluidity. In particular, M2 speaks at a quick tempo and pronounces his words sharply and brokenly. The chart of his intonation, as we can see in Figures 2 and 4, is an intermittent split-level line, in so much as the program recognizes only the maximum frequency, while only rarely recognizing the minimum;

- In order to ascertain the average frequency of the characteristics of intonation, Praat suggests manually delineating the section where it is necessary to calculate the average frequency. For this section, it calculates the maximum and minimum indicators of frequency. The average frequency is thus determined automatically for the entire chart. These indicators are displayed in the right-hand side of the program, separate from the chart itself. However, during the automatic deduction of the average frequency, the program experiences difficulties, as can be seen when looking at Figure 4: the minimum (75 Hz) and the maximum (500 Hz) frequencies can be seen on the right side of the chart, but the average indicator is missing. Let us recall that M2's speech is abrupt, with a varying tempo. However, the program does not seem to experience difficulties when we manually divide his speech into sections.

In our opinion, such deficiencies can be avoided in the future with the creation of or modification to the program that would automatically process oral speech. One of the necessary conditions of functionality and viability of similar programmatic products would be their ability to process oral signals that have unique characteristics, since living speech is not inhomogenous. The oral mannerisms of a subject, with the varying acoustic parameters of his voice, are his defining characteristics. Similar programs should be developed not only for abstract-ideal speech recordings, but also for processing everyday colloquial speech that does not have a stable tempo and that has varying volume and emotional saturation.

The second stage of the experiment with the selected materials was an attempt to fixate the differences in emotional impact between the fragments of the oral language and its accompanying intonation patterns. "As an integral part of the human psyche, the emotional-evaluation reaction inherently has a clearly stated national character. Representatives of different nations do not always perceive, understand, or interpret the same facts from their surroundings in an identical way" [Zavorotishcheva 2010]. Let us hypothesize that the sound of spoken language creates a general emotional state, which is intensified in certain parts, which in turn affect one's interpretation of the speech as a

whole. As such, the methods of phonosemantic analysis are capable of revealing this mood, which is set at the level of audio-color associativity.

A.S. Stern developed a rigorous method of discovering the ties between the connotative meaning of a text and its total phonetic meaning. This method is based on assessing how the frequency of sounds deviate from their usual speech frequency [Stern 1967]. In spontaneous speech, sounds are met at a somewhat fixed rate, and the speaker of that language intuitively “expects” to meet each sound a certain number of times without consciously realizing it, so long as the portion of that sound stays within the norm. An increase in their informativity, for example through a subliminal change in the quantity of a rarely met sound within a section of a speech (even in the absence of such devices of semantization of a text as assonance or alliteration) manifests itself in the conscious (or the subconscious) of the listener, thereby underlining the phonetic meaning of the entire text. In this sense, a logical proposition would be that the audio-color associativity that exists for every speaker of a national language lies dormant during normal frequency of speech. Therefore, a deliberate (or non-deliberate) change in the frequency of the occurrence of a sound could activate or transform from the level of the unconscious to the subconscious, thereby depicting the emotional background that is also connected with the non-conscious associativity of the colors of language [Prokofyeva, Durnova 2011]. Here, it is important to recall that the established meaning of colors in the Russian linguo-culture’s collective subconscious [Vasilevich, Kuznetsova, Mishchenko 2005; Yanshin 2001], combined with data from research on Russian national audio-color associativity enables the recipient to fixate a total setting of “mine” and “foreign,” “good” and “bad,” in essence – emotional coloring.

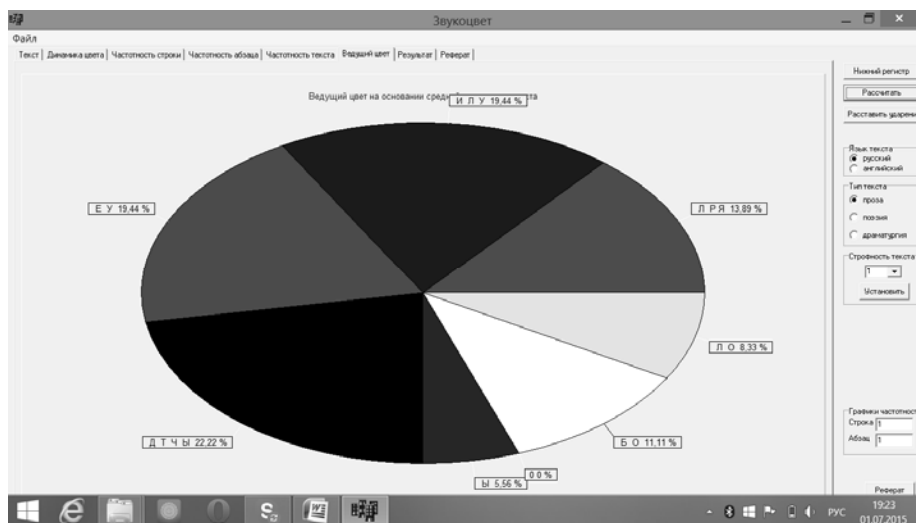
Earlier research on intentionally semantized language products (spells, glossolalia, mantras, prayers, commercial advertisements, children’s lullabies and the like) has shown that suggestiveness is carried out on just such a phonosemantic level, even more so when the lexicological level of many analyzed texts is by default obscured and the frequency is, in general, asemantic [Prokofyeva, Klemyonova 2012].

The automated analysis of the four speech fragments of M1 and M2 with the help of the program “Sound-color” (reg. #) showed inherent differences on the basis of phonosemantics, which demonstrates the potential interpretative possibilities of this given method. M1’s fragment “you’re such a f—king sh—thead, f—k,” was characterized as 22.22% black (Fig. 5), which is an almost unique example in our work (the second such result was only during the analysis of K. Balmont’s poem “The boat of longing,” and only in certain segments that contained alliteration on the letter “ch”).

The breakdown in the fragment shows that the program strictly speaking did not detect any methods of semantization, but that it designated five phonetic-letters (D, U, Ya, B, YI) out of 19 as highly informative. A similar phonosemantic “fluidity” is not rare in the traditional texts of spells, mantras,

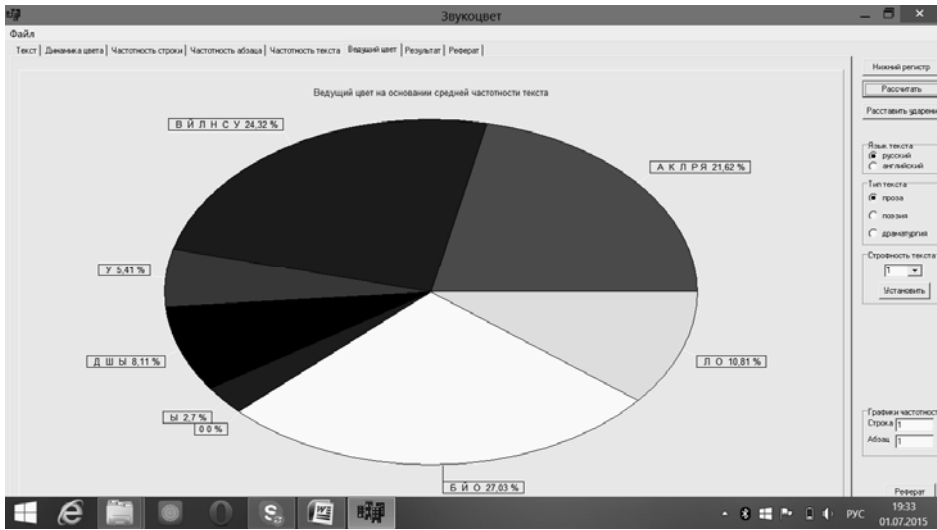

and prayers. It is also often met in poetic language, but we were the first to note it in conversational materials. In all fairness, it must be said that the invective and expletive lexicology still has not been an object of specialized phonosemantic research, but even at a first look, its essential suggestive potential cannot not be noted, as its researchers constantly mention [Karasik 1992; Zhelvis 2001]. We must point out that neither the percussive (blue) “and” nor the (red) “I” could neutralize the black color of the text. It can be suggested that the psychological impact of the phrase has left a negative emotional “stain” in the consciousness of the listener, which spreads to the neighboring syntagmas and, possibly, to the oral work as a whole. Without specialized research, however, it is of course difficult to confirm or deny this proposition. It is possible that the use of the individual pronoun “you (*informal*)” when combined with the invectively and stylistically marked words strengthens the negative emotion that transforms the speech from the abstract to the personal (even outside of the bounds of the speaker’s intensions!).

Fig. 5. A diagram of the main colors based on analysis of M1’s phrase “You’re such a f—king sh—thead, f—k”

An analysis of the next fragment of speech, M2’s “Bush is a c—ksucking cowboy,” which clearly contains an obscenity, nevertheless for a Russian speaker reveals an average of white-blue-red colors (Fig. 6), which is perceived as more neutral than the first example. The program also assigns high informativeness to several phonetic sounds (K, U, Ya, B, IJ) in the absence of semantized methods of alliteration or assonance. The emotional background of the fragment of speech is moderate, since the associative reaction does not allow it to be identified as “other” or, accordingly, “hostile.”

Fig. 6. A diagram of the main colors based on the analysis of M2's phrase "Bush is a c—ksucking cowboy"

The research was experimental, and therefore it is still early to draw any global conclusions. However, even just on the basis of comparing the "Sound-color" program's analysis of the two phrases that are similar in meaning but different in linguistic representation, one can draw a preliminary conclusion about the possibilities for determining the emotional background of a particular oral speech without regard to its lexicological meaning.

References

1. Galyashina, E.I. (2006), *Lingvistika vs ekstremizma: V pomoshch' sud'yam, sledovatelyam, ekspertam* [Linguistics vs. extremism: helping judges, investigators, and experts], ed. by M.B. Gorbanevskiy, Moscow, 96 p.
2. Karasik, V.I. (1992), *Yazyk sotsial'nogo statusa* [Language of social status], Moscow, 330 p.
3. Prokofyeva, L.P. (2007), *Zvuko-tsvetovaya assotsiativnost': universal'noe, natsional'noe, individual'noe* [Sound and color associativity: universal, national, individual], Saratov, 280 p.
4. Prokofyeva, L.P., Durnova, N.A. (2011), Metodika fonosemanticheskogo issledovaniya rechi [Methods of phonosemantic research of a language]. *Mova i kul'tura* [Language and culture], Iss. 14, Vol. 8 (154), pp. 55-61.
5. Prokofyeva, L.P., Klemyonova, E.N. (2012), Tsvet i zvuk v politicheskoi reklame [Color and sound in political advertising]. *Galeevskie chteniya* [Galeevsky's readings], materials of the international academic and practical conference ("Prometheus" 2012), April 6-8, 2012, Kazan, pp. 269-275.
6. Shtern, A.S. (1967), Obyektivnye kriterii vyyavleniya effekta "zvukovoi simvolikim" [Objective criteria of identification of effect of "sound symbolics"]. *Materialy*

seminara po probleme motivirovannosti yazykovogo znaka [Seminar materials on a problem of motivation of a language sign], Leningrad, pp. 69-73.

7. Vasilevich, A.P., Kuznetsova, S.N., Mishchenko, S.S. (2005), *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* [Color and the names of colors in Russian language], Moscow, 216 p.

8. Yan'shin, P.V. (2001), *Psikhosemanticheskii analiz kategorizatsii tsveta v strukture soznaniya subyekta* [Psychosemantic analysis of categorizing colors in the structure of the consciousness of the subject], Author's abstract, Moscow.

9. Zavorotishcheva, N.S. (2010), *Invektivy v sovremennoi razgovornoj rechi (na materiale pirenskogo natsional'nogo varianta ispanskogo yazyka i amerikanskogo natsional'nogo varianta angliiskogo yazyka)* [Invectives in modern conversational speech (On the material of Iberian Spanish and American English)], Author's abstract, Moscow, 26 p.

10. Zhel'vis, V.I. (2001), *Pole brani. Skvernoslovie kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira* [Battlefield ('The Field of Abuse'). Foul language as a social problem in world languages and cultures], Moscow, 352 p.

Л.Ю. Матвеева, Л.П. Прокофьева
Саратов, Россия

КАРТИНА ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ (ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СПОСОБОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ)

Представлено экспериментальное исследование эмоционального компонента звучащей речи, проведенное с использованием инструментальных методов: программы анализа и реконструкции акустических речевых сигналов Praat (© P. Boersma & D. Weenink) и авторской программы фоносемантического анализа «Звукоцвет» (© Л.П. Прокофьева). Аутентичный звуковой материал со специфическими лексическими (инвектив и бранные слова) и интонационными (различный интонационный рисунок) параметрами был проанализирован в автоматическом режиме и интерпретирован с учетом достижений современной фонетической семантики. Результаты демонстрируют принципиальную возможность выявления эмоциональной составляющей звучащей речи без прямой связи с лексическим значением, что может быть использовано для создания теоретической компьютерной модели фоносемантического анализа речи и прагматических целей, в том числе для фоноскопической экспертизы речи.

Статья является переводом публикации авторов: Русская устная речь: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «II-е Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» (г. Саратов, СГУ, 18–19 ноября 2015г.). Вып. 2. Саратов: Амирит, 2016. С. 66–76.

Ключевые слова: фоноскопическая экспертиза, интонационные паттерны, фоносемантический анализ.

Сведения об авторах:

Матвеева Любовь Юрьевна, аспирант кафедры русского языка как иностранного

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского

410012, Россия, Саратов, ул. Большая Казачья, 112

E-mail: lyu-matveeva91@ya.ru

Прокофьева Лариса Петровна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка как иностранного

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского

410012, Россия, Саратов, ул. Большая Казачья, 112

E-mail: prokofievalp@mail.ru

About the authors:

Matveeva Liubov Yurievna, post-graduate student of the Russian as a Foreign Language Chair

Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky

112 Bolshaya Kazachya ul., Saratov, 410012, Russia

E-mail: lyu-matveeva91@ya.ru

Prokofyeva Larisa Petrovna, Prof., Head of the Russian as a Foreign Language Chair

Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky

112 Bolshaya Kazachya ul., Saratov, 410012, Russia

E-mail: prokofievalp@mail.ru

Дата поступления статьи 10.06.2016

Для цитирования: *Матвеева Л.Ю., Прокофьева Л.П.* Картина звучащей речи (потенциал использования автоматизированных способов исследования для целей фоноскопической экспертизы) // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 17–27. (На англ. яз.)

For citation: Matveeva, L.Yu., Prokofyeva, L.P. (2016), A depiction of oral speech (the potential of using automated research for the purposes of phonoscopic evaluation). *Communication Studies*, No. 2 (8), pp. 17-27.

ПЕРЕВОД КАК ВИД ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Представлен герменевтический подход к пониманию природы процесса перевода, который позволяет выделить его основные этапы и разделить все смысловые переводческие ошибки на ошибки узнавания, ошибки понимания и ошибки интерпретации. В последней группе выделяются две подгруппы: собственно ошибки интерпретации и ошибки «понимания-интерпретации».

Сопоставительный анализ текстов трех романов, написанных на английском языке, и их переводов на русский язык позволил установить, что самым распространенным типом смысловых ошибок в переводе текстов являются ошибки понимания. Следующим типом по частоте встречаемости являются ошибки интерпретации. В этой группе явно преобладают ошибки подгруппы «понимания-интерпретации». На основе герменевтического подхода можно выделить следующие виды средств передачи смысла в процессе перевода: собственно герменевтические, герменевтико-переводческие и ассоциативно-герменевтические.

Ключевые слова: герменевтика, перевод, герменевтический дискурс, имплицитный смысл, переводческая ошибка, распознавание, понимание, интерпретация, средства передачи смысла.

Оценка качества перевода, выбор переводческих решений для передачи смысла текста имеют прикладной характер, но методологический подход к определению природы ошибок и путей их преодоления во многом детерминирован теоретической базой, на которую опирается переводчик или переводовед. Традиционный подход к пониманию сущности перевода был сформулирован на основе положений, выдвинутых в трудах В.Н. Комиссарова [Комиссаров 2002], Я.И. Рецкера [Рецкер 2004], А.В. Фёдорова [Фёдоров 1983] и др. Обращение к основам герменевтики позволяет по-новому взглянуть на некоторые основные проблемы теории и практики перевода.

Герменевтика (в первоначальном значении слова, восходящем к античности и средневековью) – это искусство и теория толкования текстов, учение о понимании смысла высказывания и, в расширенном понимании, принятом в философской (главным образом немецкой) и научной традиции Нового времени, – учение о понимании другой индивидуальности [Хализов 2002: 140].

Герменевтика уже приобрела статус методологической основы гуманитарного знания, в том числе искусствоведения, филологии и литературоведения. Ее положения помогают понять специфику коммуникации автора текста и реципиента. Обращение к герменевтике, уже ставшей базовой научной дисциплиной и для философии, и для филологии, позволяет более точно понять природу перевода и классифицировать несоответствия в тексте и переводе. Тем более, что, хотя ситуации герменевтического характера можно обнаружить в различных сферах науки, исторически сложилось так, что первоначально герменевтика была связана именно с развитием гуманитарных наук, прежде всего с переводом. Словом «герменос», встречавшимся уже у Пиндара и Эсхила, назывался человек, занимавшийся переводом и одновременно толкованием чуждых или непосредственно непонятных текстов [Филатов 1983: 77].

Применительно к теории и практике перевода можно использовать узкое понимание термина «герменевтика», подразумевающего искусство (технику) интерпретации текстов [Артамонова, Кузнецов 2008: 99]. По определению В.И. Карасика суть герменевтического дискурса состоит в истолковании некоторого неочевидного смысла [Карасик 2009: 32]. К жанрам герменевтического дискурса он относит комментарий, басню и т. д.

Продолжая его мысль, мы можем определить перевод как вид вторичного герменевтического дискурса. Вторичным он является по отношению к оригинальному тексту. К герменевтическому дискурсу его можно отнести на том основании, что он представляет собой результат узнавания, понимания и интерпретации смысла, выражаемого с помощью совокупности языковых знаков, порожденной представителем (представителями) одной лингвокультуры, посредством переводящего языка для носителей другой лингвокультуры. Одной из основных задач переводчика является выявление и интерпретация неявного смысла текста. Иными словами, перевод текста по своей природе является герменевтическим.

Понимание перевода как вида герменевтического дискурса предполагает выявление не только очевидного смысла текста, но и его имплицитного компонента.

Например, в переводе на русский язык романа Т. Пратчетта *Soul Music* («Роковая музыка») есть эпизод, в котором описывается, как к изготовителю гитар после успешного выступления в городе музыкальной группы весь день шли молодые люди, желающие приобрести инструмент. В конце дня утомленный продавец вызывает помощника и говорит ему следующее: *Потом сходи в доки и найми тролля. Вели ему встать на углу, и если еще хоть кто-нибудь войдет сюда и попытается сыграть «Стремлянку В Облака», так, кажется она называется... Так вот, пусть он оторвет ему голову* (Т. Пратчетт. Роковая музыка).

В оригинале автор использовал сочетание слов *Pathway to Paradise*, представляющее собой зашифрованное название песни группы Led Zep-

pelin **Stairway to Heaven**. Переводчик постарался приблизить измененное название к оригинальному, чтобы обеспечить возникновение ассоциации у российского читателя с музыкальным произведением, чтобы объяснить связь процесса приобретения гитары и реакции продавца. В англоязычной лингвокультуре существует мнение, что во многих магазинах, торгующих музыкальными инструментами, запрещено исполнять эту песню, пробуя гитару. Многие новички пытаются начинать выбор инструмента именно с нее, и это очень сильно раздражает продавцов. В фильме «Мир Уэйна» герою, пробующему гитару, работник магазина указывает на табличку “NO STAIRWAY”. Этот пример можно считать удачным в герменевтическом плане решением, так как переводчику удается создать условия для потенциального понимания носителем русской лингвокультуры прецедентного феномена иной культуры.

Так как перед переводчиком стоит задача средствами переводящего языка передать смысл текста, созданного не только средствами иного языка, но и в границах другой картины мира, на первый план выходят проблемы узнавания, понимания и интерпретации, характеризующиеся разной степенью проникновения в смысл. По определению Н.В. Орловой, к основным текстовым категориям, формирующим коммуникативно-прагматическую организацию текста, относятся восприятие, понимание и интерпретация. Восприятие – первый шаг к осознанию линейного развертывания текста. Понимание – это процесс перекодирования, переход от линейной структуры, образуемой совокупностью языковых знаков, к структуре его содержания. Интерпретация – переход на еще более глубокий уровень понимания, включающий рефлексивность над воспринятым и понятым [Орлова 2015: 36]. Их также можно рассматривать как этапы переводческой деятельности. Применительно к процессу перевода термин «распознавание» представляется более предпочтительным, чем термин «восприятие», так как, в основном, переводчик должен выделить, т. е. распознать единицу перевода, например фразеологизм или сочетание лексических единиц, передающих прецедентный феномен.

Так, название романа Дж.Х. Чейза *Miss Shumway Waves a Wand* переводчик передал как «Мисс Шамуэй правит бал» (Дж.Х. Чейз, 2007). В русском языке фразеологизм «править бал» используется для обозначения того, кто управляет, распоряжается чем-либо. Персонаж романа Майра Шамуэй находится в центре событий, но она не управляет ими, наоборот, с ней все время что-то происходит. Более того, в ее тело вселяется индейский дух и манипулирует ей, даже заставляет совершить убийство. Вряд ли такого человека можно считать управляющим всем. Несомненно, перевод был бы иным, если бы переводчик узнал фразеологизм *with a wave of a wand* («по мановению волшебной палочки»). Использование данного фразеологизма, несомненно, продиктовано тем, что по ходу действия главная героиня совершает различные чудеса. Дополнительной подсказ-

кой для адекватного понимания и истолкования названия романа является тот факт, что мисс Шамуэй по роду своей деятельности была фокусницей, а атрибутом фокусников часто выступает «волшебная» палочка. Таким образом, переводчику не удастся передать имплицитный смысл названия романа. Причиной коммуникативной неудачи является неспособность носителя русской лингвокультуры распознать английский фразеологизм.

Применительно к переводу восприятию соответствует не только осознание линейного развертывания текста, но и распознавание или узнавание отдельных элементов текста, например прецедентных феноменов, что обеспечивает понимание переводчиком и последующую интерпретацию их имплицитных смыслов. Неспособность переводчика распознать прецедентный феномен в ряде случаев приводит к пропуску части текста, передающего имплицитно выраженный смысл предложения.

Так как в процессе понимания текста переводчик сначала интерпретирует часть текста для себя, а потом выбирает наиболее адекватные способы интерпретации для реципиента (носителя лингвокультуры, отличающейся от той, в рамках которой был создан исходный текст), то можно говорить, во-первых, о двух этапах интерпретации при переводе текста: а) интровертной (внутренней) и б) внешней, ориентированной на получателя информации. Во-вторых, так как понимание и интровертная интерпретация тесно взаимосвязаны в процессе перевода, то мы можем говорить и о промежуточном этапе – понимании-интерпретации, следствием которого могут быть ошибки понимания-интерпретации.

Ключевым в процессе перевода, на наш взгляд, является этап понимания. Как ни парадоксально это звучит, но лучшим доказательством этого являются ошибки и несоответствия оригиналу в тексте перевода.

Например, в переводе романа А. Конан Дойла «Этюд в багровых тонах» Н. Тренева в начале романа доктор Ватсон отправляется в Афганистан в 1878 г. и принимает участие в военных действиях, в результате чего он получил тяжелое ранение и был эвакуирован. *Измученный раной и ослабевший от длительных лишений, я вместе с множеством других раненых страдалцев был отправлен поездом в главный госпиталь в Пешавар* (А. Конан Дойл. Этюд в багровых тонах). В оригинальном тексте использовано слово *train*, которое можно перевести и как «поезд». Но в 1878 г. железной дороги из Афганистана в Пешавар не существовало. Слово *train* использовано автором в значении «обоз, караван». Таким образом, возникает разрыв между денотативным компонентом исходного текста и перевода, причиной которого явилась ошибка понимания.

Ключевую роль этапа понимания в процессе перевода подтверждает сопоставительный анализ исходных текстов и их переводов. В качестве материала исследования использовались следующие произведения: роман Артура Конан Дойла *A Study in Scarlet* и его перевод Н. Треновой, роман

П.Г. Вудхауза *Heavy Weather* и его перевод Н. Трауберг, роман Д. Брауна *The Da Vinci Code* и его перевод Н.В. Рейн.

Сопоставительный анализ вышеуказанных источников позволил выделить 320 переводческих ошибок, которые можно отнести к смысловым. Из них 52 являются ошибками узнавания, что составляет 16,3 % от общего количества выявленных ошибок. 155 случаев следует охарактеризовать как ошибки понимания, что составляет 48,4 %. К ошибкам интерпретации можно отнести 113 случаев (35,3 %). Из них 43 относятся к подгруппе ошибок собственно интерпретации, что составляет 38 % ошибок группы интерпретации. Ошибки подгруппы «понимания-интерпретации» выявлены в 70 примерах (62 % ошибок группы интерпретации). Таким образом, можно сделать вывод, что с герменевтической точки зрения наиболее сложным этапом является понимание смысла единицы перевода.

Если рассматривать герменевтический аспект средств передачи смысла в процессе перевода, то можно выделить следующие виды таких: собственно герменевтические, герменевтико-переводческие и ассоциативно-герменевтические.

К собственно герменевтическим средствам передачи смысла относится в первую очередь переводческий комментарий, от точности и полноты которого зависит степень достижения адекватности и эквивалентности в реализации смысла исходного текста. Например, в комментарии к переводу романа Д. Брауна «Код да Винчи» выражение *curriculum vitae* трактуется переводчиком в комментарии как *круг жизни*, тогда как в современном английском дискурсе оно употребляется в значении «резюме, автобиография» (Д. Браун. Код да Винчи). Следовательно, в данном комментарии переводчик не добился реализации как эксплицитного, так и имплицитного смысла.

Самым ярким примером герменевтико-переводческого вида является переводческая трансформация – экспликация, применяя которую переводчик объясняет имеющимся в его распоряжении средствами переводящего языка смысл лексической единицы или даже части текста.

Необходимость в ассоциативно-герменевтическом виде передачи имплицитного смысла текста обусловлена в основном различиями в языковых картинах мира представителей двух лингвокультур. Переводчик для того, чтобы передать неявный смысл фрагмента текста, прибегает к переводческим преобразованиям, способствующим формированию у реципиента возможной ассоциации с явлением, к которому апеллирует автор текста. К таким преобразованиям могут относиться добавление, конкретизация и т. п. Например, в следующем отрывке из перевода романа Т. Пратчетта были добавлены слова «поэт» и «воображение» для конкретизации тематической сферы-источника прецедентного для английской лингвокультуры текста поэмы Э. По «Ворон».

– Я ведь ворон, не так ли? – произнес бывший сверток. – Одна из немногих птиц, умеющих разговаривать. А люди, стоит им только увидеть

меня, сразу начинают твердить: "О, так ты ворон, значит? А ну-ка, скажи нам слово на букву "Н"... А все этот **поэт** со своим **воображением** (Т. Пратчетт. Роковая музыка).

Переводчик перекидывает своеобразный мостик от одной лингвокультуры к носителям другой, иными словами поясняет смысл через ассоциацию с потенциально известным реципиенту явлением.

Собственно-переводческий вид представляет собой раскрытие смысла фрагмента текста с помощью выбора соответствующего эквивалента из переводящего языка и, в отличие от предыдущего вида, передача смысла, достигается исключительно за счет выбора словарного соответствия.

Например, в романе Т. Пратчетта *Night Watch* («Ночная стража») есть эпизод, в котором однокурсник вырывает книгу с изображением тигра в чаше и бросает ее в камин. В оригинале кульминацией эпизода является предложение *Tiger burned brightly*. Переводчик выбрал очень удачное решение, интерпретировав его как *Тигр светло горел* (Т. Пратчетт. Ночная стража). Успех переводческого преобразования определяется тем, что переводчик узнал прецедентное высказывание *Tyger! Tyger! Burning bright* из стихотворения У. Блейка *The Tyger*, относящегося к классическим английским поэтическим текстам и известного большинству носителей английской лингвокультуры. Кроме того, он понял, что высказывание использовано автором в измененном виде и при прямом переводе может остаться неопознанным и непонятым носителем русской лингвокультуры. В результате смысл, заложенный автором, будет в переводе утерян. На этапе интерпретации Н. Берденников использует трансформированное высказывание из перевода стихотворения У. Блейка на русский язык, созданного С. Маршаком, «Тигр, о тигр, светло горящий», определив, что в таком виде оригинальное прецедентное высказывание может быть узнано носителями русской лингвокультуры, знакомыми с переводом С. Маршака. Для точности узнавания переводчик сохраняет порядок слов из перевода С. Маршака, поставив наречие «светло» перед глаголом, что допускается нормами построения русского предложения. Таким образом, успешное переводческое решение было достигнуто в результате узнавания, понимания и интерпретации части текста.

Анализ собранного материала показывает, что соблюдение основных принципов герменевтического подхода способствует повышению адекватности перевода текстов с английского языка на русский.

Список литературы

1. Артамонова Ю.Д., Кузнецов В.Г. Герменевтический аспект языка СМИ // Язык средств массовой информации / под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2008. С. 99–117.
2. Карасик В.И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса // Язык, коммуникация и социальная среда: сб. науч. тр. Вып. 7. Воронеж, 2009. С. 32–47.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.

4. Орлова Н.В. Анализ и интерпретация текста: учебное пособие. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 188 с.
5. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р.Валент, 2004. 240 с.
6. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
7. Филатов В.П. К типологии ситуации понимания // Вопросы философии. 1983. № 10. С. 71–78.
8. Хализов В.Е. Теория литературы: учебник. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.

Источники

1. Браун Д. Код да Винчи. М.: АСТ: Астрель, 2011. 542 с.
2. Дойл А.К. Эюдж в багровых тонах // Дойл А.К. Полное собрание повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе в одном томе. М.: Эксмо, 2015. С. 5–96.
3. Пратчетт Т. Ночная стража. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2011. 528 с.
4. Пратчетт Т. Роковая музыка. М.: Эксмо, 2002. 560 с.
5. Чейз Дж.Х. Мисс Шамуэй правит бал // Чейз Дж.Х. Свидетелей не будет. М.: Центрполиграф, 2007. С. 7–210.

References

1. Artamonova, Yu.D., Kuznetsov, V.G. (2008), *Germenevticheskii aspekt yazyka SMI [Hermeneutical aspect of mass media language]*. *Yazyk sredstv massovoi informat-sii [Language of mass media]*, ed. by M.N. Volodina, Moscow, Akademicheskii Proekt publ., Alma Mater publ., pp. 99-117.
2. Karasik, V.I. (2009), *Kommentarii kak zhanr germenevticheskogo diskursa [Commentary as a genre of hermeneutical discourse]*. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda [Language, communication and social environment]*, collection of scientific works, Voronezh, Iss. 7, pp. 32-47.
3. Komissarov, V.N. (2002), *Sovremennoe perevodovedenie [Modern theory of translation]*, Moscow, ETS publ., 424 p.
4. Orlova, N.V. (2015), *Analiz i interpretatsiya teksta [Analysis and interpretation of the text]*, textbook, Omsk, OmGU publ., 188 p.
5. Retsker, Ya.I. (2004), *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda [Theory of translation and practice of translation: Essays on linguistic theory of translation]*, Moscow, R.Valent publ., 240 p.
6. Fyodorov, A.V. (1983), *Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)]*, Moscow, Vysshaya shkola publ., 303 p.
7. Filatov, V.P. (1983), *K tipologii situatsii ponimaniya [On the typology of the situations of comprehension]*. *Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*, No. 10, pp. 71-78.
8. Khalizov, V.E. (2002), *Teoriya literatury [Theory of Literature]*, textbook, Moscow, Vysshaya shkola publ., 437 p.

Sources

1. Brown, D. (2011), *The Da Vinci Code*, Moscow, AST publ., Astrel publ., 542 p. (in Russian).

2. Doyle, A.K. Study in Scarlet. In: *Complete set of novels and stories about Sherlock Holmes in one vol.*, translation from English, Moscow, Eksmo publ., 2015, pp. 5-96. (in Russian).
3. Pratchett, T. (2002), *Soul Music*, Moscow, Eksmo publ., 560 p. (in Russian).
4. Pratchett, T. (2011), *Night watch*, Moscow, Eksmo publ., St. Petersburg, Domino publ., 528 p. (in Russian).
5. Chase, J.H. (2007), Miss Shumway waves a wand. In: Chase, J.H. *This Way for a Shroud*. Moscow, Tsentrpoligraf publ., pp. 7-210. (in Russian).

M.V. Moiseev
Omsk, Russia

HERMENEUTICAL ASPECT OF THE DISTORTION OF SENSE IN THE TRANSLATION

Hermeneutical approach to the understanding of the nature of the process of the translation allows us to determine its main stages and to classify all translation errors into errors of recognition, errors of comprehension and errors of interpretation. The last group may be divided into two subgroups: proper errors of interpretation and errors of both comprehension and interpretation.

The comparative analysis of three novels in English and their Russian translations revealed that the most prevailing type of translation errors is represented by the errors of comprehension. The second most frequent type of errors is represented by the errors in interpretation. The mistakes combining both nature of comprehension and interpretation prevail evidently in this group. Three following kinds of the means of transfer of the sense in the process of translation may be defined on the basis of hermeneutical approach: hermeneutical proper, hermeneutical-translation, associative-hermeneutical.

Key words: hermeneutics, translation, hermeneutical discourse, implicit sense, translation error, recognition, comprehension, interpretation, means of sense transfer.

Сведения об авторе:

Моисеев Михаил Владимирович,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой английской филологии
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: mikh.moiseev2015@yandex.ru

About the author:

Moiseev Mikhail Vladimirovich, Dr.,
Head of the English Philology Chair
Dostoevsky Omsk State University
55a Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: mikh.moiseev2015@yandex.ru

Дата поступления статьи 30.05.2016

Для цитирования: Моисеев М.В. Перевод как вид герменевтического дискурса // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 28–35.

For citation: Moiseev, M.V. (2016), Hermeneutical aspect of the distortion of sense in the translation. *Communication Studies*, No. 2 (8), pp. 28-35. (in Russian).

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ВИД МЕТАНАУЧНОГО ДИСКУРСА: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Информационно-аналитический дискурс выделен в контексте научного дискурса. Сделано предположение, что рассматриваемый вид дискурса обладает некоторыми признаками научного дискурса, но вне связи с конкретной наукой. Осуществлена попытка его анализа по методике, предложенной В.И. Карасиком: определены типовые участники информационно-аналитического дискурса, его хромотоп, цели, ценности (в том числе ключевые концепты), стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы. Выделение указанных компонентов обосновано лексическим составом текстов информационно-аналитических жанров. Доказана институциональность информационно-аналитического дискурса.

Ключевые слова: информационно-аналитический дискурс, научный дискурс, метанаука, информация, выводное знание, анализ, синтез.

Информационно-аналитическая деятельность (далее – ИА деятельность) – деятельность, основанная на применении процедур анализа / синтеза совокупности известных сведений об объекте и предназначенная для получения нового знания о нем. В процессе осуществления ИА деятельности используется широкий круг методов анализа данных, в том числе и заимствованных из разных наук. Особую роль в ИА деятельности играют общие методы научного исследования – анализ и синтез информации, неразрывно связанные между собой и лежащие в основе любой познавательной и практической деятельности. Г.Ф. Гордукалова упоминает, что «словосочетание "информационные анализ и синтез" сформировалось в среде родовых терминов информационной деятельности» [Гордукалова 2015: 107]. Общенаучные методы «анализ / синтез», представляющие трудно расчленимое единство технологий, позволяют рассматривать ИА деятельность в контексте научной деятельности. Осуществление ИА деятельности всегда приводит к ее объективации в дискурсе. Можно предположить, что в информационно-аналитическом дискурсе (далее – ИА дискурс) имеются некоторые признаки научного дискурса. Вместе с тем ИА деятельность – это не «классическая» наука с едиными объектом и предметом.

Соответственно, и ее дискурс – не сугубо научный. Характеристики этого дискурса до сих пор не становились предметом специального лингвистического исследования. В связи с этим представляется необходимым построить описательную модель ИА дискурса, анализируя его по методике, предложенной В.И. Карасиком и предполагающей характеристику типовых участников дискурса, его хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [Карасик 2004: 303].

Материалом для анализа ИА дискурса послужили тексты ИА исследований, представленные в открытом доступе на сайтах маркетинговых, консалтинговых агентств, компаний, осуществляющих социологические исследования, библиотек, научно-технических центров (НТЦ) и других учреждений, занимающихся ИА деятельностью, а также тексты, найденные в поисковых системах Google, Yandex по соответствующим поисковым запросам (всего около 15 сайтов).

Типовые участники. Агентом ИА дискурса является информационный аналитик. До недавнего времени такой должности не было в большинстве российских организаций. Сейчас руководители компаний, работающих в разных отраслях экономики, осознают необходимость присутствия информационного аналитика в штате. В связи с этим наблюдается востребованность аналитиков на рынке труда.

Анализ массива должностных инструкций аналитиков, найденных по соответствующему запросу в поисковой системе Google, позволил более четко определить специализации аналитиков, сформировавшиеся на данном этапе существования профессии. Среди их названий можно выделить следующие типы словосочетаний: атрибутивные именные (*финансовый аналитик, системный аналитик*), сложные субстантивные, предполагающие наличие родовидовых отношений (*экономист-аналитик, маркетолог-аналитик, бизнес-аналитик, логист-аналитик, аналитик по виду или группе видов спорта, инженер-аналитик, бухгалтер-аналитик, провизор-аналитик, аналитик-консультант*) и атрибутивно-субстантивные комплексы (*аналитик отдела анализа, прогноза и обеспечения эффективности научной и образовательной деятельности, аналитик модельной деятельности, аналитик отдела маркетинга, аналитик службы анализа и отчетности, аналитик консолидированной информации*) [Валгина 2003: 34].

Контент-анализ должностных инструкций позволяет согласиться с Г.Ф. Гордукаловой, которая выделила четыре специализации информационных аналитиков: 1) аналитики-универсалы, приобретающие специализацию на предприятии (*стажер-аналитик, лаборант-аналитик, референт-аналитик*); 2) аналитики по предметной или отраслевой специализации рынка (*аналитик рынка недвижимости, аналитик по страхованию, бизнес-аналитик розничной торговли*); 3) аналитики широкого круга специализаций по функциональному признаку (*инвестиционный аналитик, кредитный аналитик, финансовый аналитик, биржевой аналитик*); 4) ана-

литики узкой целевой специализации по функциональному признаку (*аналитик бизнес-логист корпоративных информационных систем (КИС), аналитик портала, вирусный аналитик, спам-аналитик*) [Гордукалова 2015: 85].

Необходимо отметить, что в названиях должностей информационных аналитиков не всегда присутствует слово «аналитик» (*специалист информационного обеспечения, SMM-менеджер (Social media marketing, досл. – «маркетинг в социальных медиа»), менеджер проектов, менеджер внедрения CRM (Customer relationship management, досл. – «управление отношениями с клиентами»), продакт-менеджер, UX-дизайнер (User experience, досл. – «опыт взаимодействия») и др.*). Можно встретить и метафоричные названия должностей, связанных с ИА деятельностью (*бизнес-архитектор*).

Анализ найденных текстов в жанре должностных инструкций дал основания выявить типовые функции информационных аналитиков: осуществление аналитической научно-исследовательской работы с целью сбора, оценки и анализа получаемой информации, а также выработки практических рекомендаций; организация аналитического и методического обеспечения проведения исследовательских работ; осуществление мониторинга публикаций, в том числе в российских и зарубежных средствах массовой информации, их оценка; координация деятельности исполнителей при совместном выполнении работ с другими структурными подразделениями организации; составление отчетной документации.

По данным Г.Ф. Гордукаловой, профессиональная подготовка аналитиков универсального профиля осуществляется на библиотечно-информационных факультетах вузов культуры, педагогических университетов¹.

Чаще всего в объявлениях о вакансиях аналитиков работодатели указывают требование высшего технического или экономического образования (сайты вакансий hh.ru, adzuna.ru, superjob.ru, ngs.ru). Информация к открытым вакансиям на сайте крупнейшего маркетингового агентства в г. Омске «Делфи» свидетельствует об этом. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации также рассматривает резюме экспертов-аналитиков в различных отраслях экономики: финансовой,

---

¹ Специальная подготовка аналитиков была введена только в конце 1990-х гг. на некоторых факультетах вузов России (экономических, менеджмента, прикладной информатики) [Гордукалова 2015: 80]. Зачастую аналитиками узких специализаций становятся непосредственно на рабочем месте, применяя знания и навыки, полученные в процессе обучения в вузе по выбранной специальности. Изначально подготовкой аналитической продукции занимались только эксперты из разных сфер, кандидаты и доктора наук. Сейчас при подготовке аналитических материалов в конкретной узкой предметной области аналитику не обязательно быть специалистом в ней, а достаточно обладать знаниями о методах и технологиях сбора, анализа, синтеза информации и о формах ее представления.

транспортной, ЖКХ, использования природных ресурсов, охраны окружающей среды, образования, здравоохранения, инноваций, информационных технологий, энергетики, бюджетной политики, сельского хозяйства и стратегического планирования. Однако среди аналитиков нередки и представители гуманитарных областей знания, например социологи (Центр бизнес-контактов «Войс», Центр гуманитарных, социально-экономических и политических исследований – 2 (ГЭПИЦентр-2)).

Клиенты ИА дискурса. К услугам учреждений, специализирующихся на проведении маркетинговых, социологических и иных ИА исследований, обращаются как компании, в структуре которых не предусмотрен ИА отдел, так и компании, в которых таковой есть. Причина обращения последних: новейшие и максимально эффективные методики проведения информационных исследований, применяющиеся агентствами, регулярное повышение квалификации их сотрудников, высокий уровень качества предоставляемых услуг.

Клиентами ИА дискурса являются представители государственного и частного сектора экономики, разных ее отраслей, о чем свидетельствует анализ массива ИА текстов. Рассмотрим клиентов крупнейших маркетинговых и консалтинговых агентств, осуществляющих ИА деятельность в г. Омске (ГЭПИЦентр-2, «Делфи», «Войс»):

1. Органы государственной и муниципальной власти (*Управление президента РФ по связям с общественностью, Пресс-центр Правительства РФ, Министерство РФ по делам Федерации, Администрация Омской области*).

2. Предприятия и организации, работающие в области:

– промышленности, сельского хозяйства, энергетики (*ОАО «Омская энергосбытовая компания», Сибирско-скандинавская автобусная компания, ОАО «Лакомка», ОАО «Омский бекон», ОАО «Сибнефть-Омскнефтепродукт»*);

– коммунального хозяйства, транспорта, связи (*ОАО «Омскводоканал», компания «ТрансАэро», ООО «Межрегионгаз», ООО «Производственная фирма «Чистый город», ООО «Мобил-Телеком», Омский филиал ОАО «Ростелеком», «Контур Медиа», ОАО «Межрегиональный ТранзитТелеком»*);

– строительства (*ООО «Техно Град», ОАО «Московский институт «Гидропроект», ООО «Строительные технологии и системы», ХК «Блокстрой»*);

– торговли, общественного питания (*ООО «Компания-Холидей», МУП «Ярмарочный комплекс «Торговый город», ООО «АТ-Маркет», ЗАО «Веста», МУП «Фирменный магазин «Океан», «Сибирский Гурман», «Торгинвест»*);

– оказания страховых услуг (*АСК «АСКО», «РОСГОССТРАХ»*);

– оказания полиграфических услуг (*«Дизайн-принт», ЗАО «Кайрос»*).

3. Автоцентры (*Центр «РЕНО», ОАО «Омск-Лада»*).

4. Ассоциации, фонды, общественные и религиозные организации (*Ассоциация Сибирских и Дальневосточных городов, Ассоциация рынков и*

предприятий, Омский областной Союз предпринимателей, Омский областной Фонд борьбы с наркоманией, Союз Сибирских Казаков).

5. Средства массовой информации («Аргументы и факты», МузТВ, Издательский дом «Коммерческие вести», ОРТРК «12 канал», «Бизнес-курс»).

6. Учреждения культуры, науки, образования, здравоохранения (Омский государственный академический театр драмы, Омский государственный музей изобразительных искусств им. М. Врубеля, Санаторий «Омский», Аптечная сеть «36,6», «Фармэксперт Аналитика и Консалтинг»).

7. Банки (ГУ ЦБ РФ по Омской области, «Альфа-Банк», ИТ-Банк, Омский банк Сбербанка РФ).

8. Фондовый рынок (ЗАО «Октан-Брокер», «Октан-Инвест»).

9. Рекламные агентства (Омский видеозэкрэн, ООО «Рекламная площадь»).

10. Маркетинговые компании, исследовательские центры (GFK-Русь, ROMIR, IXONICA, SYNOVATE (Russia), Nielsen, O+K, VALIDATA, Центр «Аналитик», Южно-российский исследовательский центр «Фактор», «Левада-Центр», ВЦИОМ).

11. Коммерческие структуры (ЗАО «Геа-Сервис», ЗАО «Поликон», Компания «Сней», ООО «Вестком») и т. д.

Хронотоп. Зарождение ИА дискурса можно отнести к началу 1960-х гг., когда федеральные и региональные органы научно-технической информации (НТИ – ВИНТИ, ИНИОН, РКП и т. д.) и крупнейшие библиотеки (РГБ, РНБ, ЦНСХБ, ГПНТБ, ГПНТБ СО РАН и т. д.) начали планомерную работу по подготовке библиографических, реферативных и тематических обзоров.

На современном этапе ИА дискурс осуществляется не только в центрах НТИ и библиотеках, но и в маркетинговых и консалтинговых компаниях, исследовательских центрах, а также в ИА отделах, входящих в организационную структуру учреждений. ИА отделы так же, как должности аналитиков, в разных организациях называются по-разному: *отдел НТИ, служба информации, отдел информационных технологий / интернет- и интранет служб / корпоративной информационной системы, центр анализа информации, ИА центр, центр стратегического управления, центр знаний, отдел развития, отдел перспективных исследований, служба информационного мониторинга, маркетинговый / рекламно-информационный отдел, аналитическая группа, пресс-служба* и др. Задачи отдела, его отношение к информационному обеспечению, подчинение и место в структуре предприятия изменяются в зависимости от названия отдела [Гордукалова 2015: 495–496].

Если аналитический отдел не входит в структуру организации, то в ее штате выделяется сотрудник, на которого ложатся функции информационного аналитика.

Понятие «сроки» в контексте анализа ИА дискурса можно рассматривать как с точки зрения норм времени, отведенных для разработки и предоставления ИА услуг и продуктов, так и с точки зрения временных режимов, в рамках которых исследуется тот или иной объект (ретроанализ, мониторинг, прогнозирование).

Нормы времени на выполнение ИА процессов разных видов пока официально не регламентированы. В сроки закладываются процедуры сбора, обработки, анализа и предоставления информации заказчику, а также при необходимости мониторинговое наблюдение за изменениями в объекте исследования. Некоторые маркетинговые агентства размещают на своих сайтах сроки проведения исследований. Например, на сайте «Делфи» для каждой услуги определен временной интервал, в течение которого специалисты агентства обещают ее выполнить. Кроме того, для заявок на выполнение конкретной услуги указан срок их рассмотрения. ВИНИТИ работает как под заказ, так и на опережение: на сайте представлена подробная информация о выполненных ранее обзорах, доступных для приобретения.

Учреждения с ИА отделом в структуре или должностью в штате самостоятельно определяют годовой объем работы по каждому процессу, нормы времени измерения и учета выполненных процессов.

В процессе реализации ИА дискурса происходит анализ прошлого / настоящего объекта, закрепленного в виде информации, с целью диагностики настоящего / прогноза будущего. Далеко не всегда результатом анализа текущей ситуации будет являться составление прогноза с перечислением возможных путей развития объекта. Основную задачу в каждом случае аналитик формулирует сам. Она может быть имплицитно или эксплицитно выражена в запросе пользователя. Чаще всего ИА исследования осуществляются для диагностики современного состояния объекта, выявления причин возникновения кризиса для его предотвращения в будущем. Информационная диагностика осуществляется в трех временных режимах: ретроспективном анализе (ретродиагностике), оперативном экспресс-анализе и мониторинговом анализе. «Ретроспективный анализ предполагает выявление закономерностей и тенденций развития объекта за предшествующий период времени; оперативный экспресс-анализ характеризует состояния объекта в определенный, избранный период его развития; мониторинговый анализ включает непрерывное наблюдение за развитием объекта (или знания о нем) через равные периоды времени, начиная с определенной временной точки» [Гордукалова 2015: 350].

Информационный анализ может завершаться на этапе информационной диагностики, а может быть продолжен в рамках информационного прогнозирования. Прогноз подразделяют на кратко-, средне- и долгосрочный в зависимости от времени существования объекта. Истинность прогноза аналитик проверяет с течением времени [Гордукалова 2015: 357].

Для того чтобы обеспечить наиболее полный и достоверный сбор информации об объекте, заказчик предоставляет аналитику свободный доступ к закрытым базам данных и внутренним документам учреждения. Результаты информационного анализа пересылаются на электронную почту заказчика или передаются ему лично в руки. ИА дискурс реализуется через опосредованную коммуникацию.

Цель ИА дискурса заключается в получении нового выводного знания на основе уже существующего. Стоит отметить, что новое знание формулирует аналитик, а пользуется им заказчик для принятия верного управленческого решения. Поэтому аналитик в итоговых документах не должен оперировать общими фразами, давать тривиальные рекомендации, которые могут быть применимы и вне деятельности и сферы влияния заказчика [Гордукалова 2015: 349]. От этого зависит повторное обращение заказчика и расширение круга клиентов.

Чтобы добиться высокой оценки качества полученного знания, аналитик использует только актуальные, авторитетные и адекватные в отношении цели анализа источники информации. По мере накопления опыта аналитик формирует собственный круг источников, имен экспертов, методов сбора и анализа информации, способов ее предоставления заказчику. Если ситуация типовая, с которой аналитик уже работал в прошлом, то достижение цели получения нового знания произойдет быстрее, чем при отсутствии подобного опыта у исполнителя. Тем не менее каждая типовая ситуация несет в себе новые условия и закономерности, которые необходимо учитывать.

Формулировка нового знания в разных текстах ИА дискурса будет различаться, так же как различаются цели подготовки таких текстов и объекты исследований. Например: *Подобная динамика связана во многом с тем, что на отдельных участках сети общего пользования достигнуты предельные показатели пропускной способности. Это обусловлено несколькими причинами...* (Регулирование тарифов на железнодорожные грузоперевозки: резервы эффективности); *Ввиду текущих кризисных тенденций в экономике России возможно замедление инвестиционной активности в области газоснабжения регионов Сибири и Дальнего Востока, что отразится на невысоких темпах увеличения уровня газификации* (Трудности на пути восточного газового вектора); *Число организаций высшего образования в 2014/15 учебном году по сравнению с 2010/11 учебным годом уменьшилось на 14,8 %* (Экономические инструменты повышения доступности высшего образования); *Из введенных в 2014 году 84 млн кв. м жилой площади 62 млн приходится на города и поселки городского типа (74 %), и 22 млн – на сельскую местность (26 %)* (Жилищное строительство и рынок недвижимости в период спада экономики); *Ожидается, что принятые изменения позволят обеспечить баланс спроса и предложения электрической энергии и мощности и избежать их дефицита в среднесроч-*

ной перспективе (Изменения и тенденции в регулировании ТЭК России и мира: в фокусе IV квартал 2015); По итогам февраля самыми цитируемыми блогерами в российских СМИ стали Рамзан Кадыров, Павел Астахов и Илья Яшин (Рейтинг цитируемости российских блогеров за февраль 2016 года); С точки зрения имиджа Евгения Куйвашева, можно говорить о достаточно позитивном «речевом шаблоне», который использовался СМИ для информирования своих аудиторий о его деятельности (Имиджи Федеральных структур в региональных СМИ Уральского Федерального Округа).

Ценности ИА дискурса основаны на реализации его высшей цели: получении выводного, итогового знания об объекте, ранее неизвестного и существенного для развития объекта на современном этапе. Любые процессы, осуществляемые в рамках ИА деятельности, строятся на базе уже существующей информации, ее оперативности и надежности. Поэтому главная ценность ИА дискурса – информация в двух ее ипостасях: в качестве исходных данных и в качестве итогового (выводного) знания.

В текстах ИА дискурса определенных жанров указывается происхождение исходных данных. Например: *Через отчёт-анкету получен и обработан массив дополнительных сведений. Необходимые для более глубокого анализа показатели собираются с применением интернет-сервисов* (Информационный доклад о деятельности тверских муниципальных библиотек в 2014 г.); *Продолжается формирование сводной базы вопросов и ответов «Омской виртуальной справки». В течение 2012 года пользователями задано 152 вопроса, в 2013 – 75 вопросов, а в 2014 – 68 вопросов* (Годовой отчет о деятельности виртуальной справочной службы «Омская виртуальная справка»); *Большинство ключевых, особенно развитых, стран мира опубликовали данные о динамике ВВП в IV квартале 2015 г.: в США и Евросоюзе прирост ВВП в годовом выражении составил 1,8 %...* (Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики).

В зависимости от жанра ИА текста выводное знание может быть как предельно концентрированным, сжатым, передавать только результаты проведенного исследования, конкретные рекомендации заказчику, так и гармонично включенным в массив исходных данных, известных ранее об объекте, дополненным системой доказательств, которые контролируют достоверность диагноза или прогноза.

В текстах ИА дискурса, как и в текстах научного дискурса, прослеживается четкая оппозиция «старое знание – новое знание», однако одно без другого не может существовать.

Обратим внимание, что особую ценность в ИА дискурсе представляет текстовая и числовая (статистическая) информация, представленная в наглядной, графической и иной зрительно воспринимаемой форме: в виде кластеров, схем, графиков, диаграмм, таблиц и т. д.

Ключевыми концептами ИА дискурса являются процессы, связанные со сбором и переработкой информации: ИА поиск, анализ / синтез,

информационное моделирование, информационная диагностика, информационное прогнозирование, визуализация (представление).

Стратегии ИА дискурса полностью соответствуют стратегии ИА деятельности и реализуются через следующие действия:

1. Анализ и уточнение запроса / объекта исследования. Пример работы с читательским запросом в библиотеке: Читатель: *Меня интересуют источники, в которых бы рассматривались основные этапы разработки стратегии.* Библиотекарь: *Ваш запрос нуждается в уточнении. Пожалуйста, укажите область знания или **уточните**, стратегия чего именно Вас интересует (военная стратегия, ролевая игра-стратегия и т. д.).* Пример из маркетингового исследования – отчета по результатам мониторинга: *Исходя из того, что нас интересовала ситуация сразу по нескольким органам власти, то объект был конкретизирован: 1. Полномочный представитель Президента РФ в Уральском федеральном округе, 2. ..., 3. ...*

2. Выявление предметного поля объекта: *В ходе TEMPLES анализ проводится по ключевым параметрам рыночной среды: Инновационные технологии во всех сферах деятельности; экономические изменения; влияние рыночных факторов...*

3. Информационное моделирование, оценка информационной модели объекта в виде рубрикатора, файла авторитетных рубрик, графов, схем, таблиц. В ИА тексте может отсутствовать, если главная цель исследования – не создание информационной модели, а диагностика или прогнозирование объекта.

4. Информационная диагностика и прогнозирование объекта: *Внутренние цены на ячмень возрастут на 38 % за 15 лет, а на кукурузу – на 34 %. Прогнозная динамика цены пшеницы до 2030 года предполагает...*

Классификация **жанров ИА дискурса** носит неустоявшийся, открытый для изменений и дополнений характер. Каждое информационное учреждение может типизировать свои ИА продукты по-своему. Библиотечным сообществом признана классификация ИА продуктов В.В. Брежневой (термин автора классификации), в основе которой лежит их четкое разделение по характеру сведений, предоставляемых в процессе обслуживания (документального, библиографического, фактографического, консультационного, в результате информационных исследований) [Брежнева 2012: 129].

Г.Ф. Гордукалова предлагает классификацию обзорно-аналитической продукции (ОАП, термин автора классификации), которая несколько отличается от классификации В.В. Брежневой. В ней объединены как основные формы представления результатов ИА дискурса, разработанные в органах НТИ и библиотеках, так и жанры, постепенно формирующиеся при выполнении нетипичных аналитических задач и предназначенные для достаточно узкой потребительской аудитории, а также жанры, в которых проявляется тенденция интеграции в одном информационном продукте документов, содержащих разных уровень свертывания сведений об

объекте: библиографическую, реферативную, полнотекстовую, обзорно-аналитическую, прогнозную информацию [Гордукалова 2015: 77]. Считаем целесообразным привести классификацию Г.Ф. Гордукаловой подробнее:

1. **Классические жанры:** аналитический обзор (*Трудный путь в Европу (о некоторых проблемах вступления Польши в ЕС)*), аналитический отчет (*Анализ рынка гостиничных услуг города Омска*), аналитический доклад (*Аналитический доклад о деятельности государственных и муниципальных библиотек Московской области в 2014 году «Библиотеки Подмосковья: традиции и новации»*), аналитические обзорные справки (ситуационные справки, экспресс-справки, мониторинговые справки, ретроспективные) (*Обзорная справка о результатах работы с жалобами, поданными в порядке подчиненности, по итогам ... года*).

2. **Специализированные жанры:** обзорные справки нормативно-правовой информации (*бизнес-справки от специалистов компании «Гарант»*), статистические справки (*Востребованность услуг электронной регистратуры у пациентов в I полугодии ... года*), внешнеэкономические справки, кредитная история/справка/отчет, справка/отчет риэлтера на рынке недвижимости, отчет аудитора, маркетинговый отчет/обзор/справка (*Мониторинг известности и отношения к банкам на рынке Санкт-Петербурга*), консалтинговый отчет/справка (*Повышение эффективности работы риэлтерской компании*), отчет о патентных исследованиях, социологический отчет/обзор/справка (*Отчет о проведении социологического исследования причин низкой электоральной активности молодежи Архангельской области (октябрь – декабрь 2005 года)*), рекламная стратегия (*Продвижение кедов Red Keds ВКонтакте*), психологический портрет, имиджевая справка (*Имиджевая справка о губернаторе Ярославской области*). Среди них Г.Ф. Гордукалова выделяет продукты ретроспективного характера: электронная хрестоматия (*Электронная хрестоматия по методике преподавания математики*), программа бенчмаркинга; текущую ОАП: ленты деловых новостей, дайджесты новостей, проблемно-тематические дайджесты, дайджесты прессы (*PortNews.ru*), персональная электронная газета («*Мои новости*» Яндекс), рейтинги (*Forbes*), экономические индексы; прогнозно-аналитическую информацию: перечни ожидаемых событий, прогноз качественных индикаторов, прогноз перспективного образца, сценарии развития событий (*Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года*), прогноз причинно-следственных связей.

3. **Комплексные жанры:** экспертные системы (*психолингвистическая экспертная система «Вaal(R)»*), базы знаний (*Wiki*), обучающие базы данных, карты знаний, пакеты знаний, порталы знаний, информационно-аналитические системы (ИАС) (*региональные ИАС по управлению ресурсами Ивановской области*), консультации в области информационных ресурсов, электронные путеводители (*серия электронных путеводителей Российской национальной библиотеки*) [Гордукалова 2015: 434–466].

Основную часть продукции аналитика составляют краткие обзорные справки.

Каждый жанр предполагает определенный уровень аналитико-синтетической переработки информации и особенности изложения результатов того или иного проведенного ИА исследования.

Для универсальных аналитиков автором прорывных работ «Анализ информации: технологии, методы, организация» и «Технологии анализа и синтеза профессиональной информации» является Г.Ф. Гордукалова. Большую значимость в образовательной и профессиональной сферах аналитиков-универсалов играет имя Д.И. Блюменау и его учебно-практическое пособие «Информационный анализ/синтез для формирования вторичного потока документов».

Для аналитиков-«отраслевиков» прецедентные имена и тексты будут иными. Например, для сотрудников ИА служб органов власти одно из широко известных имен – А.С. Ахременко (автор учебного пособия «Политический анализ и прогнозирование»).

Если же углубляться в историю, то Аристотель, написавший труды «Первая аналитика» и «Вторая аналитика», – первый теоретик и «методист» информационной аналитики.

Дискурсивные формулы ИА дискурса можно обнаружить в заключительных частях готовых документов, содержащих результаты анализа или рекомендации заказчику. Например, после проведенного анализа рисков используются оценочные характеристики рисков и глаголы *обратить внимание, оценить возможность рисков зоны А, В или С*. Конечная группа неопределенных рисков обязательно приводится с формулировкой *не определяется возможность наступления следующих рисков: ...* Если рекомендации даются для последующей экспертизы группы проектов, то приводится общая оценка проекта (*рисковый – нерисковый – неопределенный*) и перечень особых рисков зоны А.

Конкретные рекомендации могут формулироваться только на основе реализованных проектов-аналогов. Например, *не брать обозначенный в проекте кредит, вкладывать деньги малыми долями без стартового капитала, провести тендер соисполнителей* и др. [Гордукалова 2015: 374].

Таким образом, опираясь на концепцию дискурса В.И. Карасика, следует отметить, что ИА дискурс – институциональный дискурс, поскольку ИА деятельность осуществляется через речевое взаимодействие субъектов речи, реализующих свои статусно-ролевые возможности в рамках таких общественных институтов, как библиотеки, маркетинговые агентства, исследовательские центры [Карасик 2004: 280].

Список литературы

1. Брежнева В.В. Информационное обслуживание. СПб.: Профессия, 2012. 368 с.

2. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис. 4-е изд., испр. М.: Высшая школа, 2003. 416 с.
3. Гордукалова Г.Ф. Технологии анализа и синтеза профессиональной информации. СПб.: Профессия, 2015. 544 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с.

References

1. Brezhneva, V.V. (2012), *Informatsionnoe obsluzhivanie [Information services]*, St. Petersburg, Professiya publ., 368 p.
2. Valgina, N.S. (2003), *Sovremennyi russkii yazyk: Sintaksis [Modern Russian language: Syntax]*, Moscow, Vysshaya shkola publ., 4th ed., corrected, 416 p.
3. Gordukalova, G.F. (2015), *Tekhnologii analiza i sinteza professional'noi informatsii [Technology of analysis and synthesis of professional information]*, St. Petersburg, Professiya publ., 544 p.
4. Karasik, V.I. (2004), *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]*, Moscow, Gnozis publ., 389 p.

Yu.V. Khrokolo
Omsk, Russia

INFORMATION AND ANALYTICAL DISCOURSE AS A KIND OF METASCIENTIFIC DISCOURSE: KEY FEATURES

Information and analytical discourse is highlighted in the context of scientific discourse. It is suggested that this type of discourse has some of the attributes of scientific discourse, but no connection to the specific science. We have made an attempt to analyse it by the method proposed by V.I. Karasik: typical participants of information and analytical discourse, chronotope, goals, values (including key concepts), strategy, genre, precedent texts and discourse formulas are defined. The selection of these components is justified by the lexical composition of the texts of information and analytical genres. The institutional character of the information and analytical discourse is proven.

Key words: information and analytical discourse, scientific discourse, meta-science, information, deductive knowledge, analysis, synthesis.

Сведения об авторе:

Хроколо Юлия Владимировна, преподаватель кафедры «Библиотечно-информационная деятельность» Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: jvch903@gmail.com

About the author:

Khrokolo Yuliya Vladimirovna, Lecturer at the Chair of Library and Information Activity
Dostoyevsky Omsk State University
55a Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: jvch903@gmail.com

Дата поступления статьи 22.04.2016

Для цитирования: Хроколо Ю.В. Информационно-аналитический дискурс как вид метанаучного дискурса: основные характеристики // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 36–48.

For citation: Khrokolo, Yu.V. (2016), Information and analytical discourse as a kind of metascientific discourse: key features. *Communication Studies*, No. 2 (8), pp. 36-48. (in Russian).

Раздел II

**ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ
СОВРЕМЕННЫХ MASS MEDIA.
МЕДИАОБРАЗ КАК ОБЪЕКТ
НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Part II

**DISCOURSE PRACTICES
OF MODERN MASS MEDIA.
MEDIAIMAGE AS AN OBJECT OF
SCIENTIFIC STUDY**

УДК 81'42

Н.А. Гриднев
Омск, Россия

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ НОВОСТНОЙ МЕДИАОБРАЗ ОМСКА (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫПУСКОВ ПЕРЕДАЧИ «НОВОСТИ ЗДЕСЬ» ТЕЛЕКАНАЛА «ПРОДВИЖЕНИЕ»)*

Предпринимается попытка рассмотреть феномен медиаобраза, его генезис и параметрическую характеристику. Предложена дефиниция понятия «медиаобраз», определена его сущность. Исследуется медиаобраз города Омска, отраженный в медиадискурсе региональной телевизионной новостной программы «Новости Здесь». Выявляются тематические доминанты медиадискурса (дорожно-транспортная инфраструктура, культура, спорт, правопорядок, экономика, власть), векторы конструирования медиаобраза, его когнитивная и аксиологическая природа. Рассматриваются и интерпретируются примеры вербализации медиаобраза Омска. Исследуются содержащиеся в текстах СМИ коммуникативные, когнитивные и лингвистические механизмы и способы конструирования медиаобраза.

Ключевые слова: медиаобраз, медиадискурс, медиарегионалистика, контент-анализ.

Функционирование современных массмедиа предполагает «не столько отражение окружающей действительности, сколько, и это гораздо более важно, ее интерпретацию, комментариев, оценку, способствующую созданию определенного идеологического фона» [Добросклонская 2008: 213]. В связи с этим исследование медиаобраза представляется чрезвычайно актуальным.

Омская область постоянно находится в сфере внимания не только региональных, но и центральных СМИ, а также интернет-сообщества по ряду разнообразных информационных поводов.

В рамках данного исследования под **медиаобразом** понимается фрагмент информационной (медийной) картины мира; относительно устойчивая, непрерывно развивающаяся виртуальная модель объективного бытия, конструируемая СМИ, способная как отражать, так и рефреймировать или формировать знания и представления о данном объективном бытии и находящая отражение в медиатекстах.

© Н.А. Гриднев, 2016

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 16-14-55003 «Медиафера омского региона: структура, каналы, ценности, новые дискурсивные практики».

С понятием «медиаобраз» коррелирует активно используемое в последнее время понятие «медиаконцепт», под которым О.В. Орлова понимает лингвокогнитивный феномен, «отличающийся медийной дискурсивно-стилистической субстанциональной детерминированностью, вошедший в мирознание носителя языка с появлением информационного общества и ставший средством формирования и трансформации массового сознания» [Орлова 2010: 78].

В качестве материала исследования выступают выпуски новостной телевизионной программы «Новости Здесь» на канале «Продвижение».

Проанализированы все выпуски (15) указанной телепередачи за январь 2015 г., что составляет 2 ч 24 мин и 16 с непрерывного звучания (объем расшифрованного текста – свыше 120 тыс. знаков с пробелами).

Из 132 сообщений в 99 (75 %) в той или иной степени отражается медиаобраз региона – Омска и Омской области. Формальным критерием отбора подобных сообщений является обязательное наличие ключевых слов и локативных маркеров – *Омск, (Омская) область, омичи, наш город, мы, у нас* и под. В первую очередь это, конечно, региональные новости, напрямую связанные с Омском и областью и с их жителями. Однако учитываются федеральные и мировые новостные сообщения, проецирующиеся на регион.

В медиаобразе Омска частотными тематическими группами являются дорожно-транспортная инфраструктура (19 %), культура (13 %), спорт (12 %), правопорядок (9 %), экономика (6 %) и власть (5 %). Отметим, что вполне очевидными из этого списка являются темы культуры, спорта, власти и экономики – это традиционно выделяемые новостные «топики», встречающиеся в контенте любого СМИ. Данные тематические группы являются **устойчивыми** и, следовательно, постоянно «подпитывают» медиаобраз. Безусловно, данные темы обладают региональной спецификой и обусловленностью. Однако тема дорожно-транспортной инфраструктуры связана с особым статусом «больной» для региона темы (состояние дорог, общественный транспорт), в связи с чем ее можно выделить отдельно. Эту тему можно описать как **относительно устойчивую**, проявляющуюся сезонно, в моменты обострения проблемы. Как правило, пик новостных сообщений о состоянии омских дорог приходится на конец зимы и начало весны. Менее частотно в контенте телепередачи «Новости Здесь» возникают сообщения **слабо устойчивого** характера: такие новости привязаны к конкретному единичному событию, их серийное производство затруднено самим фактом кратковременности освещаемого события. К таковым можно отнести тему крещенских купаний (первая – вторая декады января) или трехсотлетия города Омска (с приближением юбилейной даты количество новостей по данной теме неуклонно возрастает, однако скорее всего резко упадет по прошествии нескольких недель после праздника).

Если говорить об аксиологической структуре новостных сообщений, посвященных Омску, то можно выявить следующее распределение: из 99 сообщений 37 имеют отрицательную оценку, 33 – положительную, а 29 сообщений нейтральны. При этом безусловно положительно медиаобраз Омска конструируется в аспекте культуры и спорта, а преимущественно отрицательно – в аспекте деятельности власти, правопорядка и инфраструктуры. Более детальное рассмотрение тематических групп по степени оценочности позволяет говорить о том, что спорт, несмотря на меньшую активность освещения, нежели культура, оценивается более эмоционально. А среди негативных новостных сообщений именно тема инфраструктуры и, в частности, состояния омских дорог несет наибольший эмоционально-оценочный заряд. Также следует обратить внимание на то, что негативно окрашенные, конфликтные новостные сообщения находятся в начале выпуска, т. е. в сильной позиции телетекста, тогда как позитивно окрашенные – в середине и ближе к концу, который, как правило, занимают сводки погоды либо анонсы других передач канала.

Рассмотрим группу тем (медиатопиков), в рамках которых конструируется негативный медиаобраз Омска.

Тема «Дорожно-транспортная инфраструктура» (19 % от контента)

Как уже было упомянуто, тема инфраструктуры занимает в дискурсе телевизионной передачи «Новости Здесь» доминирующее положение. Это, с одной стороны, отражает актуальность проблемы для города и региона, поскольку качество дорог определяет не только быстроту перемещения, но и безопасность как для транспортного средства, так и для водителей и пешеходов. Кроме того, дороги – «артерии города» – являются, наряду с другими объектами, своеобразной визитной карточкой города, показателем его экономического и социального состояния.

Как правило, состояние омских дорог напрямую связывается с деятельностью власти, поскольку контроль за качеством дорог и их эксплуатацией находится в ведении правительства, городской администрации, подконтрольных ей органов:

Теоретически и сейчас градоначальников можно уволить в связи с утратой доверия. Это может быть и плохая уборка улиц. Но это только на словах. Авторы закона уверены, что после череды показательных увольнений российские дороги будут чистыми и аккуратными. <...> Омичи, например, всегда подвергают сомнению отчеты чиновников о вывозе снега. Сейчас вроде жаловаться не на что, но вот на новогодних каникулах были моменты (Продвижение. Новости Здесь. 13.01.2015).

В данном контексте особенно радикально оценивается деятельность градоначальника – *градоначальников можно уволить в связи с утратой доверия*. Причем СМИ берет на себя ответственность за высказыва-

ние общественного мнения, поскольку утрата доверия – это общественное явление. Столь же убежденно заявляется, что *омичи... всегда подвергают сомнению отчеты чиновников*. Тем самым формируется – вероятно, искусственно – солидарность между общественностью и массмедиа. С другой стороны, такая стратегия может преследовать цель аргументации (так считает не только редакция, но и граждане в целом) либо защиты интересов СМИ (мы не берем на себя ответственность за сказанное, но так думают многие).

Реальность и осязательность проблемы дорог доказывается фактами проверок, документами и представлениями, в которых официально дается отрицательная оценка деятельности дорожных служб:

Как мы и предполагали, в эффективности исполнения своих обязанностей дорожными службами сомневаются не только омичи и средства массовой информации, но и надзорные органы. За нечищенные дороги мэра Омска получил представление от прокуратуры. В результате проверки выяснилось, что для уборки наших магистралей необходима 1 000 единиц техники, а по факту используются лишь 350 машин (Продвижение. Новости Здесь. 15.01.2015).

Уверенность СМИ в недобросовестности дорожных служб и власти проявляется, как правило, модально (*как мы и предполагали*) и контекстуально (*сомневаются не только омичи и средства массовой информации, но и надзорные органы*). Нередко СМИ прибегает к средствам иронии, высмеивая деятельность соответствующих органов:

Так задумано. В Омске находчивые работники дорожных служб замаскировали снег под крепость. <...> Да уж, наш город оказался неподготовленным к таким природным катаклизмам. Между тем на сайте мэрии практически ежедневно появляется информация о том, что из Омска вывезли максимальное количество снега. Буквально сегодня администрация сообщила о том, что привлечена дополнительная техника (Продвижение. Новости Здесь. 21.01.2015).

Кроме того, в СМИ акцентируется внимание на том, что состояние дорог напрямую связано с безопасностью, здоровьем и жизнями в первую очередь самих омичей:

Плачевное состояние омских дорог подтвердили официально. Региональная Госавтоинспекция провела рейд «Дорожный надзор». За неделю сотрудники ведомства обследовали более 1 000 участков, в том числе центральные улицы – Герцена, Маркса, Маяковского, Мира и Красный Путь – и обнаружили свыше 550 недостатков. В основном снежный накат, наледи, сугробы на обочинах и пешеходных переходах, сужение проезжей части из-за неубранного снега. В отношении ответственных лиц возбудили более 100 административных дел за нарушение правил содержания дорог. По заключению специалистов, нередко именно это является сопутствующей причиной аварии. По данной региональной Госавтоинспекции, за последние

два месяца 2014 года в половине мест ДТП дороги были в неудовлетворительном состоянии. В этих авариях 256 человек получили травмы, а 19 погибли. При этом со временем ситуация только ухудшается (Продвижение. Новости Здесь. 27.01.2015).

Таким образом, тема дорожно-транспортной инфраструктуры, несмотря на ее связь с темой власти, имеет право быть выделенной отдельно по ряду причин: частотность и активность обращения, особый статус проблемы, актуальность для города и его жителей. Происходит негативизация медиаобраза Омска в аспекте дорожно-транспортной инфраструктуры.

Тема «Правопорядок» (9 % от контента)

Наиболее частотно тема правопорядка связывается с употреблением алкоголя и наркотиков, а также с последствиями подобного употребления:

Не хочешь по-хорошему – будет по-плохому. Депутаты хотят проверять подростков на пристрастие к наркотикам без согласия родителей. На такие радикальные меры народные избранники идут из-за роста статистики потребления несовершеннолетними наркотических средств. <...> Законотворцам стоит поторопиться, ведь сейчас, например, на улицах Омска все чаще появляются молодые люди в неадекватном состоянии. Потом видеодоказательства «гуляют» по Интернету (Продвижение. Новости Здесь. 12.01.2015).

В данном сообщении выражается двойственное отношение СМИ к власти. С одной стороны, предпринимаемая мера «радикальна» (недемократична, сурова), а в подводку к новости вынесена идиома *не хочешь по-хорошему – будет по-плохому*, которую можно воспринять как угрозу подросткам со стороны правительства. С другой – в этом же сообщении позже признается целесообразность подобного законопроекта, поскольку *на улицах Омска все чаще появляются молодые люди в неадекватном состоянии*. Исходя из этого не вполне понятно, положительно или отрицательно оценивается деятельность власти, однако ситуация наркомании и сопутствующих ей преступлений в социальной среде города, безусловно, подвергается критике.

Разумеется, в фокус внимания СМИ попадают и социальные проблемы, связанные с сетью алкогольных магазинов и питейных заведений. В особом порядке подвергаются критике питейные заведения, располагающиеся на первых этажах жилых домов. При этом возникает такая черта медиаобраза Омска, как алкоголизация жителей в спальных районах, повышенная криминогенность районов:

Разговоры о запрете продажи алкоголя в магазинах и барах на первых этажах идут уже давно. Народные избранники говорят о том, что в первую очередь от таких заведений страдают жильцы. Поступают

жалобы на шум и нарушение общественного порядка. Действительно, мало приятно, когда на первом этаже в твоём доме кабаки и все местные выпивохи постоянно там собираются (Продвижение. Новости Здесь. 26.01.2015).

Продажа, употребление алкоголя и оборот наркотиков – не единственная составляющая темы правопорядка. Наряду с этими направлениями, встречаются и сообщения чисто криминальной тематики. Это сообщения об уголовных преступлениях, административных правонарушениях.

Таким образом, тема правопорядка в дискурсе телепрограммы «Новости Здесь» складывается из двух составляющих: тематики алкоголя и наркотиков и последствий их употребления, а также тематики криминала, являющейся традиционным медиатопиком современных СМИ. Специфическим для медиаобраза Омска является то, что в основе его формирования (в рамках данной темы) лежит не криминал, а именно алкоголизация и наркомания. Можно сказать, что частотное обращение к этой тематике создает эффект алармизма, т. е. тревожного, панического состояния у непосредственной аудитории телеканала – омичей.

Тема «Власть» (5 % от контента)

Тема власти является еще одним медиатопиком в новостном дискурсе регионального телеканала, посредством которого конструируется негативный медиаобраз Омска. Подчеркнем, что количественный показатель частотности (5 % от контента) данной темы получен в результате подсчета сообщений, непосредственно связанных с представителями власти – чиновниками. Если же рассматривать тему власти широко, то этот показатель возрастает, поскольку ряд тем, как это уже было продемонстрировано, пересекаются (власть и дороги, власть и правопорядок), и таким образом становится доминирующим медиатопиком в дискурсе телепрограммы «Новости Здесь».

Итак, в большинстве случаев сообщения, связанные с чиновниками и вообще с представителями власти, несут отрицательную оценку – как логическую, так и эмоциональную, например:

Одно из последних решений уже бывшего главы РЭКа вызвало бурю негативных откликов у омичей и подозрение у прокуратуры. <...> Добавлю, что на бывших руководителей РЭКа заведены уголовные дела. Место медам не намазано. Кто теперь станет главой комиссии? (Продвижение. Новости Здесь. 14.01.2015).

В данном контексте деятельность Сергея Синдеева (бывшего главы РЭК) оценивается логически, через факт: решения чиновника *вызвали бурю негативных откликов*. В то же время аудиторы напоминают, что на руководителей региональной энергетической комиссии уже заводились уголовные дела. Выстраивается связь, согласно которой люди, занимающие высокие посты в этой организации, склонны к нарушению закона.

При этом используется эмоциональный компонент – трансформированная идиома *место медом не намазано*, что можно интерпретировать как «должность главы РЭК малопривлекательна из-за прецедентов».

Вообще СМИ часто обращается к проблеме, причинам и последствиям чиновничьей ротации, т. е. смены чиновниками постов, изменении должностных статусов:

Бывший первый заместитель председателя правительства Омской области Юрий Гамбург останется в СИЗО до 24 февраля. Решение о продлении ареста принял сегодня Куйбышевский районный суд. <...> Напомним, Гамбурга обвиняют в незаконной продаже муниципальных земель. Ущерб бюджетам города и области превысил 450 миллионов рублей (Продвижение. Новости Здесь. 16.01.2015).

При этом информационный повод – продление срока ареста – в данном случае недостаточно выразителен, поэтому в конце сообщения аудитории также напоминают о преступных деяниях чиновника.

Однако «бывшие» омские чиновники подвергаются не только преимущественно конструктивной критике. Среди подобного рода сообщений наблюдаются и иронические:

Тем временем уроженец Омска Игорь Албин, ранее ответственный за подготовку празднования юбилея Омска, с лопатой в руках чистит питерские улицы. Бывший министр регионального развития, а ныне вице-губернатор северной столицы вместе с активистами с утра пораньше вышел лично убирать снег. К слову, ранее чиновника, ответственного за вопросы ЖКХ, упрекали в недостаточной подготовленности коммунальных служб к суровым снегопадам. Албин предложил горожанам справляться со стихией всем миром и самостоятельно убирать собственные дворы. Петербуржцы посчитали такой ответ оскорбительным и даже организовали сбор подписей за отставку вице-губернатора, мол, если они должны сами сражаться с сугробами, то чиновник пусть самостоятельно платит себе зарплату (Продвижение. Новости Здесь. 26.01.2015).

В начале новости заявляется: *Игорь Албин... с лопатой в руках чистит питерские улицы*. Вне контекста данную фразу можно интерпретировать довольно широко, вплоть до того, что бывший министр стал дворником. Однако позже все же объясняется, что это инициатива Албина как вице-губернатора северной столицы, связанная с предложением к гражданам самостоятельно убирать улицы от снега. Здесь иронический эффект достигается тем, что выстраивается недвусмысленная параллель между деятельностью чиновника в Омске и в Санкт-Петербурге. Иными словами, чиновник «повторяет ошибки», за которые его критиковали на старом посту, и теперь вынужден вновь выдерживать критику.

Критика власти, исходящая от народа, также транслируется СМИ. При этом массмедиа, с одной стороны, пытается воссоздать объективность происходящего, обратиться к общественному мнению, с другой – отбирая

конкретное общественное мнение, создать определенный образ не выполняющей обещаний, некомпетентной власти:

Будущих жителей Рябиновки снова накормили обещаниями. Сроки заселения печально известного микрорайона перенесли. На этот раз до февраля. Тогда как справиться новоселье жильцы должны были до Нового года. Удастся ли подрядчикам уложиться в новые сроки – вопрос. Дома до сих пор не оштукатурены. К тому же накопилась задолженность по зарплате рабочим – около 25 миллионов рублей. Однако рябиновцы и сами не горят желанием въезжать в новые квартиры. Сегодня устроили очередной митинг напротив здания городской администрации (Продвижение. Новости Здесь. 21.01.2015).

Как видно, такого рода сообщения, апеллирующие к общественному мнению, несут довольно сильный эмоциональный заряд, что подтверждается на формальном уровне использованием экспрессивно-оценочных и модально «нагруженных» лексем (*накормить обещаниями, печально известный, не горят желанием, очередной митинг*).

В целом критике подвергается либо «абстрактный» чиновник в лице администрации, правительства или министерства, либо конкретная персона. Однако не обнаружено сообщений, ухудшающих или негативизирующих медиаобраз высшей региональной власти и, в частности, губернатора Омской области Виктора Назарова.

Таким образом, тема власти в дискурсе телепрограммы «Новости Здесь» занимает одну из доминирующих позиций. Как правило, наиболее острые социально-экономические, политические проблемы города сопрягаются прямо или косвенно с местным правительством. Однако выделяются и такие сообщения, в фокусе внимания которых оказывается исключительно власть. Это сообщения о чиновниках (действующих и бывших), работе правительства. В целом стоит отметить, что происходит негативизация власти в медиаобразе Омска. Власть оценивается СМИ как недобросовестная, некомпетентная, «опаздывающая» в принятии определенных решений, способная обманывать граждан.

Рассмотрим группу тем (медиаотопиков), в рамках которых конструируется позитивный медиаобраз Омска. Здесь доминируют такие темы, как культура и спорт.

Тема «Культура» (13 % от контента)

В рамках данной темы культура понимается в узком смысле – это достижения в сфере науки и искусства, результаты творческой деятельности, интеллектуальное развитие. Поэтому можно условно разделить тему культуры на две основные ветви: культурные события (мероприятия) Омска и достижения омских научных и культурных деятелей и организаций.

Любопытно, что, в отличие от негативизирующих сообщений, в сообщениях, усиливающих позитивный медиаобраз Омска, не обнаруживается лексем с эмоционально-оценочной окраской. Так, достижения ом-

ских ученых логически оцениваются положительно, в то время как тональность сообщений нейтральна:

Разработка омичей обогреет полярников в Арктике. Как сообщает информагентство «Омск Здесь», в нашем регионе насчитывается три десятка предприятий, которые активно сотрудничают с компаниями, работающими в Арктике. Одно из них – омский завод инновационных технологий (Продвижение. Новости Здесь. 29.01.2015).

Вероятно, такая закономерность связана с тем, что экспрессия характерна именно для негативной информации, поскольку способна ее усилить и создать определенный прагматический эффект. Позитивная информация в каком бы то ни было усилении не нуждается, поскольку сам факт, содержащийся в новости, уже несет необходимую прагматическую установку (рассказать о достижении, победе).

Позитивный медиаобраз конструируется посредством частотного выпуска сообщений, связанных с выставками, конкурсами и прочими культурными мероприятиями:

Будете гулять в центре – загляните в библиотеку им. Пушкина. Там для омичей открылась выставка «Шедевры мировой литературы в миниатюре» (Продвижение. Новости Здесь. 20.01.2015).

При этом в сообщении содержится и ненавязчивое предложение посетить данное мероприятие. Вообще, стоит отметить, что чаще всего в новостях сообщается о библиотеке им. Пушкина как об основном месте проведения культурных мероприятий. Создается образ главного культурно-просветительского объекта, открытого для всех горожан.

Также довольно часто встречаются сообщения, посвященные достижениям культурных деятелей и организаций. При этом подчеркивается, что омичи, участвующие в различных конкурсах, занимают высокие места. Немаловажно и то, что их творчество так или иначе связано с родным городом. Это касается и культурных организаций, например студий, актерских трупп. Здесь стоит сказать о том, что омские творческие коллективы пользуются популярностью не только в родном городе, но и за его пределами – в других городах или даже странах:

Студия Любови Ермолаевой выступит на одной сцене с Театром на Таганке. Омский коллектив пригласили на двадцать второй международный пушкинский фестиваль. <...> По признанию омской труппы, приглашение на такой заслуженный фестиваль очень почетно (Продвижение. Новости Здесь. 28.01.2015).

Очевидно, основная цель подобных сообщений состоит в том, чтобы показать культурную значимость и важную роль омских артистов в масштабах государства, оценить их заслуги и выразить гордость за коллектив.

Таким образом, создается медиаобраз Омска как города, богатого культурными мероприятиями и гордящегося достижениями исследователей, представителей культуры, творческими личностями.

Тема «Спорт» (12 % от контента)

В основном в теме спорта можно выделить два типа сообщений: касающиеся непосредственно спорта (спортивные мероприятия) и новости о спортсменах и их достижениях.

Доминирующий тип сообщений на тему спорта представляет собой новости о достижениях омских спортсменов. При этом достижения могут трактоваться по-разному: победа в соревновании, выход в финал, появившаяся возможность побороться за звание чемпиона или призера. Во всех этих случаях СМИ подчеркивает важность и значимость омских спортсменов на внутреннем (как региональном, так и федеральном) и международном уровнях.

Омичка претендует на звание спортсменки декабря. Кристина Сивкова установила второй лучший результат в Европе в зимнем сезоне. Среди конкурсанток спортсменки из Великобритании, Белоруссии, Испании, Германии, Португалии, Болгарии, Турции, а также с Украины. Проголосовать за нашу землячку можно в социальной сети Фейсбук (Продвижение. Новости Здесь. 15.01.2015).

В абсолютное начало сообщения выведен факт победы, а оценка события – чисто логическая. Однако, встречаются сообщения более эмоционального характера, где в фокусе внимания автора медиатекста находится не только факт лидерства:

Омские гимнастки – лучшие в Сибири. В Кемерово завершилось первенство сибирского федерального округа по художественной гимнастике. Помимо наших девочек, в соревнованиях приняли участие спортсменки от 11 до 15 лет из Алтайского, Забайкальского, Красноярского краев, республики Бурятия и Тыва, Иркутской, Новосибирской и Томской областей. Омички стали сильнейшими из 250 юных гимнасток в групповом и командном зачете. На втором месте – Кемерово. Бронза у команды из Томска (Продвижение. Новости Здесь. 20.01.2015).

Как можно заметить, в новости содержится не только факт лидирующего положения омских гимнасток, но и статистические данные, позволяющие оценить «масштаб» победы: численные (первое место среди 250 участников) и качественные (кого удалось обойти – Кемерово и Томск).

Сообщения о готовящихся соревнованиях могут сопровождаться высказываниями с определенной степенью эмоциональности и модальности, как в примере ниже (*защитить честь России, неоднократно привозил награды, был единственным из российских спортсменов, желаем чемпиону вернуться с золотой медалью*):

На кубке мира по фехтованию, который стартовал сегодня в Италии, честь России защитит омский саблист Александр Трушаков. В программе одного из самых престижных конкурсов индивидуальные и командные соревнования на рапирах, саблях и шпагах. 20-летний студент омского училища олимпийского резерва неоднократно привозил серебряные и

бронзовые награды с первенства России, Европа и мира. А буквально накануне Александр завоевал второе место на международном турнире в Будапеште. Кстати, был единственным из российских спортсменов, пробившихся в 1/8 финала. Что ж, желаем омскому чемпиону вернуться с золотой медалью... (Продвижение. Новости Здесь. 29.01.2015).

Кроме того, тему спорта развивают новостные сообщения, в которых Омск позиционируется как спортивная и – особенно – хоккейная столица Сибири:

Матч всех звезд КХЛ может пройти в Омске. Такую возможность не исключил президент Континентальной хоккейной лиги Дмитрий Чернышенко. Он заявил, что с удовольствием поговорил бы с губернатором Омской области Виктором Назаровым о проведении в столице Прииртышья матча всех звезд, который накануне прошел в Сочи. Правда, никакой заявки от нас пока не поступало. Город-кандидат, заявил Чернышенко, будет выбираться на конкурсной основе (Продвижение. Новости Здесь. 26.01.2015).

Дмитрий Чернышенко, как заявляется в новости, с удовольствием готов обсудить проект проведения матча КХЛ с омским губернатором, а значит, Омск внушает доверие спортивной организации и может с достоинством победить. Тем не менее в такого рода новостях прослеживается снижение тональности. Это связано с нерешительностью властей (*никакой заявки от нас пока не поступало*). В другом схожем сообщении внимание переходит на тот факт, что, например, Еврохоккейтур ни разу не проводился восточнее Урала, и это представляется несправедливым для Омска, постоянно развивающего свою спортивную инфраструктуру.

Наконец, сообщения, касающиеся спортивных неудач, СМИ подает в оптимистическом ключе, не прибегая к средствам негативизации или иронии. Можно сказать, что омские спортсмены являются предметом высшей гордости – их нельзя критиковать, даже если они «оступаются»:

Омские кошки завершили борьбу за награды лиги чемпионов. Не удалось нашим девчонкам переиграть один из сильнейших турецких клубов «Экзачибаша Витра»... По словам Зорана Терзича, одна из причин поражения – слишком плотный график. У девчонок по два матча в неделю. Что ж, теперь у «Омички» будет время, чтобы сосредоточиться на национальном турнире. Сейчас кошки на четвертой строчке в групповом этапе чемпионата России. Ближайшая игра состоится 2 февраля в СКК им. Блинова. Соперником станет московское «Динамо» (Продвижение. Новости Здесь. 29.01.2015).

Таким образом, тема спорта обладает мощным потенциалом для конструирования и развития медиаобраза Омска как города высоких спортивных достижений, сильных спортсменов и преданных фанатов, развитой спортивной инфраструктуры. Кроме того, Омск позиционируется в данном аспекте как город высокого государственного значения, родина именитых спортсменов.

Мы рассмотрели основные медиатопики (ключевые, основополагающие темы), посредством которых конструируется, реализуется и развивается медиаобраз города. Можно прийти к выводу, что в процессе конструирования медиаобраза Омска возникают два процесса: негативизация и позитивизация. Первый процесс заключается в создании таких обобщенных представлений, как 'Омск – город плохих дорог', 'в Омске много алкоголиков и наркоманов', 'в Омске опасно жить', 'в Омске некомпетентная власть'. Соответственно, наиболее яркие примеры экспрессивных, отрицательно-оценочных репрезентаций медиаобраза обнаруживаются в рамках тем «инфраструктура», «правопорядок» и «власть». С другой стороны, позитивный медиаобраз Омска сопровождается представлениями 'Омск – культурно развитый город', 'омичи любят культурно обогащаться', 'Омск – спортивная столица Сибири, город сильных спортсменов', которые объективируются в медиатекстах на темы «Спорт» и «Культура».

Список литературы

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь): учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.
2. Орлова О.В. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2010. № 6. С. 78–83.

References

1. Dobrosklonskaya, T.G. (2008), *Medialinguistics: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI (Sovremennaya angliiskaya mediarech')* [*Media linguistics: a system approach to the media language study (Modern English media speech)*], textbook, Moscow, Flinta publ., Nauka publ., 264 p.
2. Orlova, O.V. (2010), The life cycle and world modeling potential of media concept. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, No. 6, pp. 78-83. (in Russian).

N.A. Gridnev
Omsk, Russia

MEDIA IMAGE OF OMSK IN TV NEWS (BASED ON “NOVOSTI ZDES” TV PROGRAM OF “PRODVIZHENIE” CHANNEL)

The article deals with the analysis of the media image phenomenon, its genesis and parametrical characteristics. The definition of a concept “media image” and its essence are proposed. The media image of Omsk reflected in the media discourse of regional TV news program “Novosti Zdes” is examined. The thematic dominants of the media discourse (transport infrastructure, culture, sports, law and order, economics, government) as well as its cognitive and axiological origins are distinguished. Examples of verbalized media image of Omsk are considered and interpreted. Communicative,

cognitive and linguistic mechanisms and ways to construct a media image, contained in mass media texts, are examined.

Key words: media image, media discourse, media regionalistics, content analysis.

Сведения об авторе:

Гриднев Никита Александрович,
студент
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: n.a.gridnev@gmail.com

About the author:

Gridnev Nikita Aleksandrovich,
student
Dostoevsky Omsk State University,
55a Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: n.a.gridnev@gmail.com

Дата поступления статьи 17.05.2016

Для цитирования: Гриднев Н.А. Телевизионный новостной медиаобраз Омска (на материале выпусков передачи «Новости Здесь» телеканала «Продвижение») // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 51–63.

For citation: Gridnev, N.A. (2016), Media image of Omsk in TV news (based on "Novosti Zdes" TV program of "Prodvizhenie" channel). *Communication Studies*, No. 2 (8), pp. 51-63. (in Russian).

МЕДИАКОНЦЕПТ 'АРКТИКА': МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Одним из приоритетных направлений сегодняшней мировой геополитической активности являются вопросы освоения и присутствия стран в Арктике: исследование вечной мерзлоты, усиление военного присутствия, укрепление и удержание региона, расширение объемов добычи природных ресурсов, создание условий для успешной реализации туристических программ и подобные процессы нашли свое отражение в текстах СМИ. Демонстрируется, какой именно методикой описания возможно подтверждение того, что когнитивная единица 'Арктика' по-новому репрезентируется в текстах медиа, осуществляется апробация одной из методик. Предпринимается попытка первичного сопоставления концепта 'Арктика' в советских и современных текстах СМИ.

Ключевые слова: Арктика, медиаконцепт.

Медиаконцепт и особенности его языковой репрезентации являются объектом исследования нескольких научных направлений. Одно из определений медиаконцепта дает О.В. Орлова: «Медиаконцепт – это вербально-ментальный феномен особого рода, отличающийся медийной... природой, вошедший в мирознание носителей языка с началом формирования информационного общества и ставший средством ментально-психологической и эмоциональной адаптации к новой реальности» [Орлова 2014: 12]. В контексте предприняемого исследования мы, используя термин «медиаконцепт», подчеркиваем прежде всего детерминацию содержательной специфики данного когнитивного феномена и способов его вербализации в медиатекстах сферой функционирования – медиадискурсом. Итак, вслед за О.В. Орловой [Орлова 2014: 87–88] можно констатировать, что медиаконцепты обладают рядом дифференциальных признаков, определяющих их специфику:

– Порождены и максимально актуализированы в медиадискурсе. Данный критерий не только очерчивает область «обитания» концепта, но и обозначает его дискурсивную уникальность. Именно в медиадискурсе медиаконцепт становится носителем ряда когнитивных и ассоциативных черт, которые в другом типе дискурса отсутствуют.

– Определяют и фиксируют актуальные тенденции. Поскольку медиадискурс сегодня – динамическая и регулярно пополняющаяся струк-

тура, именно он первым отражает действующие социально-политические изменения и влияет на действительный когнитивный облик того или иного объекта описания.

– Не транслируют «вертикальных» исторических и культурнообусловленных коннотаций. Медиаконцепты, объективируемые текстами СМИ, зачастую лишены объемов фоновых знаний, сведений, влияющих на восприятие концепта. Медиа способны создавать в своих текстах принципиально уникальный облик того или иного процесса или объекта, что, в свою очередь, формирует новые черты данного процесса или объекта в сознании потребителя информации. Отметим, что именно этот критерий устанавливает определенные отношения между медиаконцептами и идеологемами. По определению Е.Г. Малышевой, идеологема – «особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого... актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2011: 112]. Решающим в этом вопросе становится проблемное поле медиатекста, диктующее степень идеологичности.

– Имеют утилитарно-практически и социально-политически ограниченный жизненный цикл. Удобно было бы считать данный критерий показателем увеличения частотности употребления концепта и появления у него аппликативных элементов содержания, диктуемых динамикой определенных условий действительности. Медиаконцепт создается («воконцептовляется», по выражению О.В. Орловой), живет и погибает. Однако его исчезновение не свидетельствует о его исчезновении из всех типов дискурса, точно так же, как его появление не свидетельствует о его отсутствии в дискурсах до сих пор. В этом смысле удобен термин «воконцептовление».

Немаловажным аспектом функционирования медиаконцепта является степень его привязанности к ментальности населения, обусловленная этническими, культурными, социальными и историческими предпосылками. Иными словами, насколько ярко черты медиаконцепта выражены в сознании носителя языка. По-видимому, можно утверждать, что ментальная связь носителя русского языка с концептом 'Арктика' менее крепкая, чем, например, с концептами 'Тайга', 'Москва' и под.

'Арктика' как медиаконцепт – специфическое явление, обладающее рядом концептуальных черт, обусловленных репрезентацией данного концепта именно в текстах массмедиа.

Методологическая база исследования концептов разнообразна. В когнитологии одним из продуктивных представлений о структуре концепта и способах его исследования является эксплицированное в работах И.А. Стернина полевое описание концепта, обладающего ядром, приядерной областью и периферией, где в разной степени выражены определен-

ные когнитивные слои, а также интерпретационные компоненты концепта [Попова, Стернин 2003: 64].

Е.Г. Малышевой предложена методика анализа лексико-семантической специфики репрезентации концепта, которая позволяет сделать выводы в том числе об особенностях вербализации как ядерных концептуальных признаков, так и периферийных. Подчеркнем, что при использовании методики составления и описания тезауруса лексических репрезентантов концепта предполагается дифференциация формальной и функциональной части словаря. Формальный тезаурус составят лексические репрезентанты, непосредственно связанные с семантикой концепта. Метафорически и метонимически опосредованные лексемы сформируют функциональный тезаурус, который отразит интерпретационное поле концепта и даст понять, насколько актуальное состояние медиаконцепта 'Арктика' динамично.

Материалом для составления тезауруса лексических репрезентантов концепта 'Арктика' стали медиатексты электронных СМИ 2014–2016 гг., преимущественно информационных жанров, а также документальный фильм «Ледниковый параграф» (телеканал ТВ Центр), созданный в жанре репортажа.

Имя концепта «Арктика» – географический термин. При анализе словарных статей словарей различного характера могут быть выделены следующие компоненты структуры значения лексемы «Арктика», которые, в свою очередь, составляют ядерную область соответствующего концепта:

- северная полярная область Земли (земного шара);
- состоящая преимущественно из Северного Ледовитого океана и прилегающих областей Евразии и Северной Америки.

Любопытно, что как специализированные, так и общие лингвистические словари фиксируют в качестве дифференциального семантического признака значения имени изучаемого концепта семы 'северный', 'полярный', 'область', 'Северный Ледовитый океан'. Некоторые в продолжениях словарных статей называют также другие географические названия морей, заливов, островов, материков и т. п., территориально принадлежащих Арктике (см. словарные статьи в [Большой Энциклопедический словарь; Ожегов 1989; Толковый словарь Ожегова онлайн; Поспелов 2001; Словарь современных географических названий; Энциклопедия Кругосвет]).

Правомерно будет предположить, что некоторые фрагменты составленного нами тезауруса эксплицируют и форсируют семантические признаки, явно отсутствующие в узуальном значении имени концепта.

В процессе создания тезауруса концепта был выделен ряд лексико-семантических групп его лексических репрезентантов, анализ которых позволяет зафиксировать специфические когнитивные признаки в структуре медиаконцепта.

Так, в формальном тезаурусе лексических репрезентантов были выделены следующие семантические группы:

- Номинативы со значением объекта географического пространства, непосредственно связанных с семантикой концепта: *воды (арктический), Заполярье, море (арктический), полушарие (северный), полюс (северный), район (арктический), регион (арктический), Север, территория (арктический).*

Спасенное Заполярье. Особенности жизни в заполярном Нарьян-Маре: песчаные бури, оторванность от большой земли, рыбалка и подберезовики (Газета.Ру 13.06.2014).

Пожалуй, самый торжественный момент экспедиции. Пришли на Северный полюс (Ледниковый параграф).

- Атрибутивы со значением принадлежности объектам географического пространства, непосредственно связанных с семантикой концепта: *заполярный, полярный, Северный.*

Ключевую роль в освоении полярных территорий будут играть нефтегазовые компании. Уже очевидно, что высокотехнологичные проекты по добыче углеводородов на арктическом шельфе станут локомотивом развития региона (Газета.Ру 21.11.2014).

К моменту своего распада Советский Союз лучше других государств мира исследовал и использовал свои северные территории (Ледниковый параграф).

- Номинации географических объектов, непосредственно связанных с семантикой концепта: *Северный Ледовитый океан, Карское море, Баренцево море, море Лаптевых, Шпицберген, Земля Франца-Иосифа* и пр.

Частично пересмотренная заявка Российской Федерации на установление внешней границы континентального шельфа в Северном Ледовитом океане исходит из научного понимания, что составные части комплекса Центрально-Арктических подводных поднятий... (Газета.Ру 4.08.2015).

Функциональный тезаурус медиаконцепта 'Арктика' представлен более массивным объемом лексем. Среди них выделились следующие семантические группы:

- Номинативы со значением геологических объектов (природных ресурсов), опосредованно связанных с семантикой концепта: *алмаз, бериллий, воз (полезных ископаемых), газ, золото, кладовая (ресурсов), месторождение, недра, нефть, олово, полезные ископаемые, ресурсы, серебро, уголь.*

Больше всего нефти ближе к Аляске, газовыми месторождениями богата Российская зона. Кроме углеводородов, топлива в Арктике есть олово, серебро и золото, бериллий, алмазы и уголь (Ледниковый параграф).

Глава компании (И. Сечин, президент «Роснефти». – А. Ж.) выступил с докладом, в котором отметил, что, по имеющимся геологическим данным, на Арктику приходится более 20 % запасов нефти в мире... (Газета.Ру 5.06.2014).

• Предикаты со значением военной и геополитической деятельности, опосредованно связанных с семантикой концепта: *делиться (Арктику), десантироваться, драться (за Арктику), завоевать, завоевывать, закрепить, защитить, летать, наращивать, приходить (в Арктику), развернуть, (твёрдо) стоять на ногах, тренировать, угрожать, укрепить, усилить.*

В ходе проведения внезапной проверки разведывательные подразделения Ивановского соединения ВДВ впервые десантировались в районе архипелагов Новая Земля и Земля Франца-Иосифа (Газета.Ру 18.03.2015).

Есть два подхода к тому, как делить Арктику, – рассказывает Коновалов. – Мы считаем, что Арктика делится между арктическими государствами, у которых есть выход к Северному Ледовитому океану... (Газета.Ру 20.04.2015).

Для того чтобы тебя уважали, надо не завоевывать какие-то территории, а надо их осваивать и на них находиться и жить. Вот тогда, если мы в Арктике будем твёрдо стоять на своих ногах, мы понимаем, что это практически самая большая граница, самая большая территория, соответственно, с нами будут считаться все (Ледниковый параграф).

• Номинативы со значением объектов и субъектов туристической деятельности, опосредованно связанных с семантикой концепта: *круиз (арктический), маршрут (арктический), путешествие, путешественник, страна оленей, туризм, туристы, экстремальный (тур).*

Поток туристов, в том числе иностранных, на арктические архипелаги вырос на 70 % в этом году (РИА Новости 8.12.2015).

Для путешественников разработали тур выходного дня «Путешествие в страну оленей» (Газета.Ру 29.10.2015).

Чтобы понять степень изменения актуальных представлений об Арктике, формируемых СМИ, после составления и анализа тезауруса будет предпринята попытка построения когнитивных моделей с означаемым 'Арктика' и сопоставление полученных данных с диахроническими, полученными посредством анализа текстов печатных СМИ советского периода. Таким образом, на наш взгляд, чрезвычайно продуктивным станет описание базовых когнитивных признаков медиаконцепта, репрезентированных в медиатекстах советского времени и в актуальных медиатекстах. Несложно предположить, что содержательное наполнение медиаконцепта 'Арктика' в советское время и сегодня отличается. В сознании советского человека 'Арктика' ассоциировалась со льдами, торосами, суровыми климатическими условиями. Языковая репрезентация концепта эксплицировала идею покорения, «отвоевывания» территорий у суровой природы. Доминировала идея подвига, особой роли полярных экспедиций. Первичный анализ медиатекстов советских газет подтверждает эту гипотезу.

Итак, ключевым в методологии изучения медиаконцептов в когнитивно-дискурсивной парадигме, несомненно, должно стать исследование тех когнитивных слоев и признаков изучаемого медийного феномена, ко-

торые в настоящее время подвергаются метаморфозам. В связи с этим методологическая база исследования должна включать в себя подробный анализ актуальных особенностей вербализации медиаконцепта 'Арктика' в языке СМИ, а также дальнейшее сравнение полученных данных с содержательными особенностями данного концепта и спецификой его функционирования в советский период.

Список литературы

1. Большой Энциклопедический Словарь. URL: <http://www.vedu.ru/bigencdic/> (дата обращения: 21.04.2016).
2. Мальшева Е.Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2011. 405 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. 924 с.
4. Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2014. 425 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2003. 192 с.
6. Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. М.: АСТ, 2001. 505 с.
7. Словарь современных географических названий / под общ. ред. В.М. Котлякова. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
8. Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 21.04.2016).
9. Энциклопедия Кругосвет. URL: <http://www.krugosvet.ru/> (дата обращения: 20.04.2016).

References

1. *Big Encyclopedic Dictionary*, available at: <http://www.vedu.ru/bigencdic/> (accessed: April 21, 2016) (in Russian).
2. Malysheva, E.G. (2011), *Russkii sportivnyi diskurs: teoriya i metodologiya lingvokognitivnogo issledovaniya* [*Russian Sports Discourse: Theory and methodology of linguistic-cognitive study*], dissertation, Omsk, 405 p.
3. Ozhegov, S.I. (1989), *Russian explanatory dictionary*, Moscow, Russkii yazyk publ., 924 p. (in Russian).
4. Orlova, O.V. (2014), *Diskursivno-stilisticheskaya evolyutsiya mediakontseptov: zhiznennyi tsikl i miromodeliruyushchii potentsial* [*Stylistic-discursive evolution of the media concept: life cycle and world model potential*], dissertation, Tomsk, 425 p.
5. Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2003), *Ocherki po kognitivnoi lingvistike* [*Essays on Cognitive Linguistics*], Voronezh, Istoki publ., 192 p.
6. Pospelov, E.M. (2001), *Geographic Names of the World: Toponymic Dictionary*, Moscow, AST publ., 505 p. (in Russian).
7. (2006), *Dictionary of Modern Geographic Names*, ed. by V.M. Kotlyakov, Yekaterinburg, U-Faktoriya publ.

8. *Explanatory dictionary by Ozhegov online*, available at: <http://slovarozhegov.ru/> (accessed: April 21, 2016) (in Russian).

9. *Entsiklopediya Krugosvet [Encyclopedia Krugosvet]*, available at: <http://www.krugosvet.ru/> (accessed: April 20, 2016).

A.Yu. Zhigunov
Omsk, Russia

MEDIA CONCEPT 'THE ARCTIC': METHODOLOGICAL WAYS OF INVESTIGATION

Nowadays the research and strengthening of the Arctic region become one of the most perspective and important direction of political activity: research of the eternal ice, north, force of the local army, expansion of volumes of resources production, improve the tourist conditions and other process are interested for media. This article shows methodological variant of investigation of media texts. The purpose is to see what is the dominant cognitive idea in concept 'the Arctic' representation.

Key words: the Arctic, media concept.

Сведения об авторе:

Жигунов Антон Юрьевич,
магистрант
*Омский государственный универси-
тет им. Ф.М. Достоевского*
644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: zhigunowanton94@mail.ru

About the author:

Zhigunov Anton Yuryevich, graduate
student
Dostoevsky Omsk State University
55a Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: zhigunowanton94@mail.ru

Дата поступления статьи 17.05.2016

Для цитирования: Жигунов А.Ю. Медиаконцепт 'Арктика': методологические подходы к исследованию // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 64–70.

For citation: Zhigunov, A.Yu. (2016), Media concept 'the Arctic': methodological ways of investigation. *Communication Studies*, No. 2 (8), pp. 64-70. (in Russian).

УДК 81'42

И.А. Крамарь
Омск, Россия

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА 'ТОЛЕРАНТНОСТЬ' В ЖУРНАЛИСТСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ О КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ

Исследуется концепт 'Толерантность' с позиции лингвокогнитивного анализа. В рамках исследования была рассмотрена объективация концепта в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх. Для отражения структуры концепта была взята методика фреймово-полевого моделирования, при которой фреймы, слоты и маркеры представлены в иерархическом порядке, образующем ядро, ближнюю и дальнюю периферию. Для распределения элементов этой структуры использовался количественный подсчёт лексических репрезентаций в рамках изучаемого дискурса. Полученные сведения позволили сформулировать гипотезу о природе концепта 'Толерантность': многокомпонентная когнитивная структура, являющаяся как этической доминантой изучаемого дискурса, но, в то же время, и когнитивный феномен, содержащий универсальные структурные элементы.

Ключевые слова: концепт, лингвокогнитивный анализ, дискурс, ядро, периферия, фрейм, слот.

Современная лингвистика характеризуется тем, что она интегрирована в систему многих наук, занимающихся когнитивными процессами, таких как психология, философия, культурология, нейрофизиология и многих других.

Е.С. Кубрякова пишет, что когнитология – это наука «о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных, или когнитивных, процессов. Большинство принимает определение когнитивной науки, согласно которому она представляет собой науку о системах репрезентации знаний и обработке информации, приходящей к человеку по разным каналам» [Кубрякова 1994: 34].

Когнитивная лингвистика является междисциплинарным направлением, стремящимся объяснить процессы в мозгу человека, отвечающие за высшую нервную деятельность. Комплексное и полноценное изуче-

ние особенностей этих процессов и построение точных когнитивных моделей позволит в будущем создать системы так называемого сильного искусственного интеллекта, который будет обладать способностями к самостоятельному обучению, творчеству, свободному общению с человеком.

Для продвижения вперед на пути к обозначенной выше цели необходимо осуществить комплексный подход к изучению когнитивных структур. Наиболее точной из них, отражающей человеческую когнитивную деятельность, является концепт.

З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют термин «концепт» как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат когнитивной деятельности личности, несущее комплексную информацию об отражаемом явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и его отношении к данному явлению» [Попова, Стернин 2007: 34].

В данной статье сделана попытка представления концепта 'Толерантность' с позиции лингвокогнитивного анализа. Данная когнитивная структура занимает всё более прочное положение в русской языковой картине мира и проникает в большинство медийных и социальных дискурсов. Это обусловлено стремлением российского общества приобщиться к общемировым вопросам и интегрироваться в международную систему ценностей. Изучение этого концепта важно для когнитивной науки тем, что он является, с одной стороны, морально-ценностным, определяющим общенациональное сознание и формирующим определённые векторы отношения к проблемам, а с другой – представляет собой динамическую структуру, изменяющуюся под воздействием политических, национальных и лингвокультурологических факторов. Если использовать термин В.И. Карасика, концепт 'Толерантность' является неким «триггером», запускающим цепь мыслительных процессов в отношении субъекта когнитивной деятельности, формирующим отношение объекта к субъекту. Понимание содержания этого этического концепта и специфики его объективации позволит приблизиться к осознанию того, как этические концепты определяют морально-ценностные системы как в рамках отдельно взятого дискурса, так и всей языковой картины мира.

Для изучения лингвокогнитивных особенностей концепта 'Толерантность' был исследован журналистский интернет-дискурс о компьютерных играх, поскольку данный дискурс является одним из наиболее малоизученных в структуре медиадискурса, но при этом оказывает существенное влияние на массовое сознание молодежи, а потому является показательным примером объективации этического концепта в рамках социально ориентированного медийного пространства.

Структуру концепта 'Толерантность' целесообразно, ввиду его многоаспектной природы, рассмотреть с позиции фреймово-полевого анализа, т. е. провести комплексное исследование, сочетающее в себе принципы теории фреймового анализа и теории полевой организации элементов концепта в виде ядерных и периферийных зон.

Концепт 'Толерантность' как многокомпонентная структура представляет собой совокупность фреймов. Фрейм, по М. Минскому, «является структурой данных для представления стереотипной ситуации. С каждым фреймом ассоциирована информация разных видов. Одна её часть указывает, каким образом следует использовать данный фрейм, другая – что предположительно может повлечь за собой его выполнение, третья – что следует предпринять, если эти ожидания не подтвердятся» [Минский 1979: 7].

Итак, необходимо выделить основные фреймы, формирующие концепт 'Толерантность', содержащие основную, типическую и потенциально возможную информацию. В качестве элементов фреймов выступают слоты (или «терминалы», как их назвал М. Минский), каждый из которых ориентирован на конкретизацию какого-либо одного аспекта фрейма посредством заполнения характерными примерами и данными. Слоты являются некоторыми условиями, способствующими раскрытию фрейма.

Для описания компонентов концепта 'Толерантность' логично представить его содержание в виде ядра и периферии. Ядро концепта состоит из обязательных признаков, являющихся наиболее выразительными, поэтому «ядро концепта лучше всего отражает семантика ключевого слова (лексемы), именующего концепт» [Попова, Стернин 2001: 97]. Периферийное же поле составляют абстрактные, наиболее слабо структурированные признаки.

Применительно к фреймово-полевому подходу самые значимые фреймы будут отражать специфику ядра концепта, частотные фреймы образуют ближнюю периферию, а наименее актуализированные фреймы располагаются на дальней периферии. Точно так же произойдёт и со слотами, которые составят ядро, ближнюю и дальнюю периферию каждого из фреймов концепта 'Толерантность'.

«Значимость» слотов и фреймов во фреймово-полевой структуре концепта 'Толерантность' определялась путём количественного подсчёта лексических репрезентаций в рамках изучаемого дискурса: чем чаще слот определённого фрейма вербализуется в текстах журналистского интернет-дискурса о компьютерных играх, тем ближе он к ядру этого фрейма, а фреймы, чьи слоты являются наиболее актуализированными в дискурсе, составляют ядро концепта.

Каждый слот, по теории М. Минского, может устанавливать условия, которые будут выполнять его задания. Эти условия определяются мар-

керами, которые указывают на какой-либо субъект, или же отношениями между понятиями, включенными в различные вершины слота [Минский 1979: 7].

Итак, структура концепта будет состоять из фреймов, имеющих слоты, которые, в свою очередь, определяются маркерами, коими в данном случае выступают лексические репрезентанты, которыми концепт объективируется в текстах журналистского интернет-дискурса о компьютерных играх.

На основе изучения текстов сайтов, составляющих журналистский интернет-дискурс о компьютерных играх на русском языке («Канобу», «Игромания», Absolute Games, «IGN Россия», Game Village, «Навигатор игрового мира»), была составлена следующая таблица, отражающая фреймово-полевою структуру концепта «Толерантность» в рамках изучаемого дискурса.

Фреймово-полевая структура концепта «Толерантность»

<i>Слот</i>	<i>Маркер</i>	<i>Частота употребления (раз)</i>	<i>Отношение к другим фреймам / слотам (%)</i>
ЯДРО			
Толерантность (базовое имя концепта)		24	8,27
Личностно-ориентированный фрейм			35,48
Толерантность – это милосердие и сострадание	Терпимость	17	18,08
	Милосердие	14	
	Сострадание	13	
	Смирение	6	
	Примирение	3	
Толерантность – это свобода быть кем угодно	Нетрадиционная ориентация	7	9,21
	Свободная любовь	7	
	Свобода выбора	6	
	Смена пола	5	
	Трансгендер	2	
Толерантность – это закрытие глаз на распушенность	Распушенность	12	8,19
	Черномазые	4	
	...дали слишком много свободы	3	
	"Толерасты"	3	
	"Толерастия"	2	
Общественно-политический фрейм			33,44
Толерантность во внутренней политике государства	Расизм	16	11,26
	Сексизм	14	
	Ксенофобия	3	

Продолжение табл.

<i>Слот</i>	<i>Маркер</i>	<i>Частота употребления (раз)</i>	<i>Отношение к другим фреймам / слотам (%)</i>
Толерантность как форма социальной активности	Феминизм	9	11,26
	Меньшиства	9	
	Защита меньшинств	8	
	ЛГБТ-движение	7	
Толерантность как инструмент политики	Политкорректный	12	10,92
	Либеральность	11	
	Политкорректность	6	
	Поддержка разных социальных слоёв населения	3	
БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ			
Философский фрейм			10,90
Толерантность как свобода слова	Право голоса	7	4,43
	Право говорить	4	
	"Замалчивание" информации	2	
Толерантность как свобода выбора	Иметь право на выбор	5	4,09
	Иметь возможность самовыражения	4	
	Право выбирать свой путь	3	
Толерантность как свобода совести	Ответственность за свой выбор	4	2,38
	Осознание последствий своего выбора	2	
	Свобода – это самодисциплина	1	
Разговорно-бытовой фрейм			5,45
Возможность объекта выразить себя без опасений	Боязнь осуждения	6	3,75
	Страх перед толпой	3	
	Независимость суждения	2	
Толерантность как стесняющий чьи-то права фактор	Оскорбление достоинства	3	1,70
	Ущемление прав большинства меньшинством	2	
ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ			
Юридический фрейм			3,40
Оскорбление чувств верующих	Антирелигиозные действия	2	1,70
	Оскорбление чувств верующих	2	
	Издевательство над религией	1	

Окончание табл.

<i>Слот</i>	<i>Маркер</i>	<i>Частота употребления (раз)</i>	<i>Отношение к другим фреймам / слотам (%)</i>
Нарушение прав человека	Оскорбление меньшинств	3	1,70
	Запреты выражения собственной позиции	1	
	Неправомерное использование образа	1	
Исторический фрейм			3,06
Толерантные продукты культуры или достоверные?	В данной игре нет негров / сексуальных меньшинств / женщин / христиан / etc.	4	2,38
	Добавьте больше негров / сексуальных меньшинств / женщин / христиан / etc.	3	
Построение гражданского общества	Абсолютизированная терпимость	1	0,68
	Общественное единение людей	1	

Итак, была получена фреймово-полевая структура, на основе которой можно делать выводы о природе и сущности концепта 'Толерантность'. В силу ограниченного объёма данная статья не содержит подробного анализа полученных результатов. Можно констатировать, что ядерные слоты концепта находятся в оппозитивных отношениях двух основных фреймов – общественно-политического и лично-ориентированного. С одной стороны, 'Толерантность' предстаёт как некая универсалия, актуализированная в социально-политических вопросах, поднимаемых в текстах изучаемого дискурса, с другой же – это этическая доминанта, определяющая моральную составляющую текстов журналистского интернет-дискурса о компьютерных играх. Фреймы ближней периферии, философский и разговорно-бытовой, имеют меньше случаев объективации в текстах, и если философский аспект вновь представляет концепт как этическую доминанту дискурса, то разговорно-бытовой аспект поднимает насущные, социальные вопросы. Содержание дальней периферии обусловлено историко-политическими особенностями русского государства, нашей ментальности и культуры. Слот «Оскорбление чувств верующих» был бы приядерным или даже ядерным в политическом медиадискурсе, но журналистский интернет-дискурс о компьютерных играх не эксплуатирует его в такой степени.

Полученные сведения позволяют сформулировать гипотезу о том, что концепт 'Толерантность' выступает как многокомпонентная когни-

тивная структура, являющаяся как этической доминантой изучаемого дискурса, так и когнитивным феноменом, содержащим универсальные структурные элементы, получающие объективацию, в основном, в социально и политически направленных текстах.

Список литературы

1. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.
2. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979. 154 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007. 250 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 189 с.

References

1. Kubryakova, E.S. (1994), Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika – psikhologiya – kognitivnaya nauka [The early stages of cognitivism: linguistics – psychology – cognitive science]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the study of language], No. 4, pp. 34-47.
2. Minskii, M. (1979), *Freimy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for representation of knowledge], Moscow, 154 p.
3. Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2007), *Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka* [Semantic and cognitive analysis of a language], Voronezh, 250 p.
4. Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2001), *Ocherki po kognitivnoi lingvistike* [Essays on cognitive linguistics], Voronezh, 189 p.

I.A. Kramar
Omsk, Russia

LINGUO-COGNITIVE SPECIFICS OF THE CONCEPT OF 'TOLERANCE' IN THE JOURNALISTIC INTERNET DISCOURSE OF COMPUTER GAMES

This article deals with the concept of 'Tolerance' in terms of linguo-cognitive analysis. The purpose of this research is to examine the objectivation of the concept in journalistic Internet discourse of computer games. A method of frame-space modeling was used to represent structure of the concept, in which frames, slots and markers are displayed in hierarchical order, forming a core, and close and far periphery. A quantitative calculation of lexical representations within examined discourse was used to distribute the elements of the structure. Data received allowed to form the hypothesis on the nature of the 'Tolerance' concept: multicomponent cognitive structure being both ethical dominant of examined discourse and cognitive phenomenon containing universal structure elements.

Key words: concept, linguo-cognitive analysis, discourse, core, periphery, frame, slot.

Сведения об авторе:

Крамарь Игорь Александрович,
студент
*Омский государственный универси-
тет им. Ф.М. Достоевского*
644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: hombrehumor@gmail.com

About the author:

Kramar Igor Alexandrovich,
student
Dostoevsky Omsk State University,
55a Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: hombrehumor@gmail.com

Дата поступления статьи 17.05.2016

Для цитирования: Крамарь И.А. Лингвокогнитивная специфика концепта 'Толерантность' в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 71-78.

For citation: Kramar, I.A. (2016), Linguo-cognitive specifics of the concept of 'Tolerance' in the journalistic Internet discourse of computer games. *Communication Studies*, No. 2 (8), pp. 71-78. (in Russian).

Раздел III

**СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ
ПРАКТИКИ**

Part III

MODERN DISCOURSE PRACTICES

УДК 81'25

**Н.В. Богданова-Бегларян,
О.В. Блинова,
Г.Я. Мартыненко,
Т.Ю. Шерстинова**
Санкт-Петербург, Россия

РУССКИЙ ЯЗЫК ПОВСЕДНЕВНОГО ОБЩЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ДАННЫЕ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ*

Предлагаются результаты многоуровневого пилотного исследования особенностей русского языка повседневного общения разных социальных групп (социолектов) современного российского города. Задачей исследования стало выявление лингвистических параметров, по которым различия в этих социолектах видны наиболее явно. Материалом для исследования послужил подкорпус звукозаписей повседневной коммуникации из коллекции Звукового корпуса «Один речевой день», сбалансированно представляющий бытовую речь носителей языка из разных социальных слоев, мужчин и женщин разного возраста, занятых в разных сферах профессиональной деятельности. Анализ проведен на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях – в целом по подкорпусу и отдельно для трех возрастных (молодежи, среднего и старшего возраста) и двух гендерных групп. Получены и сопоставлены количественные данные об особенностях речи каждой группы (в частности, о дистрибуции фонем и аллофонов, особенностях темпа речи, фонетической редукции, лексических предпочтениях, синтаксических структурах и др.). Исследование показало, что различия в речи между возрастными группами являются более значимыми, чем между мужчинами и женщинами, при этом наиболее явная специфика выявлена для младшей возрастной группы.

Ключевые слова: русская разговорная речь, социальные группы, многоуровневый лингвистический анализ, фонетика, лексика, синтаксис, социолингвистика, социолект, звуковой корпус.

1. Введение

В речи любого человека находят отражение особенности, свойственные тому социуму, к которому он принадлежит и в рамках которого по преимуществу реализует свою речевую деятельность. На современном этапе уже невозможно представить себе изучение речи человека в отрыве от его, как минимум, гендерных и возрастных характеристик (см.: [Кры-

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

син 1989; Сиротинина 2008]). Именно поэтому создание своего рода речевого портрета не отдельного человека, а целой социальной группы носителей языка – задача крайне интересная, насущная и перспективная. Более того, описание социолингвистических и гендерных параметров устной спонтанной речи необходимо для решения многих важных аспектов современной прикладной лингвистики: синтеза и распознавания речи, верификации и идентификации диктора по его речи, разработки адаптивных к диктору диалоговых систем [Потапова, Потапов 2006].

Задачей настоящего исследования стало выявление лингвистических параметров, по которым различия в речи разных социальных групп обнаруживаются наиболее явно. Материалом для анализа стал Звуковой корпус русского языка «Один речевой день» (ОРД) – уникальное собрание звукозаписей повседневной речевой коммуникации, выполненных по методике долговременного мониторинга речи [Asinovsky et al. 2009].

Общий объем корпуса на данный момент составляет более 1 200 часов звучания и включает аудиозаписи речи 127 информантов (66 мужчин и 61 женщина, в возрасте от 17 до 77 лет; средний возраст информантов – 39 лет), представителей разных социальных групп, различающихся, кроме пола и возраста, такими признаками, как профессиональная принадлежность или род деятельности, уровень образования и социальный статус (служебное положение). Объем текстовых расшифровок корпуса ОРД к настоящему моменту достиг 1 млн словоупотреблений, что делает данный ресурс наиболее представительным речевым корпусом русской спонтанной речи.

В связи с высокой трудоемкостью многоуровневого лингвистического аннотирования, характеризующего создание любого речевого корпуса (см., напр.: [Romaine 2008]), было принято решение предварительно провести пилотное исследование на ограниченном материале, результаты которого и составляют содержание данной статьи.

2. Исследовательский подкорпус и методика пилотного исследования

Для проведения исследования был сформирован и полностью проаннотирован пилотный подкорпус, содержащий фрагменты повседневной коммуникации 12 информантов и 10 их собеседников общим объемом звучания 1 час 46 мин. Для того чтобы исключить фактор влияния на речь коммуникативной ситуации, были отобраны 12 эпизодов бытовой (непрофессиональной) беседы информантов с родными, друзьями или близкими коллегами в схожих ситуациях общения. Объем исследуемого речевого материала сопоставим с известным корпусом устной русской речи – «Рассказы о сновидениях» [Рассказы о сновидениях... 2009].

Подкорпус содержит образцы речи сбалансированной выборки информантов: в равном количестве в нем представлены две гендерные группы (6 мужчин и 6 женщин), три возрастные группы (по 4 представителя

от молодежи, среднего и старшего возраста) и хотя бы одному представителю от 4 анализируемых групп по социальному статусу: а) руководящие работники разного уровня, бизнесмены и частные предприниматели; б) служащие, специалисты, наемные работники; в) студенты и проч. учащиеся (в том числе работающие); г) неработающие (в том числе неработающие пенсионеры). Представлена речь информантов следующих профессий: 1) рабочий, 2) военнослужащий, 3) инженер, 4) IT-специалист, 5) педагог, 6) физик, 7) искусствовед, 8) маркетолог, 9) юрист, 10) музыкант.

Выполнено сегментирование всего материала на реплики, фразы, слова и аллофоны, осуществлена фонемная и фонетическая транскрипция, проведено лингвистическое аннотирование записей на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, а также проведен многоуровневый статистический анализ массива аннотаций. Всего было проанализировано 16 060 токенов на уровне фраз / реплик (из которых 10 259 – словоупотребления), состоящих в общей сложности из 41 850 аллофонов.

Все анализируемые параметры были посчитаны в целом по выборке, отдельно в речи мужчин и женщин, в речи трех возрастных групп (молодежь, средний возраст, старший возраст), а также с учетом социального статуса говорящих.

3. Фонетический уровень

Получены статистические данные о распределении в речи гласных и согласных фонем и аллофонов, определена длительность сегментных единиц разного уровня, проанализирован темп речи, описана реализация редуцированных форм и дискурсивных элементов.

Оказалось, что в речи всех социальных групп наиболее частотными являются фонемы /а/ (18 %), /и/ (9 %), /т/ (6 %), /о/ (5 %), /у/ (4 %). Как минимум, до 10-го ранга существенного различия между группами не наблюдается.

В ранговом распределении аллофонов на первом месте ожидается ударный [a0] (7 %), на втором – [t] (6 %), далее идут два безударных аллофона фонемы /а/ – [a1] (5,3 %) и [a4] (4,9 %), ударный [o0] занимает пятую позицию (4,9 %). На пилотном материале существенного различия между анализируемыми группами по этому параметру выявить не удалось.

Был проведен анализ длительности аллофонов, слов и фраз. Средняя длительность аллофонов по выборке составила 66,81 мс (средняя длительность аллофонов у мужчин составляет 61,54 мс против 69,51 мс у женщин). Основной акцент сделан на анализе темпа речи как объединяющего фактора длительностей лингвистических единиц разного уровня. Средний темп речи для подкорпуса составляет 5,32 сл./с (SD = 8,28). Мужчины в среднем говорят несколько быстрее женщин: 5,46 vs. 5,25 сл./с (SD = 2 и SD = 10 соответственно). Наивысший темп речи наблюдается у предста-

вителей молодежной группы – 5,91 сл./с (SD = 12). Подтверждена выдвинутая ранее гипотеза о зависимости темпа речи от возраста (см.: [Степанова 2013]).

В материале подкорпуса были выявлены все редуцированные формы (далее – РФ) и проведен их слуховой анализ. Всего редуцированных реализаций различных единиц (слов, словоформ или словосочетаний) было выявлено 350, что составляет 3,4 % от всего лексического массива подкорпуса. Разных вариантов РФ при этом оказалось 111. Под вариантами понимаются, например, *гарю, грю, гу и гру* для формы *говорю, тось* и *тоись* – для *то есть* и т. п.

В «верхушке» общего частотного словника находятся формы *щас* (*сейчас*; 10,6 %) и *чѐ* (*что*; 10,3 %). Далее в порядке убывания следуют *буит* (*будет*; 4,3 %), *чѐ-то* (*что-то*; 4,0 %), *ничѐ* (*ничего*), *гарю* (*говорю*) и *тя* (*тебя*) (по 3,1 %), *тока* (*только*; 2,6 %), *када* (*когда*) и *тось* (*то есть*) (по 2,3 %).

Несколько различаются соответствующие верхние зоны частотных словников, построенных отдельно для мужчин и женщин. Мужские «приоритеты» оказались таковы: *чѐ* (14,5 %), *щас* (7,2 %), *буит* (6,5 %), *ничѐ* (4,3 %) и *тя* (3,6 %). Женские «приоритеты»: *щас* (12,9 %), *чѐ* (7,1 %), *чѐ-то* (5,7 %), *гарю* (4,3 %), *тось* (3,3 %), *буит* (2,9 %), *гыт* (*говорит*; 2,9 %). Видно, что наиболее популярная в повседневной речи редуцированная форма *щас* употребляется женщинами почти в два раза чаще, чем мужчинами (12,9 vs. 7,2 %). Настолько же чаще (примерно в два раза), чем женщины, мужчины употребляют формы *чѐ* (14,5 vs. 7,1 %), *буит* (6,5 vs. 2,9 %) и *ничѐ* (4,3 vs. 2,4 %). Только в мужской речи весьма частотными оказались формы *диситна* (*действительно*), *када* (*когда*) и *шо* (*что*), в женской речи в «верхушку» частотного словника попала РФ *гыт* (*говорит*; 2,4 %), которой не обнаружилось (среди более или менее частотных) в речи мужчин.

Сравнение речи информантов разных возрастных групп показало, что самое популярное *щас* занимает первую строчку в частотных словниках информантов только среднего и старшего возраста, с существенным преобладанием в речи среднего поколения (17,9 и 7,4 % соответственно). В младшей группе наиболее частотной оказалась редуцированная форма *чѐ* (14,5 %), а *щас* отошло на вторую строчку (9,8 %). Видно, что только младшее поколение активно употребляет форму *ваще*, в то время как «вежливые» этикетные *пожалста* и *пасиб(а)* обнаружались по преимуществу в речи информантов средней возрастной группы.

Анализ фонетической реализации дискурсивных единиц и хезитаций на пилотном материале не выявил каких-либо явных закономерностей.

4. Лексический уровень

Получены сопоставительные данные об использовании в повседневной речи стилистически окрашенной лексики, профессионализмов, жар-

гонной лексики, неологизмов и др., определена сравнительная функциональная активность лексических единиц и богатство словаря разных социальных групп, а также специфика использования в речи прагматических единиц и конструкций (прагматем).

Были построены частотные списки (словари) для всего объема выборки и для отдельных социальных групп на уровне слов и лексем. В целом по выборке ранговое распределение (в %) верхней зоны частотного словаря таково: *я* (3,1), *ну* (2,9), *не* (2,6), *да* (2,4), *и* (2,2), *вот* (2,1), *это* (1,95), *в* (1,9), *что* (1,83), *а* (1,58). С небольшими вариациями этот набор повторяется в частотных списках мужчин и женщин, а также всех трех возрастных групп. Для анализа дистрибуции невысокочастотной лексики необходимо проведение исследования на большем объеме словаря.

По всему корпусу индекс лексического разнообразия, определяющийся как отношение однократных лексических единиц к общему числу единиц, составляет 0,164; в мужской речи он в среднем выше, чем по подкорпусу в целом (0,169), в женской речи – существенно ниже (0,128).

Распределение неологизмов коррелирует прежде всего с возрастом говорящего: их количество максимально у молодежи (0,42 %), несколько меньше у информантов среднего возраста (0,32 %) и крайне низко у старших информантов (0,02 %). Речь молодежи отличает еще и довольно высокий ранг таких слов, как *айфон* и *КАСКО*, что тоже в какой-то степени показывает характер системы их ценностей и жизненных приоритетов.

Элементы молодежного жаргона полностью оправдывают исследовательские ожидания. Такие элементы чаще всего встречаются в речи младшей возрастной группы (но имеют только 5-й ранг, 0,31 %). Младшие информанты употребляют стилистически сниженную лексику как минимум в 2 раза чаще других возрастных групп (0,59 %). Наибольшей показательностью обладает помета «бранное», встречающаяся чаще всего в речи информантов из молодежной группы. Так, очень частотны в речи молодежи: *бл*дь* (ранг 28), *ни**ец* (102), *х*й* (137) и *бл** (139). Для сравнения: первое существительное в этом молодежном частотнике – слово *список* – имеет ранг только 160, что существенно ниже показателей непечатных единиц. Столь же высокий ранг *бл*дь* имеет и в речи всех мужчин – 21, что обеспечило этому слову высокий ранг и в общем частотном списке – 62.

Из глаголов в общем списке лидируют *знаю* (ранг 47) и *говорю* (ранг 57), которые далеко не всегда в нашей речи обозначают именно действие (ср. метакоммуникатив *я не знаю* и ксенопоказатель *говорю*, обычно в редуцированных формах *грю* или *гу*). В речи мужчин самый высокий ранг (53) из «настоящих» глаголов получило слово *сделать*, что может отражать специфику их занятости в течение дня. В речи женщин, а также представителей младшей и средней возрастных групп картина в этом отношении повторяет общую.

Одной из наиболее ярких примет повседневной речи являются такие элементы звуковой цепи, которые не удается безоговорочно отнести к классу лексических или лексико-грамматических единиц – *(так) скажем, (не) это самое, (я) не знаю, как (его, ее, их, это), (и) все такое (прочее), все дела, туда-сюда* и т. п. Эти единицы однозначно маркируют устную спонтанную речь, в равной мере монологическую и диалогическую, и крайне частотны в нашем повседневном общении. В работах последних лет такие единицы все чаще называются прагматическими конструкциями, или «прагматемами» [Богданова-Бегларян 2014].

На материале пилотного подкорпуса было выявлено 17 таких единиц. Единичными оказались употребления аппроксиматоров *и так далее* и *то-сё*, весьма нечастотными, против ожидания, – маркеры неуверенности *типа* (6,3 % от общего количества прагматем) и *вроде* (3,4 %), при этом они распределяются практически поровну между мужчинами и женщинами. Лидируют в общем списке метакоммуникативные маркеры (контактные глаголы) *знаешь/знаете, понимаешь, видишь, слушай* и под. – на их долю приходится 19,4 % всех употреблений прагматем. Несколько реже употреблялись *короче* (15,5 %) и *в общем* (10,7 %).

Женщины в целом в два раза чаще употребляют подобные единицы, чем мужчины (67,5 и 32,5 % соответственно). Особенно хорошо эта разница видна на метакоммуникативных маркерах, с помощью которых говорящий привлекает или удерживает внимание собеседника: 80 % соответствующих единиц обнаружено в речи женщин. Излюбленная «мужская» прагматема – *короче*: 56,3 % таких употреблений выявлено в речи мужчин, почти исключительно младшего возраста.

Около трети всех прагматем приходится на долю информантов старшей возрастной группы, больше – на долю женщин в этой группе (72,5 %), в основном за счет единицы *в общем*.

5. Морфологический уровень

Получены данные о распределении в речи социальных групп частей речи, грамматических форм, аграмматичных и окказиональных форм, «редких», «сложных» и «прагматически маркированных» форм.

Функциональная активность (в %) разных частей речи у мужчин и женщин различается незначительно. Ср. у мужчин: PART (11,0), V (10,0), SPRO (9,9), APRO (2,7), S (9,0), PR (5,0), ADV (6,0), CONJ (4,64), INTJ (2,58), A (2,4); у женщин: V (11,0), SPRO (11,0), PART (10,0), S (8,9), ADV (6,0), PR (4,8), CONJ (4,5), ADVPRO (2,9), APRO (2,5), A (2,2). Таким образом, мужчины несколько чаще употребляют междометия, а женщины – существительные. Что касается возрастных групп, то информанты молодежной группы употребляют значительно больше показателей эмоциональности речи (эмотивных и других междометий) и незначительных частей речи (прежде всего частиц). В речи старших информантов обращает на себя

внимание количество местоимений-существительных (прежде всего личного местоимения я).

Аграмматичных форм в составе рабочего подкорпуса не обнаружилось. Встречаемость в речи информантов «редких» грамматических форм (второго родительского и второго предложного падежей) ниже, чем ожидалось. Что касается «сложных» форм, то причастий во всей выборке оказалось всего 26 (0,25 %), а деепричастий не встретилось вовсе. Звательная форма представлена в составе подкорпуса всего 20 употреблениями, причем используют ее преимущественно женщины, обращаясь к женщинам.

6. Синтаксический уровень

При анализе материала рабочего подкорпуса с синтаксической точки зрения рассматривались глагольные и именные линейные кусты, были выявлены наиболее частотные синтаксические структуры, определена их синтаксическая сложность и распространенность, получены данные о частотности типовых синтаксических явлений устной речи (парцелляции, эллипсиса, обрыва, самокоррекции) и др.

Всего на материале исследовательского подкорпуса было выявлено и атрибутировано 2 039 синтаксических структур, вершиной которых является глагол. Наиболее частотными в речи всех социальных групп являются простые нераспространенные предложения структуры SV (существительное-подлежащее + глагол-сказуемое, 2,75 %), и одноэлементные структуры: V (глагол-сказуемое, 1,8 %), S (существительное-подлежащее, 1,6 %), Q? (вопросительное слово, 0,8 %). Что касается именных групп, то наиболее частотны в устной речи следующие структуры: S (подлежащее), xS (предложная группа), AS (атрибутивное сочетание с препозицией атрибута), xAS (предложная группа с препозицией атрибута). Статистически существенного различия между сравниваемыми социальными группами по данному параметру не обнаружено.

В составе рабочего подкорпуса выявлено 16 непроективных конструкций. Распределение их в речи информантов с разными социальными характеристиками в силу небольшого количества не показательно. Заметим, однако, что наибольшее количество непроективных конструкций характеризует речь информантов младшего возраста с низким уровнем образования.

Анализ строения синтаксических структур показал, что левое ветвление в устной повседневной речи существенно превышает правое, в отличие от письменной речи, где доминируют симметричные структуры [Мартыненко 2015]. Это синтаксическое свойство устной речи характеризует все социальные группы.

В качестве основных особенностей спонтанной речи, на основе которых можно сравнивать речь разных социальных групп, были выделены следующие черты: обрыв фразы (CUT), эллипсис (EL), парцелляция

(PARC) и самокоррекция (COR). В общем массиве синтаксических структур (2 039 единиц) из специфических черт преобладают обрывы – 6,9 %, далее в порядке убывания следуют EL (4,2 %), PARC (1,8 %) и COR (1,2 %). Все эти особенности проявляются преимущественно в речи женщин, в которой удалось выявить 63,6 % всех обрывов, 78,5 % эллипсисов, 65,7 % парцелляции и 65,2 % случаев самокоррекции.

Столь же отчетливое тяготение специфических синтаксических черт в материале исследования обнаружилось и в речи молодежи: 54,4 % CUT, 68,1 % EL, 85,7 % PARC и 66,7 % COR. Минимальные показатели в этом отношении свойственны речи носителей языка старшей возрастной группы: соответственно 11,4 % CUT, 7,2 % EL, 3,6 % PARC и 6,7 % COR.

Иными словами, можно предположить, что вся синтаксическая специфика, свойственная нашей повседневной речи, сосредоточена в основном в речи молодежи и отчасти старших информантов, по сравнению с речью людей среднего возраста.

Дополнительно проведен анализ синтаксических особенностей речи с учетом социального статуса информантов. Оказалось, что незавершенные синтаксические структуры заметно преобладают в речи специалистов и частных предпринимателей (29,4 и 32,1 % соответственно), меньше всего их в речи неработающих пенсионеров (8,3 %). Эллиптических структур больше всего в речи учащихся (35,9 %), довольно много в речи руководителей (26,6 %), меньше всего – также в речи неработающих пенсионеров (1,6 %).

Парцеллированные конструкции отчетливо преобладают в речи учащихся (66,7 %), совсем не встретились в речи неработающих пенсионеров и вполне равномерно распределились по остальным социальным группам: 11,1 % в речи специалистов, 7,4 % в речи руководителей и 14,8 % в речи частных предпринимателей.

Случаи самокоррекции говорящего распределились по разным социальным группам таким образом: частные предприниматели – 30,0 %, специалисты и руководители – по 25,0 %, учащиеся – 15,0 %, неработающие пенсионеры – 5,0 %.

Видно, что наиболее правильная в синтаксическом отношении повседневная речь свойственна группе неработающих пенсионеров (заведомо – из старшей возрастной группы).

7. Заключение

В целом проведенное исследование показало, что по разным уровням языка повседневного общения выявленные различия между возрастными группами информантов более значительны, чем наблюдаемые гендерные различия, при этом наибольшая специфичность свойственна младшей возрастной группе. Максимальное различие в речи разных социальных групп наблюдается в первую очередь по таким лингвистическим па-

раметрам, как темп речи, использование редуцированных форм, использование ненормативной лексики, отдельных прагматических конструкций и некоторых синтаксических особенностей спонтанной речи (обрыв, эллипсис, парцелляция, самокоррекция). По другим языковым аспектам очевидных различий не выявлено или они не являются статистически существенными. Для анализа в речи разных социальных групп просодических (в частности, интонационных) паттернов, лексических предпочтений и дистрибуции синтаксических структур, принимая во внимания высокую вариативность этих параметров, необходимо проведение исследования на более представительном материале.

Результаты данного исследования имеют симптоматический характер. Они достигнуты на уровне описательной статистики. В дальнейшем для распределений характеристик на всех уровнях по качественно отличным группам (гендерным, возрастным, профессиональным) предполагается использование аппарата корреляционного анализа (например, ранговой корреляции), а также статистического оценивания в двух ипостасях: измерении ошибок выборочного наблюдения и проверки гипотез о наличии или отсутствии существенных различий статистик и распределений в целом для различных групп испытуемых с помощью критериев Стьюдента, Бейли, Пирсона (хи-квадрат) и других при различных уровнях значимости.

Список литературы

1. *Богданова-Бегларян Н.В.* Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.
2. *Крысин Л.П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / отв. ред. Ю.Д. Дешериев. М.: Наука, 1989. 186 с.
3. *Мартыненко Г.Я.* Синтаксис живой спонтанной речи: симметрия линейных порядков // Корпусная лингвистика-2015: тр. междунар. конф. / отв. ред.: В.П. Захаров, О.А. Митрофанова, М.В. Хохлова. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2015. С. 371–378.
4. *Потанова Р.К., Потанов В.В.* Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006. 496 с.
5. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
6. *Сиротинина О.Б.* Речь города: проблемы, аспекты и трудности изучения // Язык современного города: тез. докл. междунар. конф. «Восьмые Шмелевские чтения». М., 2008. С. 146–148.
7. *Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstino-va T.* The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker’s Day”: Creation Principles and Annotation // Text, Speech and Dialogue: Proceedings of 12th International Conference, TSD 2009, Pilsen, Czech Republic, September 13-17,

2009 / Eds.: V. Matoušek, P. Mautne. Berlin-Heidelberg: Springer, 2009, P. 250–257. (Lecture Notes in Computer Science. Vol. 5729 2009).

8. Romaine S. Corpus Linguistics and Sociolinguistics // *Corpus Linguistics: An International Handbook* / Eds.: A. Lüdeling, M. Kytö. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008. Vol. 1. P. 96–111.

9. Stepanova S. Speech Rate as Reflection of Speaker's Social Characteristics // *Approaches to Slavic Interaction* / Eds.: N. Telemann, P. Kosta. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2013. P. 117–129. (Dialogue Studies. Vol. 20).

References

1. Bogdanova-Beglarian, N.V. (2014), Pragmatic items in everyday speech: definition of the concept and general typology. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, Iss. 3 (27), pp. 7-20. (in Russian).

2. Krysin, L.P. (1989), *Sotsiolingvističeskie aspekty izučeniya sovremennogo russkogo yazyka* [Sociolinguistic aspects in the study of modern Russian], ed. by Yu.D. De-sheriev. Moscow, Nauka publ., 186 p.

3. Martynenko, G.Ya. (2015), Sintaksis zhivoi spontannoï rechi: simmetriya lineinykh poryadkov [Syntax of Live Spontaneous Speech: the Symmetry of Linear Orders]. *Korpusnaya lingvistika-2015* [Corpus Linguistics-2015], Proceedings of the International Conference, ed. by V.P. Zakharov, O.A. Mitrofanova, M.V. Khokhlova, St. Petersburg, pp. 371-378.

4. Potapova, R.K., Potapov, V.V. (2006), *Yazyk, rech', lichnost'* [Language, Speech, Personality], Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur publ., 496 p.

5. (2009), *Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse*, Ed. by A. Kibrik, V. Podlesskaya, Moscow, Languages of Slavonic Culture publ., 736 p. (in Russian).

6. Sirotinina, O.B. (2008), Rech' goroda: problemy, aspekty i trudnosti izučeniya [Urban speech: problems, aspects and difficulties of studying]. *Yazyk sovremennogo goroda* [Language of a modern city], Proceedings of International Conference 8th Shmelevsky readings, Moscow, pp. 146-148.

7. Asinovsky, A., Bogdanova, N., Rusakova, M., Ryko, A., Stepanova, S., Sherstinova, T. (2009), The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker's Day”: Creation Principles and Annotation. *Text, Speech and Dialogue: Proceedings of 12th International Conference, TSD 2009, Pilsen, Czech Republic, September 13-17, 2009*, Eds.: V. Matoušek, P. Mautne, Berlin-Heidelberg, Springer, pp. 250-257. (Lecture Notes in Computer Science. Vol. 5729 2009).

8. Romaine, S. (2008), Corpus Linguistics and Sociolinguistics. *Corpus Linguistics: An International Handbook*, Eds.: A. Lüdeling and M. Kytö, Berlin, New York, Mouton de Gruyter, Vol. 1, pp. 96-111.

9. Stepanova, S. (2013), Speech Rate as Reflection of Speaker's Social Characteristics. *Approaches to Slavic Interaction*, Eds.: N. Telemann, P. Kosta, Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, pp. 117-129. (Dialogue Studies. Vol. 20).

**N.V. Bogdanova-Beglaryan,
O.V. Blinova,
G.Ya. Martynenko,
T.Yu. Sherstinova
Saint Petersburg, Russia**

**EVERYDAY RUSSIAN LANGUAGE:
SOME FIGURES IN SOCIOLINGUISTIC PERSPECTIVE**

The article aims to present the results of an exploratory study dedicated to the multilevel analysis of everyday spoken Russian and its variation in different urban social groups (sociolects). The goal of the study was to reveal the most indicative linguistic parameters for each of the sociolects under study. The research has been made on the material of the well-balanced sub-corpus of the “One Speaker’s Day” (the ORD) speech corpus, which represents the everyday speech of Russian native speakers from different social strata, men and women of different age, involved in various fields of work. The analysis was carried out on the phonetic, lexical, morphological and syntactic levels for the whole sub-corpus, for the three age groups of speakers (young people, middle-aged and elderly) and for the two gender groups separately. Quantitative data referring to speech features of each group (e. g., phoneme and allophone distribution, speech rate, phonetic reduction, lexical preferences, syntactic structures, etc.) have been obtained and compared. The study has shown that speech differences between age groups are more relevant than those between the gender ones, with the social dialect of the young people being the most specific among them.

Key words: spoken Russian, social groups, multilevel linguistic analysis, phonetics, lexical studies, syntax, sociolinguistics, sociolect, speech corpus.

Сведения об авторах:

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: n.bogdanova@spbu.ru

Блинова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: o.blinova@spbu.ru

About the authors:

Bogdanov-Beglaryan Natalia Viktorovna, Prof., Professor of the Russian Language Chair
St. Petersburg State University
11 Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russia
E-mail: n.bogdanova@spbu.ru

Blinova Olga Vladimirovna, Dr., Associate Professor of the Chair of General Linguistics
St. Petersburg State University
11 Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russia
E-mail: o.blinova@spbu.ru

Мартыненко Григорий Яковлевич,
доктор филологических наук, профес-
сор кафедры математической лин-
гвистики

*Санкт-Петербургский государствен-
ный университет*

*199034, Санкт-Петербург, Универси-
тетская наб., 11*

E-mail: g.martynenko@spbu.ru

Шерстинова Татьяна Юрьевна,

кандидат филологических наук, стар-
ший преподаватель кафедры русского
языка

*Санкт-Петербургский государствен-
ный университет*

*199034, Санкт-Петербург, Универси-
тетская наб., 11*

E-mail: t.sherstinova@spbu.ru

Martynenko Gregory Yakovlevich,
Prof., Professor of the Mathematical
Linguistics Chair

St. Petersburg State University

*11 Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russia*

E-mail: g.martynenko@spbu.ru

Sherstinova Tatiana Yurievna, Dr.,

Senior Lecturer of the Russian Language
Chair

St. Petersburg State University

*11 Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russia*

E-mail: t.sherstinova@spbu.ru

Дата поступления статьи 30.05.2016

Для цитирования: Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю. Русский язык повседневного общения: некоторые количественные данные в зеркале социолингвистики // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 81–92.

For citation: Bogdanova-Beglarian, N.V., Blinova, O.V., Martynenko, G.Ya., Sherstinova, T.Yu. (2016), Everyday Russian language: some figures in sociolinguistic perspective. *Communication Studies*, No. 2 (8), pp. 81-92. (in Russian).

УДК 81.373.45

К.Д. Зайдес
Санкт-Петербург, Россия

ОБ ОДНОМ НОВОМ СЛОВЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Рассматриваются различные лексические значения слова *бугурт*, представляющего одну из интересных лексем современного интернет-сленга. Материалом для анализа послужили комментарии носителей языка в Интернете о лексическом значении данного слова, т. е. языковая саморефлексия говорящих. Пользователи Интернета приводили в своих ответах, в основном, четыре типа определений *бугурта*: описание физиологического состояния человека, описание его эмоционального состояния, вид нарратива и средневековое рыцарское сражение, – а также контаминации вышеперечисленных типов. Формально определения, которые испытываемые давали слову *бугурт*, различаются по форме как простые, метафорические и псевдонаучные. На основании статистических данных по типам даваемых информантами определений, а также лексико-семантического анализа значений была разработана словарная статья на данное слово. Таким образом, в ситуации анализа значения и функционирования сленговых и жаргонных выражений, как нам кажется, лингвистический эксперимент представляется достаточно продуктивным методом работы, открывающим как неизвестный до этого семантический потенциал слова, так и высокую степень заинтересованности говорящего в структуре и формах родного языка.

Ключевые слова: интернет-сленг, электронная коммуникация, речевая лексикография, рефлексия носителей языка, молодежный жаргон, заимствования, экспрессивы.

Изучение языка Интернета в современной лингвистике стало одним из важных и актуальных направлений, наряду с изучением идиолектов, устной речи и различных видов электронной коммуникации. Язык Интернета как письменная форма устной речи открывает перед пытливым исследователем целый букет интереснейших явлений – фонетических и орфографических, лексических и словообразовательных, морфологических и синтаксических. Бурно развивающаяся стихия языка выплескивает в интернет-пространство результаты поисковой деятельности людей: если им чего-то не хватает в запасах литературного языка (как семантического, так и экспрессивного выражения), то фантазия предлагает им свои варианты реализации задуманного.

Безусловно, наиболее активно развивающейся областью в языке является его лексический состав. Новые заимствования адаптируются к графике современного русского языка, приобретают (или отказываются приобретать) парадигмы склонения и спряжения, обрастают определенным синтаксическим окружением.

В электронной коммуникации особенно ярким явлением предстает интернет-сленг. Несмотря на его особый, периферийный, языковой статус, именно сленг «очень важен для лингвистов, это своего рода “лаборатория языка”, где намечаются пути его будущего развития» [Плунгян 2005: 11].

Данная работа выполнена в русле **речевой лексикографии**. Объектом ее описания становится не только лексема как единица языка, но различные единицы устной речи, как смысловые, так и функциональные – речевые, условно-речевые и неречевые (о принципах и содержании термина «речевая лексикография» см.: [Осьмак 2014]). Развитие речевой лексикографии стало возможным после изобретения электронных корпусов и с помощью обращения к корпусному материалу с его богатыми иллюстрациями. Различие между прескриптивной и дескриптивной лексикографией было заложено в лингвистике изначально и проявлялось, например, при составлении академических, с одной стороны, и диалектных или социолектных словарей, с другой. Долгое время основным объектом научных исследований являлась письменная форма литературного языка, а реальная повседневная речь, со всеми особенностями ее спонтанного порождения, практически не попадала даже в дескриптивные словари [Крысин 2010]. Интернет-сленг можно считать частью разговорного языка молодежи как социальной группы, поэтому его фиксация лежит также в области речевой лексикографии (на стыке с жаргонной лексикографией, конечно).

Задачей речевой лексикографии является своевременная фиксация всех интересных явлений живой речи, как в устной, так и в письменной формах ее бытования: «Естественное желание каждого равнодушного к предмету своих научных изысканий лингвиста – схватить эту рождающуюся на наших глазах и быстро ускользающую речевую реальность, зафиксировать момент, а потом уже – попытаться разобраться в том, откуда это, как это меняет наши представления о мире и о нас, кому это нужно и зачем...» [Иссерс 2012: 8]. Интересно, что фиксацию такого рода явлений производят сейчас не только лингвисты, но и сами носители языка, возможно даже из-за недостаточного внимания традиционной филологии к новым, но актуальным фактам языка. Например, редактирование статей «Википедии» или пополнение словарной картотеки словаря сленга и жаргона Slovonovo возможно всеми пользователями Всемирной сети. С широким распространением Интернета, разрастанием объемов доступной каждому информации обычные люди оказываются включенными во «всевозможные виды научного творчества, до той поры доступные лишь ученым-специалистам» [Лукашанец 2011: 378].

На наш взгляд, рефлексия носителей языка при изучении сленга является одним из важнейших источников информации о семантике той или иной лексемы. Несмотря на то, что информанты иногда могут быть некомпетентны в оценке стилистической принадлежности слова (как в случае с опросом носителей жаргона или сленга), именно носители данного языкового кода предлагают исчерпывающие толкования слов, что подтверждается, в том числе, данными нашего исследования.

Лексема, описание которой предлагается в настоящей работе, в русской транслитерации приняла следующий вид: *бугурт*. Перед началом исследования у нас не было ни малейшего понятия о ее этимологии, однако в ходе работы выяснилось, что автору была известна данная лексема, но в другом графическом облике. Таким образом, в данном случае мы сталкиваемся с интересным явлением двойного заимствования лексемы, о чем скажем далее.

Объектом данного исследования являются комментарии носителей языка о лексическом значении слова *бугурт*, предметом – возможные лексические значения (оттенки значения) этого слова. Поиск в Интернете по данной лексеме дал несколько определений, связанных с интересующим нас словом, и только одно определение самого слова *бугурт*. Во-первых, это определение *бугурт-треда*, т. е. интернет-форума, на котором пользователи делятся этими самыми *бугуртами*: *БУГУРТ-ТРЕД – это наследие имиджборд¹, суть которого в выражении в текстовой форме чувства мощного ресентимента². В более простых выражениях это можно описать как невероятное смешение зависти и чувства «неспособности выдержать несовершенство мира». Действия в повествовании бугурта принято разделять символом «@»³ (Бугурт-тред) Ср. определение данного словосочетания (не слова!) в электронном словаре Teenslang: *бугурт-тред, словосочетание. Значение: ветка на форуме, где пользователи делятся историями, которые вызвали негодование* (Словарь молодежного слэнга). Наконец, поиск по лексеме *бугурт* привел нас к уже известному слову *баттхёрт*: *Butthurt* (рус. *баттхёрт*, буквально «ж**ная боль», или «попоболь») – особое, широко представленное в интернетах, психоэмоциональное состояние, а также человек, в нём пребывающий. Наиболее близкий научный (психологический) термин для обозначения *Butthurt'a* – *фрустрация* или *незавершённый (незаконченный) гештальт* (Энциклопедия Lurkmore). Таким образом, *баттхёрт* и *бугурт* являются синонимами, имеющими единую этимологию, но различный графический облик: в первом случае этот облик является результатом фонетической транскрипции, во втором – графической транслитерации.*

¹ *Имиджборд* – разновидность веб-форума с возможностью прикреплять к сообщениям графические файлы.

² От фр. *ressentiment* – «негодование, злопамятность, озлобление».

³ Во всех иллюстрациях сохранены орфография и пунктуация авторов.

Как видно, в Интернете недостаточно информации о том, что такое *бугурт*, поэтому актуальность нашего исследования осознается даже самими пользователями. Поскольку выводы о лексическом значении слова позволительно делать на материале словарной рефлексии говорящих, было решено провести опрос о значении интересующего нас слова в среде его бытования, т. е. в Интернете. Для опроса была выбрана фокус-группа исследования – подписчики определенного интернет-сообщества на сайте «ВКонтакте», в котором регулярно публикуются небольшие сюжетные истории, называющиеся *бугуртами*. Приведем примеры такой истории:

4 июня, 7:05

УРА, ЛЕТО!

@

ЗА ОКНОМ СВЕТИТ СОЛНЫШКО

@

ПОЮТ ПТИЧКИ

@

ЦВЕТУТ ЦВЕТОЧКИ

@

ДЕРУТСЯ АЛКАШИ

@

ЕРОХИН СОСЁТСЯ С ЕОТОВОЙ

@

ШКОЛОЛОЛЬНИКИ УЖЕ КАК 30 ЧАСОВ СИДЯТ ЗА
КОНЕСМОТРИСТЕРОМ

@

СИДИШЬ В СВОЕЙ СЫЧЕВАЛЬНЕ И С КРАСНЫМИ ГЛАЗАМИ ПИЛИШЬ
КУРСАЧ, КОТОРЫЙ НАДО СДАВАТЬ ПАРУ ДНЕЙ НАЗАД.

6 июня, 6:05

ТЕБЕ ЗВОНИТ ЧЕЛОВЕК

@

НЕ УСПЕВАЕШЬ ПОДНЯТЬ

@

ПЕРЕЗВАНИВАЕШЬ

@

ЗАНЯТО

@

РЕШАЕШЬ ПОДОЖДАТЬ

@

ОН ТОЖЕ РЕШАЕТ ПОДОЖДАТЬ

@

ПЕРЕЗВАНИВАЕШЬ

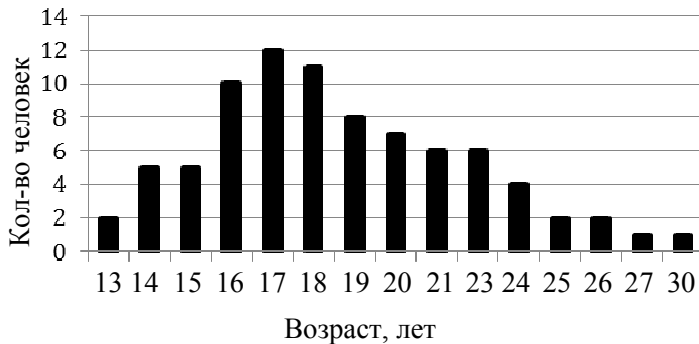
@

КОЛЕСО САНСАРЫ ДАЛО ОБОРОТ.

Итак, в интернет-сообщество «Бугурт-трэд» был предложен к публикации вопрос о том, как понимают значение слова *бугурт* те, кто его употребляет. Параллельный вопрос о значении однокоренного глагола – *бугуртить* – также был задан подписчикам, но это не стало материалом для данного исследования. В ответ на вопрос было получено 260 комментариев пользователей, что превышает средний показатель комментируемости любых записей этого сообщества. Такой масштабный отклик демонстрирует высокую степень языковой саморефлексии пользователей, их интерес к речевому материалу, из которого строится интернет-дискурс. Однако среди этих ответов релевантными с точки зрения поставленного вопроса, информативными были признаны 177 комментариев, которые и стали материалом для лексико-семантического анализа.

Вся информация об испытуемых помещалась в таблицы Excel. По сводным данным, на вопрос о лексическом значении слова *бугурт* ответило 248 человек, среди которых явно преобладают мужчины: в опросе приняло участие 223 мужчины и 16 женщин. Отметим, что вся информация об авторах комментариев была найдена на их личных страницах на сайте «ВКонтакте», и вследствие этого допустимы некоторые неточности, связанные с тем, что не все пользователи Интернета указывают в профиле достоверную информацию о себе.

На рис. 1 приведены данные о возрасте отвечающих, эта информация была доступна только для 82 информантов из всех прокомментировавших наш пост.

Рис. 1. Данные о возрасте информантов

Как можно заключить по данным диаграммы 1, наиболее часто на наш вопрос о лексическом значении слова *бугурт* отвечали 17-летние информанты. Интересно, что по данным этой диаграммы можно судить также о возрастном пороге целевой аудитории данного интернет-сообщества, о появлении и угасании интереса к этому роду интернет-творчества и о других феноменах, изучаемых такими областями науки, как психология поведения в Интернете и коммуникативная психология.

География родных городов и стран информантов достаточно широка. Наиболее представленными оказались Москва (17 информантов), Санкт-Петербург (13), Киев (10), а также Казань, Нижний Новгород и Петропавловск-Камчатский (по 4 информанта из каждого города).

Одним из перспективных аспектов анализа является исследование специфики более успешных комментариев, для которых критерием успешности является число так называемых *лайков*, т. е. положительных реакций пользователей на комментарий, одобрение комментария, выражение согласия. Многие из высоко оцененных другими пользователями комментариев затрагивают важную проблему при составлении любого системного лексикографического описания – логику и формат отсылок значения одного слова к другому, т. е. металексикографический инструментарий. Испытуемые иронизировали при составлении своих определений значения слова *бугурт* над некоторыми специфическими чертами словарей, например:

- *Бугурт – результат от действия «бугуртить»;*
Бугуртить – производить бугурт [м, Трехгорный];
- *Бугурт – производный продукт от бугурта;*
Бугуртить – испытывать бугурт. [м];
- *Бугурт – см. Сепульки;*
Сепульки – см. Бугурт [м, 23, Кривой Рог].

Среди значимых определений слова *бугурт*, которые давали испытуемые, можно выделить пять основных.

1. Определение, различными способами описывающее физиологическое состояние человека, имеющее тесную связь с этимологией (англ. *butthurt*).

Группа определений *бугурта* как физического состояния человека – самая частотная в нашем материале. Под физиологическим состоянием понимаются неприятные ощущения в определенной части тела человека, которыми сопровождается негативное эмоциональное состояние. Это определение связано также с семой горения, что является метафорическим описанием такого уровня злости человека, при котором он чувствует ее физически, например:

- *Бугурт – это когда ты улетаешь в закат/рассвет, а он (Ванечка) ехидно смеется [м];*
- *Взрыв атомного реактора в зоне 5 точки [ж];*
- *Бугурт – жжение в области ниже поясицы, вызванное каким-либо событием, фактом, человеком и т. п. [м];*
- *Вырывающийся поток пламени меж твоих булок, сжигающий все на своем пути, после какого-то события, произошедшего с тобой [м, Москва];*
- *Выделение твоим анусом бесконечной энергии с не поддающейся подсчетам температурой [м, 20, Хабаровск].*

Безусловно, как видно по приведенным примерам, описываемое информантами физиологическое состояние представляет собой метафорический перенос, заключающийся в трансформации испытываемого эмоционального состояния в физиологическое. Более того, большое количество ответов информантов, которые выделяют именно это значение как основное, может быть вызвано тем, что в Интернете отсутствует четкое определение *бугурта*, и продвинутые пользователи легко усматривают в русской графике англоязычный источник заимствования и трактуют слово довольно прямо, в соответствии с его этимологией. В связи с этими факторами, несмотря на то, что данное значение выделяется наибольшим количеством информантов, при составлении подобия словарной статьи на слово *бугурт* мы его не учитывали.

2. Определение, различными способами описывающее эмоциональное состояние человека.

Эмоциональное состояние человека, испытывающего *бугурт*, можно описать как сложный комплекс негативных эмоций, сопровождающих разочарование в ситуации, в которую попадает субъект, или в собственной линии поведения в этой ситуации. Испытуемые приводили такие описания этого состояния:

– Возмущение:

- *Самое простое – возмущение, возмущаться* [м, 23];
- *Крайняя степень возмущения в совмещении с когнитивным диссонансом* [м, 23, Москва].

– Диссонанс ощущения и реальности:

- *Бугуртнуть – испытывать когнитивный диссонанс* [м, 17, Хабаровск];
- *Бугурт – чувство когнитивного диссонанса между твоим мировоззрением и реальной ситуаций, в которой ты ничего не можешь изменить, но в которой вынужден находиться* [м, 14, Самара].

– Жалоба:

- *В данных реалиях бугурт – это сопли маленькой обиженки, который ничего из себя в социуме не представляет* [м, Курган].

– Злость:

- *Бугурт – это когда у тебя очень большая злость. Настолько большая, что это сильнее бешенства и ярости вместе взятые. Еще это может быть негодованием и возмущением* [м, Купянск];

• *Это когда ты устраиваешь апокалипсис в своих нервных клетках из за невозможности разумно и хладнокровно отнестись к ситуации, которая жутко приелась* [м, 20].

– Негодование:

- *Бугурт – это острое негодование* [м, 17, Ижевск].

– Недовольство:

- *Выражение крайнего недовольства, сопровождающееся множеством эмоций.* [м, Санкт-Петербург].

– **Фрустрация, разочарование:**

• *Бугурт – глубокая фрустрация, сопровождаемая особо бурным проявлением ненависти и отчаяния [м, 21, Оренбург].*

– **Ярость:**

• *Это ощущение ярости беспомощного человека [м].*

Как можно заключить, слово *бугурт* описывает достаточно широкий спектр отрицательных эмоций и чувств. Таким образом, основное значение, выделяемое для данной группы определений, заключается в переживании человеком любых ярких негативных эмоций в связи с его острой реакцией на события окружающего мира:

• *Ярость, обида, негодование, злость и безысходность в одной упаковке [м, Нефтеюганск];*

• *Это чувство невозможности выдержать всё несовершенство этого мира [м, Иркутск];*

• *Это любые негативные эмоции в особо яркой форме проявления [м];*

• *Бугурт есть невероятное по силе ощущение, сложенное из огромного кол-ва отрицательных эмоций, переполняющих человека; может различаться по интенсивности и направленности [м, 17, Уссурийск];*

• *Бугурт – это невероятно мощный наплыв эмоций, сопровождающийся желанием сжечь напалмом/казнить, нельзя помиловать/прочим желанием навредить оппоненту, сотворившему это чувство, параллельно осознавая невозможность сделать это. Вкратце: Бугурт = боль от несправедливости [м, 25].*

3. Определение *бугурта* как письменного нарратива, построенного по определенным правилам.

Язык Интернета имеет письменную форму, однако по многим своим характеристикам, безусловно, приближен к устной речи. Поскольку описание эмоционального состояния, которое автор публикует в Интернете, принимает письменную форму, то одной из возможных дефиниций слова *бугурт* становится определение его как письменного нарратива, например:

• *Бугурт – смешнявка капсом через собачек*

Во всяком случае на БТ («Бугурт-треде». – К. З.) так последние несколько лет [м, 16];

• *Истории про чьи-то неудачи, действия разделяются @ [м, Сибай];*

• *Бугурт – небольшая история, в которой действия разделяются знаком @ [м, Казань];*

• *Бугурт – это смешнявка [м].*

От остальных кратких иронических нарративных форм (байка, анекдот и др.) *бугурт* отличает, во-первых, наличие сюжетного пуанта, такого как демонстрация разочарования субъекта в чем-либо или пиковое повествование о жизненной неудаче самого автора, а во-вторых, особая формальная организация, в которой каждый следующий повествовательный шаг отделяется от предыдущего на письме знаком «@». Сближает же бу-

гурт с другими краткими формами повествования обязательная сюжетность рассказываемой истории, а также преимущественный иронический характер повествования. Помимо этого, пользователи Интернета отмечают повышенную, а иногда излишнюю экспрессивность повествования в *бугурте*, ср. такое определение:

- *Констатация случаев для определённых личностей, с утрированной, в некоторых местах, передачей мысли [м].*

4. Определение *бугурта* как рыцарского турнира (историческое).

Данное определение достаточно широко представлено в пользовательских комментариях, возможно, в силу того, что первая ссылка на запрос «бугурт» в поисковике Google ведет к статье в «Википедии» о *бугурте* как средневековом рыцарском турнире. Стремясь продемонстрировать широту своих знаний, многие испытуемые давали *бугурту* именно такую дефиницию, которая шла вразрез с самим форматом сообщества, публикующего *бугурты*, т. е. истории о неудачах. Это слово является омонимом того, которое стало объектом нашего исследования, так как имеет иное происхождение, заимствовано в русский язык раньше по времени. Однако и по поводу этого слова можно сделать одно интересное замечание: все ответы испытуемых, где фиксировалось данное значение, распадаются на две группы. Для представителей первой группы *бугурт* является историзмом и обозначает реальное средневековое явление, ср.:

- *Бугурт – это когда две толпы бронированных рыцарей лупят друг друга мечами кистенями и моргенштернами. Веселуха) и это не шутки [м, 24, Минск];*

- *Бугурт-рыцарское сражение стенка на стенку [м, 17, Ульяновск].*

Для вторых *бугурт* представляется одним из типов воссоздания средневекового сражения в наше время, и это слово часто используется в среде так называемых реконструкторов (тех, кто увлекается историей и участвует в костюмированных мероприятиях, воссоздающих то или иное историческое событие):

- *Никто уже и не помнит, что изначально «бугурт» это игра-воссоздание средневековых сражений?? [м];*

- *Бугурт-массовое постановочное сражение! [м, 16, Москва].*

5. Контаминация нескольких видов определений.

Наконец, иногда при определении слова *бугурт* пользователи объединяли несколько сфер значения данного слова и приводили определения-контаминации. Так, испытуемым было важно подчеркнуть такие аспекты негативного состояния, как эмоциональный и физиологический:

- *Бугурт – это бесконечное выделение энергии, связанное с тем, что этот мир идеален. [м];*

- *Бугурт – явление, при котором поступаемая в мозг информация вызывает резкий переизбыток негативной энергии, часть из которой уходит в окружающее пространство в виде звука или движения, а часть пре-*

вращается в тепло, обычно аккумулирующееся в ягодичных мышцах и вырывающееся через них наружу при переизбытке [м, 17, Барнаул].

Могли объединяться в одном определении пользователей семы негативного физиологического состояния и нарратива:

- *Сопровождать особую анальную боль долгим, содержательным рассказом* [м, Саратов].

Столь же распространенным в нашем материале стало и описание *бугурта* как нарратива, повествующего об особом отрицательном эмоциональном состоянии:

- *Бугурт – способ раскрытия своих проблем, завуалированных под некие истории со своим жаргоном и иногда сильно преувеличенны* [м, Электросталь].

Многим авторам комментариев было важно показать знание определения не только сленгового слова *бугурт*, но и историзма *бугурт*, например:

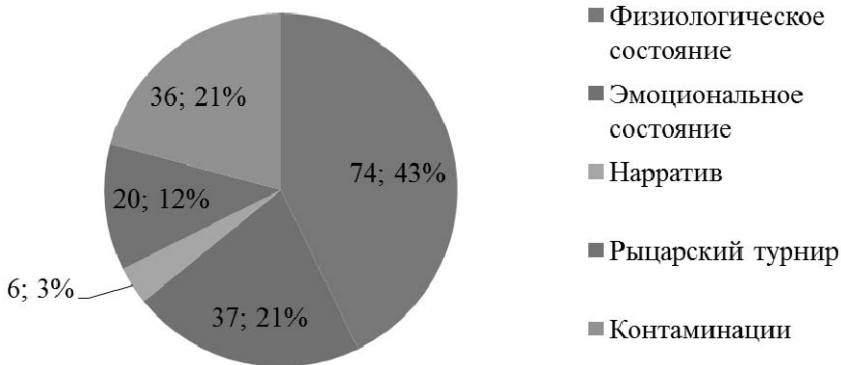
- *Бугурт – негодование. Бугуртить – негодовать. А так да, это когда толпа в доспехах алебардами и прочими острыми и опасными железяками бьет другую такую же толпу* [м, 21, Москва].

Частотным среди других типов определений оказалось и объединение в одной дефиниции семантики физиологического и эмоционального состояния, выраженного через рассказ:

- *бугурт-выделение всей злости в строчках через @;*
- *бугуртить-выделять всю злость через огонь из 5 точки* [м, Рязань];
- *Бугурт – попытка изложить в краткой форме большими буквами почему у тебя загорелся ану... испортилось настроение* [м, Алматы];
- *Бугурт – это высказывание сформулированное во время всплеска негативных эмоций, сопровождающееся взрывом* [м].

На рис. 2 показано соотношение тех или иных типов определения лексемы *бугурт*; наиболее широко *бугурт* определяется пользователями Интернета как физиологическое состояние, метафорически описывающее состояние эмоциональное, поэтому, как уже было отмечено, для нас приоритетным при составлении лексикографического описания было именно второе (описывающее эмоции и чувства) значение.

Для такого вида лексикографической деятельности, как языковая саморефлексия носителей языка (жаргона, сленга), характерно то, что она (саморефлексия) может принимать различные формы. Для нашего материала актуальны как минимум три основные формы, в которых информантами давались определения слова *бугурт*. Это **простая форма** определения, строящаяся по модели *бугурт – это Y*, **метафорическая форма** определения, чаще всего строящаяся по модели «общее – частное», т. е. трактовка явления с помощью приведения примера (*бугурт – это когда ...*), и **псевдонаучная форма** определения, в которой лексический состав, синтаксический строй и стилистическая окраска лексем или синтаксем работают на стилизацию научного языка (гуманитарного или технического).

Рис. 2. Соотношение различных типов определения лексемы «бузурт»

Определение слова *бузурт* в **простой форме** не включает маркированную (окрашенную) лексику, обладает нейтральным порядком слов, простым синтаксисом, например:

- *Бузурт-неспособность выдержать что-то. Выражается в ярости, агрессии* [м, 24];

- *Бузурт-высказывание негативных эмоций для собственной свободы. Бузуртить-выбрасывать негативные эмоции наружу* [м, 24, Петропавловск-Камчатский];

- *Крайнее недовольство сложившейся ситуацией* [м, 21, Набережные Челны];

- *Злоба по разным причинам* [м, 16, Киев].

Метафорическая форма определения слова *бузурт* чаще всего имеет корреляцию с семантикой определения, т. е. осуществляет метафорический перенос эмоционального состояния человека на физиологическое:

- *Бузурт – это величественные языки пламени и потоки раскалённой магмы, вырывающиеся из десятого кольца ада, которое охраняет демон Подливиус* [м].

Однако, наряду с вышеуказанным метафорическим переносом, данная форма сопровождает определение, которое строится по модели «общее-частное», где абстрактное слово трактуется с помощью конкретного примера:

- *Бузурт – это когда полчаса стоишь на коленях перед девушкой своей мечты, с огромным букетом роз, изливаешь ей душу, предлагаешь беззаботное и счастливое будущее, а тебя цинично посылают в недалекое путешествие, и отправляются встречаться с сс***м быдларем, у которого из интересов лишь заниженные тазы и Витя АК* [м, Тюмень].

Одной из интереснейших форм, которую принимали определения испытуемых, является **псевдонаучная форма**, отсылающая к научному стилю речи, однако пародирующая его основные черты, такие как нали-

чие затрудненного синтаксиса, употребление отглагольных существительных, обилие формул и терминов, производных предлогов и др.:

- *Бугурт* – проявление негативных эмоций, сопровождающийся взрывами и большим выделением тепла, газа и других продуктов горения [м];

- *Бугурт* (кит. 貝格特, англ. Bigurt) – яркая форма негодования, относительно сложившейся ситуации, вольна сопровождаться возгорающимися анусами, спаленными креслами, резкими и ничем на данный момент необоснованными «отлетами» на орбиту. [м, Ставрополь];

- *Бугурт-доведение субъекта до когнитивного диссонанса, в результате чего возникает цепная реакция, итогом которого является химический экзотермический процесс, в народе зовущейся самовоспламенением. Энергия этого процесса примерно равна мощи энергии выделяемой при столкновении изотопов Гелия в большом адронном коллайдере* [м, Челябинск];

- *потеря контроля над собственными эмоциями и действиями вследствие глубочайшего разочарования* [м, 24, Смоленск].

Удивительным примером, демонстрирующим фантазию и стремление пользователей Интернета к различным формам научного знания, пусть и неидеально ими усваивающимся, является следующий образец стилизации церковнославянского языка при попытке определения лексического значения слова *бугурт*:

- *Бугуртъ есмь писанное повествованіе, Азом разделямо о житие неудавшиесе, о проблемах насущных съ ОТЦОМЪ и его Арахнидомъ Аркадиемъ, при рождене Ковчег, с МАТЕРИЮ, ДРАЖАЙШЕЙ РОДСЪВЕННИЦЕЙ ПО КРОВИ МАТЕРИ, ДОЧЕРИ ОТЦА ЕЕ Й**ОЙ И МАЛОЛЕТНЕМЪ ОТРОКЕ ЕЕ ІВАНЕ. Есмь повествованіе окончившее полетом, Ангеламъ Божім уподобивши, с Божіей помощью но не без Лукавого огня пламенного Преисподнего из седалища Писца есмь* [м, Днепр].

На рис. 3 приведены данные о частотности той или иной формы, которую принимают определения информантов.

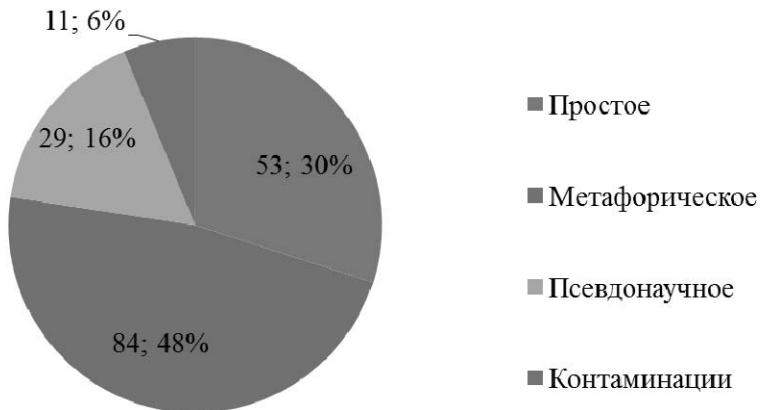

Рис. 3. Соотношение различных форм определения слова «бугурт»

Хочется сделать также несколько замечаний об интересных явлениях, встретившихся в ходе анализа материала. Так, был выделен словообразовательный дериват от слова *бугурт* – *бугуртёнышь*, пользователь, состоящий в сообществе «Бугурт-тред», в котором проводился эксперимент. Несколько испытуемых указывали также на ассоциативные связи исследуемой лексемы со словом *йогурт*, видимо, на основании другого варианта постановки ударения, которое в свое время активно обсуждалось в Интернете:

- *Всегда думал что «бугурт», как то связан с йогуртом [м];*
- *У меня возникают ассоциации с йогуртом [м];*
- *Бугурт, звучит как йогурт [м, Москва].*

На основании данных, полученных в ходе эксперимента, можно предложить следующую словарную статью для лексемы *бугурт*, которую необходимо поместить в один из электронных словарей молодежного сленга:

БУГУРТ, -А.

от англ. *butthurt*. Молод. Жарг.

1. Душевное состояние, при котором человек испытывает негативные эмоции (гнев, ярость, раздражение и т. д.). *Испытывать бугурт.*

2. Текст, написанный человеком, испытывающим негативные эмоции, в котором каждое предложение (группа предложений), отражающее следующий повествовательный шаг, отделяется новым абзацем и знаком @. *Вчера прочитал прикольный бугурт в паблице.*

В заключение можно сделать вывод, что такое огромное количество ответов (260) пользователей Интернета на заданный вопрос о лексическом значении слова *бугурт* говорит о пристальном внимании носителей языка к своей речи, в частности, к ее словарному составу, о высоком уровне языковой саморефлексии говорящих.

В Интернете недостаточно информации о лексическом значении слова *бугурт*, поэтому многие ответы испытуемых отражали лишь этимологически близкое значение (физиологического состояния), оставляя без внимания произошедший метафорический перенос.

Носители языка по-разному оценивают семантику слова *бугурт*, но можно выделить, как минимум, четыре возможных семы: сема передачи негативной эмоции, сема неприятного физиологического ощущения (этимологически восходящая к значению англ. *butthurt*), сема письменного текста и сема рыцарского сражения.

Из данных, полученных с помощью проведенного эксперимента, можно заключить, что слово *бугурт* имеет следующие лексические значения: негативное эмоциональное состояние и письменный текст, отражающий его.

Корреляции между типом даваемого испытуемым словарного описания и его социальными характеристиками обнаружено не было, также в силу однородности выборки (подростки и молодежь).

Материал данного исследования может послужить хорошей основой для работ по психологии поведения в Интернет-пространстве, по коммуникативной психологии, социолингвистике и другим наукам.

Список литературы

1. *Иссерс О.С.* Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени. Омск: Ом. гос. ун-т, 2012. 276 с.
2. *Крысин Л.П.* Инструкция по разработке «Толкового словаря русской разговорной речи» // Толковый словарь русской разговорной речи: проспект. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2010. С. 16–40.
3. *Лукашанец Е.Г.* Интернет и язык: народная лексикография // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 378–381.
4. *Осьмак Н.А.* Лексические единицы повседневной разговорной речи: пути лексикографического описания их функционирования: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 135 с.
5. *Плунгян В.А.* Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик, 2005. С. 6–20.

Источники

1. Бугурт-тред // ВКонтакте. URL: http://vk.com/bugurt_thread.
2. Луркоморье. URL: <https://lurkmore.to>.
3. Словарь молодежного слэнга. URL: <http://teenslang.su>.

References

1. Issers, O.S. (2012), *Lyudi govoryat... Diskursivnye praktiki nashego vremeni* [People talk... Nowadays Discursive Practices], Omsk, OmGU publ., 276 p.
2. Krysin, L.P. (2010), The Guidelines to Work up the “Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech”. *Explanatory dictionary of Russian colloquial speech*, prospectus, Moscow, Institute of Russian language n.a. V.V. Vinogradov RAS publ., pp. 16-40. (in Russian).
3. Lukashanets, E.G. (2011), The Internet and the language: popular lexicography. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, No. 6 (2), pp. 378-381. (in Russian).
4. Os'mak, N.A. (2010), *Leksicheskie edinitsy povsednevnoi razgovornoj rechi: puti leksikograficheskogo opisaniya ikh funktsionirovaniya* [Lexical units of everyday colloquial speech: ways of lexicographical description of its functioning], Dissertation, St. Petersburg, 135 p.
5. Plungyan, V.A. (2005), *Zachem nuzhen Natsional'nyi korpus russkogo yazyka? Neformal'noe vvedenie* [Why do We Need the Russian National Corpus? Informal introduction]. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2003-2005* [The Russian National Corpus: 2003-2005], Moscow, Indrik publ., pp. 6-20.

Sources

1. Bugurt thread. *Vkontakte*, available at: http://vk.com/bugurt_thread (in Russian).
2. *Lurkmore*, available at: <https://lurkmore.to> (in Russian).
3. *Dictionary of teen slang*, available at: <http://teenslang.su> (in Russian).

K.D. Zaides
Saint Petersburg, Russia

**ON ONE NEW WORD
IN RUSSIAN INTERNET COMMUNICATION:
A LEXICOGRAPHICAL ESSAY**

The article concentrates on different lexical meanings of the word *bugurt*, which is one of the most interesting lexemes in the modern Internet slang. Speaker's comments on lexical meaning of this word, that is a speaker's language reflexion, were used as a material for the investigation. In general, Internet users mentioned in their answers four types of definitions: the description of physiological human state, the description of emotional human condition, the narrative and the medieval knight's battle, as well as contaminations of these types. These definitions are categorized by form into simple, metaphorical and pseudo-scientific. Final lexicographical essay was based on statistics of types of definitions and lexical and semantic analysis. Thus, linguistic experiment seems, as we suppose, sufficiently productive method in case of investigation of a meaning and functioning of slang and jargon expressions; this method usually opens an unknown semantic potential of a word and also a high degree of speaker's interest in the structure of the language and language forms.

Key words: Internet slang, Internet communication, speech lexicography, native speaker's reflexion, teen slang, loanwords, expressive forms.

Сведения об авторе:

Зайдес Кристина Денисовна,
бакалавр
Санкт-Петербургский государствен-
ный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11
E-mail: Zaidi94@mail.ru

About the author:

Zaides Kristina Denisovna,
bachelor
Saint Petersburg State University
11 Universitetskaya nab., Saint Peters-
burg, 199034, Russia
E-mail: Zaidi94@mail.ru

Дата поступления статьи 14.06.2016

Для цитирования: Зайдес К.Д. Об одном новом слове русскоязычной интернет-коммуникации: опыт лексикографического описания // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 93–107.

For citation: Zaides, K.D. (2016), On one new word in Russian Internet communication: a lexicographical essay. *Communication Studies*, No. 2 (8), pp. 93-107. (in Russian).

УДК 81-139

Н.К. Радина
Нижегород, Россия

ТЕКСТ И ГИПЕРТЕКСТ: ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КОММЕНТАРИЕВ К ПОЛИТИЧЕСКИМ НОВОСТЯМ)*

Проблема понимания текста рассматривается на новом материале поликодового, «многоэтажного» и «подвижного» гипертекста, существующего в виртуальной интернет-коммуникации. Обсуждается возможность использования для изучения понимания гипертекста классических методик изучения понимания текста (методика «встречного текста»: перевод, оценка, перефразирование, ориентировка, мнение, предположение, генерализация, констатация, вывод, инфикация, ассоциация, интертекст, свободный ответ, прогноз, визуализация). Рассматриваются примеры использования методики «встречного текста» для анализа интернет-комментариев политических новостей на интернет-ресурсе ИноСМИ.ru. Доказывается, что интернет-комментарии – типичный гипертекст. Подчеркивается необходимость моделирования комментариев на основе нескольких параметров (содержания, референциальных объектов), а также на основе постоянной изменчивости содержания и референциальных объектов интернет-комментариев.

Ключевые слова: понимание, встречный текст (контртекст), гипертекст.

Современная коммуникация приросла новым виртуальным компьютерным полем для осуществления взаимодействия, усложнив как исследовательские задачи в русле коммуникативистики, так и сами формы социального взаимодействия. Лингвисты определяют виртуальный дискурс как текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной компьютерной реальности, которая, с одной стороны, обладает основными свойствами виртуальной реальности (порожденность, актуальность, автономность, интерактивность, погруженность), с другой – является видом символической реальности, созданной на основе компьютерной и некомпьютерной техники и реализующей принцип обратной связи [Лутовинова 2009].

Тексты виртуального компьютерного дискурса неоднородны, гетерогенны, обладают поликодовостью [Сергеенко 2011]. Текст в мультимедийной интернет-среде – особая семиотико-лингвистическая вариация массмедийного текста, реализуемая в виде гипертекста, что, однако, не

© Н.К. Радина, 2016

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00184 А «Разработка и исследование моделей online-дискуссии на материале обсуждения политических новостей».

мешает ряду исследователей гипертекст трактовать как традиционный с лингвистической и филологической точек зрения [Ильина 2009].

Термин «гипертекст», предложенный программистом и философом Т. Нельсоном, представляет такую форму текста/письма, которое ветвится или осуществляется по запросу, т. е. всегда больше, чем классический текст [Зефирова, Челноков 2000], а именно текст, разрушающий текстовую линейность [Дедова 2008]. Нелинейный характер текста обеспечивается гиперссылками, следовательно, гиперссылки – дифференцирующий признак гипертекста, организующий его структуру и обеспечивающий функциональность [Современный медиатекст].

Для виртуального дискурса в исследованиях определены прецедентные тексты смеховых жанров (пародии, байки, анекдоты), прецедентные высказывания (паремии, крылатые выражения). В качестве жанров виртуального дискурса называют дискурсообразующие жанры (на основе структуры и композиции его текста: электронное письмо, чат, форум, мгновенные сообщения, блог, представляющий собой дневник или новостную ленту с возможностью комментирования, гостевая книга, многопользовательская ролевая игра онлайн и смс), а также дискурсоприобретенные жанры (на основе интенционального разнообразия его высказываний: флейм, сетевой флирт, виртуальный роман, флуд, послание, креатифф и спам) [Лутовинова 2009].

Очевидно, что подобный мультимедийный и «многоэтажный» текст с постоянным движением / изменением текста вслед за интенциями читателя требует особой компетентности при прочтении и понимании, а рефлексия своеобразия понимания гипертекстов требует как эмпирических исследований, так и предварительных обсуждений относительно теоретических и инструментальных возможностей изучения понимания даже не столько сложных, сколько запутанных поликодовых гипертекстов в Интернете.

Изучение понимания текста в российской психолингвистике особенно активно продвигается в логике «встречного текста» или «контртекста» (Н.И. Жинкин, А.И. Новиков и др.), который основывается на пресуппозициях субъекта понимания (предварительных знаний, опыта и т. д.). По определению А.И. Новикова, «контртекст – это все то, что возникает в Вашем сознании как результат понимания очередного предложения. Он включает в себя не только то, что прямо сказано, а и то, что подразумевается, дано в неявной форме, опосредованно, в том числе различного рода ассоциации» [Новиков 2003: 65].

И.В. Одинцова перечисляет понятия в психолингвистике, сопровождающие и «отягощающие» понимание, включая в эту цепь пресуппозиции (Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, Л.В. Лисоченко), импликация (И.Р. Гальперин), вертикальный контекст (О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет), фоновые знания (А.Д. Швейцер), семантическое осложнение (И.В. Арнольд), семантический эллипс (И.Г. Торсуева), подтекст (В.Е. Хализев, М.Н. Кожина) [Одинцова 2015]. То есть проекция текста в сознание вбирает в себя то, что субъект понимания «достраивает» сам.

За время изучения понимания были построены модели понимания текстов следующих типов: научно-популярного, научного и библейского [Пешкова 2013]. Однако эти модели – достаточно простые, определяющие ядерные реакции (наиболее частотные, составляющие более пятидесяти процентов от общего числа всех реакций «встречного текста») и периферийные, а также содержательные и релятивные (участвующие в создании эмоционально-аксиологического поля, определенных интенций и установок) компоненты в модели.

К современным достижениям моделирования процесса понимания на основе методики «встречного текста» следует отнести дополнения к основному списку видов / типов «встречных текстов» (перевод, оценка, перефразирование, ориентировка, мнение, предположение, генерализация, констатация, вывод, инфиксация, ассоциация, интертекст, свободный ответ, прогноз, визуализация) [Новиков 2003]. Кроме того, Н.П. Пешкова, обобщая ряд экспериментальных исследований, рекомендует использовать при анализе понимания научно-популярного текста дополнительно такой вид реакции («встречного текста»), как «компликативная», включающая в себя несколько видов реакций, и «замещение смысла» («подгонки смысла»), а при анализе понимания библейского текста – «отсутствие знаний по проблеме», сопровождаемый самокритикой [Пешкова 2013].

В ядро художественного текста, согласно исследованиям о контексте, входят такие реакции, как «перевод», «оценка», «перефразирование», «ориентировка», «мнение», «предположение», «генерализация» [Новиков 2003]. В ядро научного текста – «мнение», «оценка», «ориентировка», «аргументация», «вывод», «предположение», «констатация» [Новиков 2003]. В стратегиях понимания научно-популярного текста доминируют «ассоциация», «оценка», «мнение» и «ориентировка» [Анохина 2010; Кирсанова 2007]. В ядро библейского текста – «оценка», «мнение», «свободный ответ» [Давлетова 2012].

В то же время сопоставительный анализ результатов многих исследований, посвященных анализу понимания текстов, по мнению Н.П. Пешковой, позволяет заключить, что оценка является единственной реакцией, которая не уходит из ядра при восприятии любого типа текста, занимая, как правило, второе место по частотности и утверждая универсальность оценочного механизма в системе когнитивных схем понимания и осмысления текстовой информации при восприятии любого типа сообщений – от научного до художественного [Пешкова 2013].

Еще одно достижение моделирования процесса понимания на основе методики «встречного текста» – дискуссии о столкновении «содержательных» и «смысловых» (релятивных) реакций в процессе понимания текстов разных видов, типов, жанров [Кирсанова 2007]. По мнению исследователей, научно-популярные тексты понимаются преимущественно с точки зрения содержания, а библейские – с точки зрения смысла.

Кроме того, при описании моделей понимания текстов различных типов никак не характеризуются индивидуальные различия и индивидуальная вариативность реакций. Различия между контртекстами в психолингвистике определяют в терминах «смысловой скважности» (Н.И. Жинкин), «смыслового разрыва» (С.А. Шаповал), «смысловых ножиц» (Т.М. Дридзе), лакун (Ю.А. Сорокин, Н.Ю. Марковкина) [Одинцова 2015], но они также могут быть определены в контексте используемых субъектом понимания (в процессе понимания) структур трансцендентального сознания или структур коммуникации.

В психологических исследованиях коммуникации отмечают, что если информацию о явлениях (тексты о явлениях), непосредственно данных в ощущениях, человек способен осмыслять с опорой на собственный опыт, то информацию о явлениях (тексты о явлениях), недоступных эмпирической проверке, субъект понимания осмысляет исключительно в формате обращения к структурам коммуникации [Worchel, Cooper, Goethals, Olson 2000]. И тогда особенности и вид встречного текста / контртекста зависит от «сильных фреймов» – базовых, фундаментальных фреймов коммуникации, разделяемых всеми участниками взаимодействия [Одинцова 2015].

На первый взгляд, клиширование содержания и формы коммуникации (упрощение и унификация) помогает избежать смысловой скважности, разрыва, лакун в понимании. Однако использование коммуникативных штампов «на входе» обуславливает смысловую скважность в кодировании информации (форма передачи информации не отражает уникальное содержание, пресуппозиции оказываются невидимыми), при декодировании дорефлективная пресуппозиция, напротив, особенно востребована и помогает «присвоить» коммуникативные штампы, наделив их индивидуальным значением. Следовательно, в сетевой интернет-коммуникации смысловая скважность умножается.

Что же касается исследований понимания текстовых продуктов сетевой коммуникации – электронных писем, содержания чатов и форумов, блогов с возможностью комментирования, гостевых книг и т. д., – особый интерес представляют именно комментарии, которые во многом отражают ключевой принцип функционирования метода «встречного текста» А.И. Новикова, а именно содержат первые, порой неосознанные, реакции на «стимульный текст». Следовательно, интернет-комментарии, например, сопровождающие новостной или аналитический текст, в форме гипертекста последовательно представляют процесс понимания исходного текста в контексте виртуальной компьютерной коммуникации.

Возникает вопрос: ведет ли схожесть при порождении комментариев и экспериментальных контртекстов (первые реакции на прочитанный текст) к использованию методики «встречного текста» для анализа собственно комментариев, а также процесса комментирования в Сети? Насколько непосредственно метод «встречного текста» в существующем

формате (включая идентифицированные и описанные в исследованиях виды встречных текстов как единиц моделирования понимания) релевантен сетевым комментариям?

Особенность сетевых комментариев в том, что это – действительно гипертекст. Гипертекст комментариев не следует логике сохранения основного содержания, инициирующей дискуссию, комментарии оказываются «встречными текстами» как для ключевого текста, так и для других комментариев, а также для «третьих текстов», которые без каких-либо объективных причин оказываются в центре дискуссии.

Рассмотрим пример гипертекста интернет-комментариев к опубликованным политическим новостям с использованием аналитических инструментов методики «встречный текст». В качестве материала для анализа используем статьи на портале ИноСМИ.ру.

Аннотация статьи-стимула (1): *На удивление легко найти огромное количество данных о существующих в России тенденциях. В целом произошло улучшение по многим показателям. По сравнению с недалеким прошлым россияне стали дольше жить, меньше пить, больше зарабатывать, чаще работать, рожать больше детей и реже себя убивать (Десять графиков...).*

Текст статьи «10 графиков, помогающих понять Россию» вызвал следующие комментарии¹:

- *Спасибо всепобеждающей силе и мудрости нашего национального лидера. Если бы не он, то сейчас бы по помойкам бы все лазили и жили бы без электричества* / «перевод» / ирония (основной текст).

- *походу такая тенденция только в Москве и Питере* / «инфиксация» (основной текст).

- *за МКАДом жизни нет))* / «перифразирование» (предыдущая реплика).

- *боюсь спросить в каком месте вы живете, если статистика с 96 года не изменилась у вас* / «ориентировка» (предыдущая реплика).

- *да не говорите)) разруха, кризис и смерть* / «вывод» / ирония (предыдущая реплика).

- *сейчас на балалайке доиграю, и пойду последнего ежа доедать, запивая наваристой гречихой* / «перифразирование» / ирония (предыдущая реплика).

- *Жить стало легче, жить стало веселей! И. В. Сталин.:*) / «Интертекст» / ирония (основной текст).

- *а вообще отличная статья – с графиками, в Forbes- как раз в морду госдеповским троллеботам тыкать* / «оценка» (основной текст).

- *не глядя могу сказать, что это Марк Адоманис. лучик адекватности в беспросветной тьме западных СМИ* / «мнение» (основной текст).

Формально, виды контртекста, идентифицированные и описанные ранее, могут быть использованы для кодирования процесса понимания

¹ Во всех случаях сохранены авторская орфография и пунктуация.

текста-стимула, однако даже такой короткий отрезок комментариев показывает (на ресурсе ИноСМИ.ru, как правило, продолжительные цепочки дискуссий-комментариев), что невозможность учитывать референциальные объекты в комментировании искажает картину понимания исходного текста, поскольку комментарии касаются то основного текста, то других комментариев к стимульному тексту.

Другое очевидное ограничение – игнорирование юмора и сарказма в классических видах контртекстов. Комментарии-контртексты достаточно часто содержат иронический и саркастический компоненты, что позволяет читателю-дискутанту продемонстрировать «скважность» между содержанием фразы и отношением к интерпретируемому событию / явлению. Кроме того, погруженность виртуального дискурса в контекст общения требует учета интенциональности в порождении гипертекста, включая комментарии, поэтому гипертекст комментариев имеет смысл анализировать, используя не один, а несколько аналитических инструментов.

Аннотация статьи-стимула (2): *Маленькая Литва стала самым резким критиком России: когда другие высказываются очень сдержанно, она реагирует на действия России с неприкрытым раздражением и гневом, пишет Wall Street Journal. И дело не только в риторике. Литва предоставляет оружие Украине даже несмотря на то, что чиновники Евросоюза высказываются против этого* (Литва требует жестких мер против России).

Текст статьи «Литва требует жестких мер против России» вызвал следующие комментарии:

- *Окей, запомнили* / «свободный ответ» (основной текст).
- *Литва может вдруг закончить как Литвиненко...* / «прогноз» / угроза (основной текст).
- *Россия попутала вконец* / «перефразирование» (основной текст).
- *Такое ощущение, что управляющие этой маленькой слабой бедной страны живет лишь ненавистью к России и русским. Глупцы! Они не понимают, что ненависть – это путь саморазрушения. Мир спасет любовь...* / «перефразирование» / «оценка» (основной текст).
- *... аминь* / «генерализация» (предыдущая реплика).
- *Моська видимо сильна, раз лает на слона* / «интертекст» / сарказм (основной текст).
- *Собака лает, караван идет и Эх моська, знать она сильна, раз лает на слона! ??* / «интертекст» / сарказм (основной текст).
- *О этом не одна басня написана* / «инфиксация» (предыдущая реплика).
- *для некоторых стран русофобия – основной продукт экспорта* / «перефразирование» / «оценка» (основной текст).
- *Вся проблема в том, что молодежь Литвы как правило работает в развитых странах ЕС, сорвать многомиллиардный куш с России за действия Горбачева в Литве (группа Альфа) не удалось, вот и бесимся потихоньку, хотя вроде бы повода нет* / «перефразирование» / (основной текст) и т. д.

Пример с комментариями по поводу статьи о Литве демонстрирует, что понимание, выраженное в контртекст-гипертексте, может оказываться сцепленным не просто с оценкой, а буквально – с агрессией, а также может оказаться сложносконструированным, интегрирующим несколько видов контртекстов.

Представляется, что гипертекст, даже в том случае, если он, как интернет-комментарии к стимульному тексту, по способу создания похож на классический контртекст, необходимо изучать, используя программное обеспечение, позволяющее учитывать и кодировочную систему А.И. Новикова для «встречных текстов», и референциальные объекты, постоянно изменяющиеся в гипертексте, т. е. в принципе – сложность, многоэтажность и подвижность этого нового текста. Моделирование понимания гипертекста на основе программного обеспечения позволит учитывать не только специфику предъявления контртекстов / комментариев, но и интенций, включенных в комментарии, а также логику порождения как комментариев-контртекстов, так и комментариев-интенций.

Список литературы

1. *Анохина Н.В.* ИмPLICITность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания (на материале научно-популярного текста): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010.
2. *Давлетова Я.А.* Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012.
3. *Дедова О.В.* Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. М.: МАКС Пресс, 2008.
4. *Зефирова В.Л., Челноков В.М.* История гипертекста // Виртуальный компьютерный музей. URL: <http://www.computer-museum.ru/histsoft/hypertxt.htm> (дата обращения: 7.03.2016).
5. *Ильина И.А.* Проблемы изучения и восприятия гипертекста в мультимедийной среде Интернет: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
6. *Кирсанова И.В.* Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007.
7. *Лутовинова О.В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Перемена, 2009.
8. *Новиков А.И.* Текст и контртекст: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64–76.
9. *Одинцова И.В.* Пресуппозиции и «смысловые скважины» в текстах для начального этапа обучения // Слово. Грамматика. Речь: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 451–453.
10. *Пешикова Н.П.* Психолингвистическая интерактивная модель понимания текста (на материале текстов различных типов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5 (25). С. 48–54.
11. *Сергеенко А.А.* Создание журналистских текстов в трансформирующейся среде массовой коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
12. Современный медиатекст / отв. ред. Н.А. Кузьмина. Омск, 2011.

13. Worchel S., Cooper J., Goethals G., Olson J. *Social Psychology*. Belmont, CA: Wadsworth Tomson Leaning, 2000.

Источники

1. Десять графиков, позволяющих понять Россию // ИноСМИ.ru. 01.04.2015. URL: <http://inosmi.ru/russia/20150401/227234169.html> (дата обращения: 7.03.2016).

2. Литва требует жестких мер против России // ИноСМИ.ru. 21.03.2015. URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150320/226983472.html> (дата обращения: 7.03.2016).

References

1. Anokhina, N.V. (2010), *Implitsitnost' kak komponent struktury sodержaniya teksta i sostavlyayushchaya protsessov ego ponimaniya (na materiale nauchno-populyarnogo teksta)* [Implicitly as a component of the text content structure and the processes of its understanding (based on the popular science text)], Author's abstract, Ufa.

2. Davletova, Ya.A. (2012), *Psikholingvisticheskoe issledovanie osobennostei ponimaniya bibleiskikh tekstov* [Psycholinguistic research of features of Biblical texts understanding], Author's abstract, Ufa.

3. Dedova, O.V. (2008), *Teoriya giperteksta i gipertekstovye praktiki v Runete* [The theory of hypertext and hypertext practice in the RuNet], Moscow, MAKS Press publ.

4. Zefirova, V.L., Chelnokov, V.M. *Istoriya giperteksta* [The history of hypertext]. *Virtual'nyi komp'yuternyi muzei* [Virtual Computer Museum], available at: <http://www.computer-museum.ru/histsoft/hypertxt.htm> (accessed: March 07, 2016).

5. Il'ina, I.A. (2009), *Problemy izucheniya i vospriyatiya giperteksta v mul'timediiinoi srede Internet* [Problems of learning and perception of hypertext in online multimedia environment], Author's abstract, Moscow.

6. Kirsanova, I.V. (2007), *Mnogoznachnost' semantiki teksta kak realizatsiya individual'nykh strategii ponimaniya* [The polysemy of the text semantics as the implementation of individual strategies of understanding], Author's abstract, Ufa.

7. Lutovinova, O.V. (2009), *Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa* [Linguoculturological characteristics of the virtual discourse], Volgograd, Peremena publ.

8. Novikov, A.I. (2003), The text and the counter-text: two sides of the comprehension process. *Journal of Psycholinguistics*, No. 1, pp. 64-76. (in Russian).

9. Odintsova, I.V. (2015), Presuppozitsii i "smyslovye skvazhiny" v tekstakh dlya nachal'nogo etapa obucheniya [Presuppositions and "notional wells" in the texts for the initial phase of training]. *Slovo. Grammatika. Rech'* [Word. Grammar. Speech], Materials of the 6th International scientific and practical conference, Moscow, MAKS Press publ., pp. 451-453.

10. Peshkova, N.P. (2013), Psycholinguistic interactive model of text comprehension (on the basis of different text-types). *Tomsk State University Journal of Philology*, No. 5 (25), pp. 48-54. (in Russian).

11. Sergeenko, A.A. (2011), *Sozdanie zhurnalistskikh tekstov v transformiruyushcheysya srede massovoi kommunikatsii* [Creation of journalistic texts in the transforming medium of mass communication], Author's abstract, Moscow.

12. (2011), *Sovremenniy mediatekst* [Modern media text], ed. by N.A. Kuzmina, Omsk.

13. Worchel, S., Cooper, J., Goethals, G., Olson, J. (2000), *Social Psychology*, Belmont, CA, Wadsworth Tomson Leaning.

Sources

1. Desyat' grafikov, pozvolyayushchikh ponyat' Rossiyu [Ten charts for understanding Russia], *InoSMI.ru*, 01.04.2015, available at: <http://inosmi.ru/russia/20150401/227234169.html> (accessed: March 07, 2016).
2. Litva trebueta zhestkikh mer protiv Rossii [Lithuania requires tough measures against Russia], *InoSMI.ru*, 21.03.2015, available at: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150320/226983472.html> (accessed: March 07, 2016).

N.K. Radina
Nizhny Novgorod, Russia

**TEXT AND HYPERTEXT: SPECIFICS OF UNDERSTANDING
(ON THE MATERIAL OF POLITICAL NEWS COMMENTS)**

The problem of understanding the text and hypertext is analyzed in the article based on the new material of polycode, “multi-level” and “flexible” hypertext, existing in virtual Internet communication. We discuss the possibility of using classical methods of studying the understanding of the text to explore the understanding of hypertext (the technique of “counter-text”: translation, evaluation, paraphrasing, orientation, opinion, assumption, generalization, statement, conclusion, infixation, association, intertext, free response, prognosis, visualization). The examples of the use of “counter-text” methods for the analysis of the online comments of political news on the Internet site InoSMI.ru are studied. The article proves that the online comments are typical hypertext. The article discusses the need to model comments on the basis of several parameters (content, referential objects), as well as on the basis of constant variability of referential objects and online comments.

Key words: understanding, a counter-text, hypertext.

Сведения об авторах:

Радина Надежда Константиновна, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
603155, Россия, Нижний Новгород,
ул. Б. Печерская, 25/12
E-mail: nradina@hse.ru

About the authors:

Radina Nadezhda Konstantinovna, Professor of the Chair of Applied Linguistics and Intercultural Communication

National Research University Higher School of Economics
25/12 Bolshaya Pechyorskaya ul., Nizhny Novgorod, 603155, Russia
E-mail: nradina@hse.ru

Дата поступления статьи 19.05.2016

Для цитирования: *Радина Н.К.* Текст и гипертекст: особенности понимания (на примере комментариев к политическим новостям) // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 108–116.

For citation: Radina, N.K. (2016), Text and hypertext: specifics of understanding (on the material of political news comments). *Communication Studies*, No. 2 (8), pp. 108–116. (in Russian).

Раздел IV

**АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В ИССЛЕДОВАНИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

Part IV

**ACTUAL DIRECTIONS IN FICTION
AND POETRY TEXTS RESEARCH**

УДК 821.161.1

И.П. Зайцева
Киев, Украина

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ КОММУНИКАТИВИСТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ДЕТЕКТИВНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Предлагается интерпретация детективных произведений популярной современной писательницы Александры Марининой с позиций направления, сформировавшегося на этапе новейшего лингвистического знания: коммуникативной стилистики художественного текста. В центре внимания этого направления – исследование компонентов коммуникативного процесса (своеобразие языковых личностей адресанта и адресата, их коммуникативные намерения; специфика сферы осуществляемого общения; характер коммуникативной ситуации и т. д.) в речевом произведении, где язык воплощён в эстетически осложнённом виде. На примере текстовых фрагментов из последних романов А. Марининой показано, каким образом писательница представляет читателям (а нередко и явно стимулирует читательскую аудиторию к со-размышлению) свой взгляд на моменты, принципиально важные для осуществления успешного коммуникативно-речевого взаимодействия. Приведённый иллюстративный материал подтверждает целесообразность и перспективность применённого для анализа художественных текстов подхода, с помощью которого не только более глубоко и развёрнуто осознаётся коммуникативно-речевая основа художественного дискурса (в том числе и имплицитно присутствующие в литературно-художественном произведении особенности), но и выявляются характерные особенности авторского идиостиля.

Ключевые слова: коммуникативистика, коммуникативная стилистика художественного текста, элементы коммуникативного процесса, интерпретация, эффективная коммуникация, идиостиль, лингвистическая экология.

На рубеже XX–XXI вв. – в период, который, помимо прочего, характеризуется повышенным вниманием к функциональной стороне языка, – формируется **коммуникативная стилистика художественного текста**: «новое направление современной функциональной стилистики... комплексно изучающее целый текст (речевое произведение) как форму коммуникации и явление идиостиля. Комплексное изучение текста в данном случае предполагает исследование как лингвистических, так и экстралингвистических факторов общения, в той или иной мере влияющих на порождение текста и его восприятие и интерпретацию. **Лингвистические факторы общения** (здесь и далее выделено мной. – И. З.) включают **отбор и организацию языковых средств разных уровней в их текстовом во-**

площени с учётом не только языковой системы, "стоящей за текстом", но и речевой системности, обусловленной авторским замыслом. **Среди экстралингвистических факторов общения** для коммуникативной стилистики художественного текста **актуальны личность автора и адресата; цели и задачи, определяющие их первичную и вторичную коммуникативную деятельность; специфика сферы общения; характер ситуации; жанр** и т. д.» [Болотнова 2003: 157]. Как видим, в исследовательское поле означенного направления вовлечён весьма широкий диапазон проблем как внутри-, так и внелингвистического свойства, рассмотрение которых позволяет детально и глубоко проанализировать процесс коммуникативно-речевого общения в самых разных его воплощениях.

Анализ современных литературных произведений в аспекте коммуникативной стилистики представляется целесообразным как минимум по двум причинам. Во-первых, комплексное – объединяющее функционально-стилистический и лингво-коммуникативный подходы – рассмотрение словесно-художественных структур по определению расширяет возможности для более глубокого и тщательного истолкования всех их компонентов, позволяет в результате своего рода «перекрёстного» интерпретирования полнее выявить разнообразные признаки последних, более «выпукло» представить множество семантических, ассоциативных и иных связей, которые формируются непосредственно в словесно-художественной структуре.

Во-вторых, осмысление адресатом-читателем коммуникативно-речевых процессов и их отдельных составляющих, которые в постигаемом художественном дискурсе представлены в эстетически осложнённом виде, бесспорно, происходит более эффективно (этому, в частности, способствует их образно-речевая конкретизация), что, в свою очередь, способствует и более качественное усвоение воспринимающей стороной законов и правил коммуникативно-речевого поведения в принципе.

Александра Маринина, несомненно, принадлежит к числу самых востребованных сегодня читателем авторов: подтверждением тому служат не только весьма солидные – особенно с учётом значительного сужения сферы книжной культуры – тиражи произведений писательницы, но и постоянно проявляемый к ним исследовательский интерес (весьма знаковым событием в этом плане видится, например, выход в 2002 г. антологии «Творчество Александры Марининой как отражение современной российской ментальности», составленной по материалам одноимённой конференции [Творчество Александры Марининой как отражение современной российской ментальности]¹). Во-вторых, детективное творчество

---

¹ Названия составляющих антологию публикаций иллюстрируют разнообразие исследовательских подходов к творчеству Александры Марининой, причём коммуникативно-прагматический аспект среди этих подходов оказывается одним из ведущих: Вольфганг Штадлер, «"Прагмакультурная компетенция" в романах Александры Марининой на примерах речевых актов приглашений и просьб»; Анатолий Вишевский,

Марининой, которое хотя и не оценивается критиками абсолютно однозначно, но всё же существенно отличается от значительного (к сожалению!) корпуса современных литературных произведений, где авторы ориентируются «на аудиторию, для которой характерно тяготение к низкому, отсутствие ценностного отношения к языку, отсутствие аналитизма при восприятии конкурирующих речевых вариантов, безразличное или агрессивное отношение к общекультурным традициям» [Костомаров 1999: 150], т. е. потакание авторами низменному, или «конъюнктурному» языковому вкусу, результатом чего становится появление «низового слоя» текстов массовой литературы.

Диапазон так или иначе затрагиваемых в произведениях А. Марининой аспектов коммуникативно-речевой деятельности чрезвычайно широк. Прежде всего это традиционная для художественной литературы характеристика персонажей через их речь: особое внимание автора к особенностям речи героев, которое проявляется в создании их речевых портретов, где отражены не только индивидуальные речевые свойства действующих лиц, но и их компетентностные качества (т. е. уровень языковой, речевой и коммуникативной компетентности).

При этом примечательно, что избранные писательницей способы и приёмы словесно-художественного воплощения речевых особенностей её персонажей весьма разнообразны; остановимся на наиболее интересных из них.

В произведениях А. Марининой довольно много ярких, запоминающихся портретно-речевых характеристик, причём не только главных персонажей, но и тех, кто появляется в прозаическом повествовании эпизодически, не более одного-двух раз. Такова, например, владелица СПА-салона, оказавшаяся в поле зрения оперативников в связи с расследуемым преступлением. Примечательно, что этот персонаж никак не поименован автором – он представлен лишь по роду занятий (*владелица СПА-салона*); в то же время очевидно внимание автора прежде всего к речевым качествам выведенного в романе образа, о чём свидетельствует авторский комментарий, предваряющий обширное высказывание бизнес-леди: ***Владелица СПА-салона, в котором до своей смерти работала Галина Носуленко, выглядела элегантно и ухоженно, производя впечатление деловой и состоятельной дамы. Однако впечатление это сохранялось ровно до того момента, как она открывала рот. Стоило ей заговорить – и перед оперативниками оказалась простая дворовая девчонка, не пренебрегающая ненормативной лексикой и так и не изжившая фрикативного «г»*** (выделено мной. – И. З.).

«Феномен Марининой: нетрадиционный подход к детективному жанру»; Ирина Савкина, «"Гляжусь в тебя, как в зеркало..." Творчество Александры Марининой в русской критике: гендерный аспект»; Елена Трофимова, «Феномен детективных романов Александры Марининой в культуре современной России»; Галина Пономарёва, «"Власть матери" как фактор самоопределения персонажей Александры Марининой» и др.

– Галя каталась в той же спортшколе, где Коля тренировал, но в группе взрослых, у Коли-то ребята были помладше. Ой, она Кольке нравилась – просто жуть, – охотно поведала она. – Ну а Галка со своей стороны жуть как хотела выйти за него замуж. Они крутили года два, пока он не дозрел. Галка рвалась замуж за москвича, чтобы пристроиться как-то, она ж приезжая. Платить за съёмную хату дорого. Ну и вообще... В спорте у неё не особо получалось, короче, карьере не сделала, денег не заработала, а надо ж как-то жить дальше. Вот она Кольку и взяла в оборот. А чего? Он тренер, симпатичный такой, денег, конечно, не бог весть сколько, но зато с жильём, так что можно зацепиться для начала, а потом дальше двигаться. Я сама такой же путь проделала, Галя с меня пример брала, мы с ней когда-то одну хату на двоих снимали, но она тогда только-только приехала, а я уже после первого развода была. Ну, короче, Галка вышла за Колю замуж, сначала вместе с ним работала, он её к себе в группу вторым тренером взял, потом увидела, что доход не тот, и пошла на курсы массажистов. Я к тому времени уже второй раз замужем была, муж мне этот салон купил, и я Галку к себе устроила. А чего подруге не помочь? (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 2).

Приведённый фрагмент содержит весьма обширную информацию характерологического свойства, позволяющую судить не только о разнообразных качествах речи персонажа (уровень его владения словоупотребительными, грамматическими, стилистическими и т. д. нормами), но и о том, как автор оценивает коммуникативно-речевую состоятельность изображаемой языковой личности. Авторский акцент на несоответствии внешнего вида персонажа и его речевого портрета более чем убедительно подтверждается собственно фрагментом речи «владелицы СПА-салона», в котором присутствует множество сниженных слов и выражений (*жуть как хотела выйти замуж; они крутили* ('были в близких отношениях') *года два, пока он не дозрел* ('не принял нужного для партнёрши решения')); обнаруживается немало синтаксических конструкций не только разговорного (*взяла в оборот; денег, конечно, не бог весть сколько, но зато с жильём, так что можно зацепиться* для начала, а потом дальше двигаться и под.), но и сугубо просторечного свойства (*Ой, она Кольке нравилась – просто жуть; А чего?; А чего подруге не помочь?*); встречаются и явно избыточные лексические элементы, «не несущие в тексте смысловой нагрузки и засоряющие речь» – так называемые слова-паразиты [Щербаков 2003: 629]: *в спорте у неё не особо получалось, короче, карьере не сделала*. Интересно, что А. Маринина дополняет складывающийся на основе собственно речи персонажа портрет ещё одним штрихом, который может быть передан лишь устно – в предваряющей высказывание ремарке указывается на фонетическую особенность речи персонажа: фрикативное «г», которое изображаемой носительнице языка так и не удалось «изжить» (на наш взгляд, это ещё одно свидетельство повышенного внимания автора к речевым характеристикам своих персонажей).

Впрочем, по нашим наблюдениям, чаще А. Маринина сосредотачивает внимание на **отдельных характерных речевых особенностях** своих героев, демонстрируя читателю своеобразные «изюминки» их лексикона либо принципов организации языкового материала в речи. Вот как, например, характеризуется **Юрий Коротков**, один из «сквозных» ведущих персонажей, в последнем из вышедших в свет произведений – «Казнь без злого умысла»:

– Спасибо, Игорь Валерьевич, нам ничего не нужно, – начал Коротков. – Мы сами в прошлом офицеры милиции, работали в уголовном розыске на Петровке, оба полковники в отставке, до полиции не дослужили. И мы понимаем, что никакому начальнику УВД не понравится, если в его город приедут бывшие опера и начнут что-то вынюхивать и собирать информацию. Вы же профессионал, значит, узнаете об этом максимум через два дня. Поэтому мы хотели просто представиться, объяснить цель нашего приезда и ответить на ваши вопросы, **поелику** (здесь и далее выделено мной. – И. З.) таковые у вас появятся.

Заканчивая заранее заготовленную фразу, Юра с трудом сдержал улыбку. **Это слово – «поелику» – он освоил совсем недавно, влюбился в него всей душой и употреблял теперь при каждом удобном случае.** И хотя Настя по дороге в УВД просила его не выпендриваться и не дразнить гусей, он всё-таки не удержался (А. Маринина. Казнь без злого умысла).

Слово **поелику**, которое совершенно очевидно не принадлежит к общеупотребительной лексике современного русского языка, в «Большом толковом словаре современного русского языка» толкуется следующим образом: «**ПОЕЛИКУ**, союз. Книжн. Поскольку, так как, потому что. *Поелику возможно*» [Большой толковый словарь современного русского языка 2000: 887]. Этот явно иностилевой для речи современного носителя языка элемент, помимо семантической нагрузки, свойственной ему как служебной части речи – союзу со значением причинности, – выполняет и выраженную характерологическую функцию, формируя наряду с другими речевыми средствами индивидуальность и неповторимость речевой манеры персонажа.

Проявление авторского внимания к индивидуальным речевым особенностям, придающим речи выведенных в произведениях персонажей неповторимость, даже уникальность, наблюдаем и в других детективах писательницы. Вот как, к примеру, выглядит в восприятии **Настя Каменской** (пожалуй, самой известной героини детективов Марининой) речь одного из её коллег:

– Ну и чёрт с ним, – сердито отозвался Блинов. – Всё равно для порядка надо и в театре информацию собирать, хотя, на мой взгляд, это пустой номер. Ещё один опер с территории разрабатывает линию убийства из хулиганских побуждений и шерстит местную шпану. Зарубин помогает мне с деловыми отношениями, а ты с пацанёнком сиди в театре, может, научишь его уму-разуму. И посмей только скрыть от меня хоть одно сло-

во, хоть самый маленький фактик, я тебя урою по самое не балуйся, а у Стасова твоего лицензию отнимут. Ты никто, звать тебя никак, и полномочий у тебя никаких нет. Поняла, сыночка?

– Поняла, папаня, – засмеялась Настя.

Надо же, она ведь совсем забыла эту его смешную приговорку, а ведь когда-то, впервые услышав сакраментальное «Поняла, сыночка?», да ещё с ударением на первом слоге, она долго смеялась, а потом ещё несколько дней фыркала, вспоминая слова следователя Блинова (выделено мной. – И. З.) (А. Маринина. Смерть как искусство. Кн. 1).

Приведённый фрагмент, помимо уже отмеченных особенностей, примечателен тем, что характерная для персонажа речевая характеристика сопровождается и своеобразным комментарием – рефлексией по поводу сказанного другим персонажем.

Конечно, чаще всего в подобных случаях персонажи и/или автор (означенный приём встречается как в собственно авторской, так и в персонажной речи) выражают не научную точку зрения, а позицию, условно говоря, среднестатистического носителя языка, иногда даже явно наивно-бытовую – это вполне естественно для художественного произведения, которое по определению не должно быть «перегружено» проблематикой сугубо научного свойства. Впрочем, нельзя не отметить, что те персонажи детективов А. Марининой, кому писательница «доверяет» размышлять о коммуникативно-лингвистических проблемах, как правило, личности думающие, старающиеся разобраться в себе и окружающих, осознанно выработать некий кодекс собственного поведения, который бы соответствовал (или хотя бы не противоречил) их морально-нравственным устоям.

Чаще всего, по нашим наблюдениям, А. Маринину интересует не только и/или не столько собственно речь изображаемого персонажа, сколько его коммуникативно-речевая состоятельность в целом, т. е. комплексный портрет носителя языка, включающий, помимо вербальной составляющей, и невербальную: жесты, мимику, манеру поведения в той или иной коммуникативной ситуации, степень учёта коммуникативных намерений собеседника и т. д. Вот, к примеру, на какие коммуникативные качества собеседника обращает внимание **Настя Каменская**, оказавшись рядом с ним на торжественном приёме в честь юбилея драматического театра в одном из сибирских городов: *А вот Олег ей понравился. Он не был скован, в то же время говорил свободно, не допускал никакого панибратства. Умело держал дистанцию и демонстрировал хорошее знание театральной классики, с удовольствием обсуждал с Настей только что увиденный спектакль, и наблюдения и оценки его были умными и точными. Настя порадовалась, что ей достался столь знающий собеседник* (выделено мной. – И. З.) (А. Маринина. Казнь без злого умысла).

Пристальное авторское внимание к разнообразным деталям процесса общения наблюдаем в приводимом ниже фрагменте диалога между персонажами романа «Ангелы на льду не выживают» **Антоном Сташи-**

сом и **Романом Дзюбой**, где роль невербальных средств коммуникации (мимики, выражения глаз, молчаливых действий одного из коммуникантов) в передаче информации оказывается ничуть не менее значимой, нежели средств словесных:

– Как погиб Носуленко? – спросил Антон. – Убийство?

– Ганджумян говорит – автокатастрофа. Но он не может не знать, что произошло на самом деле. Надо уточнять.

– Ну так уточняй, чего ты сидишь!

Дзюба обиженно засопел (здесь и далее выделено мной. – И. З.) и полез в компьютер.

«Чего я на него взъелся? – осадил себя Сташис. – Веду себя как капризная бабёнка, поддаюсь собственному настроению. Если окажется, что Носуленко был убит, то вырисовывается хорошая цепочка. Конфликт с Ганджумяном – покушение на него, конфликт с тренером – убийство. Ведь Власов не мог не обвинять Носуленко в том, что его ученика, талантливого спортсмена, отчислили из группы. Он не мог не понимать, что тренер и отец Вардана сговорились. Понимал, конечно, иначе не пришел бы к Ганджумяну скандалить. А до этого, наверное, и с Носуленко отношения выяснять пытался. Всё сходится на Власове... Нет, не всё. Не сходятся Болтенков и Ефимова, на моменты их смерти у Власова алиби. Два против двух. Пятьдесят на пятьдесят. Чёрт знает что!»

– Поехали к Баглаеву, – скомандовал он. – Надо ему рассказать про Ганджумяна. Он должен быть в курсе, потому что нам нужно знать, что скажут баллисты по пуле и гильзе. И смотри, лишнего не болтай, чтоб Баглаев про наши подвиги не узнал. Всё понял?

Дзюба ничего не ответил. Даже не кивнул в знак согласия. Молча выключил компьютер и только полоснул Антона пронзительным взглядом голубых глаз. В этих глазах не было ни злобы, ни ненависти. В них было непробиваемое, как ледяные торосы, упрямство (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 2).

Приведённый фрагмент примечателен тем, что в протекающий между персонажами диалог автором «вмонтирован» довольно объёмный внутренний монолог одного из коммуникантов – **Антон Сташиса**, где он, параллельно с произносимыми высказываниями, постоянно рефлексировает «про себя», оценивая и анализируя свои же слова (причём весьма объективно, абсолютно себя не щадя): *«Чего я на него взъелся? – осадил себя Сташис. – Веду себя как капризная бабёнка, поддаюсь собственному настроению»* и т. д. Подобная организация художественного повествования является, на наш взгляд, одним из проявлений выраженного психологизма творчества писательницы.

Коммуникативно-речевое поведение – как собеседников, так и собственное – довольно часто становится предметом размышлений во внутренних монологах персонажей А. Марининой – такие фрагменты художественного дискурса композиционно оформляются как конструкции либо

с прямой речью, либо с несобственно-прямой речью, либо как синкретичные образования, включающие обе указанные разновидности – как, например, в приводимом далее фрагменте:

И не сказать чтоб самому Валентину этот заказчик нравился. Крученый он какой-то, денег куры не клюют, это сразу видно, и мужик, видимо, просто с жиру бесится, не знает, на что потратить. И требования у него странные, не знаешь, как угодить. Смотрит на Валентина с загадочной усмешкой и цедит (здесь и далее выделено мной. – И. З.):

– Нет, это категорически не пойдёт, я же предупреждал: никаких больных детей и умирающих престарелых родителей, никаких наркоманов и игроманов, нуждающихся в срочном лечении. Здесь нет дилеммы, здесь решение очевидно. Мне нужны более тонкие, неоднозначные варианты.

Тонкие варианты... Понимать бы ещё, что это такое. <...> Он был уверен, что заказчик останется более чем доволен. А он и не доволен вовсе, вон морду кривит, головой качает. И прихвостни его, мужик и баба, что сидят по обе стороны длинного стола, тоже в такт ему кивают, соглашаются (А. Маринина. Бой в долине тигров. Т. 1).

Таким образом, вербальное и невербальное поведение адресанта и адресата как составляющие коммуникативно-речевого процесса находят в детективном творчестве А. Марининой разнообразное и, как правило, весьма оригинальное воплощение, которому явно присущи характеристики индивидуально-стилистической манеры писательницы. Это, безусловно, не только позволяет создать яркие и запоминающиеся образы персонажей, но и способствует более тесному и многообразному взаимодействию автора с читательской аудиторией, углублению психологического плана словесно-художественного произведения.

Ещё одна группа эстетически осмысливаемых А. Марининой коммуникативно-речевых проблем связана **со спецификой общения в различных сферах и характером** возникающих при этом **коммуникативных ситуаций**. Так, писательница нередко затрагивает вопрос об использовании языка в профессиональной деятельности представителей различного рода занятий. Чаще всего это работники правоохранительных органов либо юриспруденции, что предопределяется тематикой произведений, однако не только. В приводимом далее обширном фрагменте адвокат **Виктор Кирган** объясняет своей клиентке, насколько значимым в его профессии является профессиональное (взвешенное, продуманное, бережное) отношение к слову (профессия адвоката, вне всяких сомнений, принадлежит к числу профессий с повышенной речевой ответственностью), причём старается использовать для этого те средства языка, которые понятны и человеку, далёкому от его рода занятий:

Ну, чтобы немножко развеять ваши грустные мысли, расскажу. Могут лишить статуса даже за неосторожные высказывания и несоблюдение деловой лексики. Да-да, представьте себе. Вот в Кодексе профессиональной этики записано «при осуществлении профессиональной деятель-

ности адвокат... уважает права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживается манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению». А теперь переведу на русский: коллеги и другие лица – это и судьи, и гособвинители, и следователи, и другие адвокаты, и свидетели, и потерпевшие. В общем, кто угодно, если они имеют отношение к делу, которое ведёт данный адвокат. И не дай бог в адрес кого-то из них сказать что-нибудь неуважительное или просто сомнительное, такое, что может иметь двоякое толкование.

– Что, например? Грязно обозвать? Матом, что ли?

Виталий не выдержал и расхохотался.

– Ну что вы, зачем же такие крайности? Вот, помнится, лет девять-десять назад одного адвоката лишили адвокатского статуса за такие высказывания: «Судебными инстанциями Москвы откровенно и нагло попираются права человека», «кассационная инстанция сделал вид, что не читала жалобу», «пишешь про бузину в огороде, отвечают про дядьку в Киеве», «в кассационном определении содержится та же ахинея, которая написана в решении». Вот и всё. Этого оказалось достаточно для возбуждения дисциплинарного производства.

– Ничего себе! – Наталья Сергеевна покачала головой. – Это что же, и слова не скажи? Или вы преувеличиваете всё-таки?

– Ничуть. Вот, если не верите, – я вам зачитаю выдержку из Обзора дисциплинарной практики, – он достал из ящика стола книжечку в бумажной обложке и быстро пролистал, – относительно свежего, трёхлетней давности всего. «Квалификационная комиссия отмечает, что в своей речи, как письменной, так и устной, адвокаты обязаны придерживаться норм деловой (юридической) лексики, осуществляя тщательный отбор слов в соответствии с их значением (семантикой), и уходить от оборотов, употребляемых на бытовом уровне, особенно если это касается личностных характеристик участников судебного разбирательства». Вот так, уважаемая Наталья Сергеевна. Спрос с нас, адвокатов, весьма и весьма строгий (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1).

Адвокат **Виктор Кирган**, по сути, проводит со своей клиенткой **Натальей Сергеевной** своего рода юридический ликбез, популярно объясняя ей коммуникативно-речевые основы своей профессиональной деятельности. Писательница таким образом, конечно же, юридически просвещает и читательскую аудиторию: для многих содержащаяся в высказываниях адвоката **Киргана** информация будет прежде незнакомой и однозначно полезной (несмотря на содержащиеся в тексте некоторые неточности – например, с профессиональной позиции специалиста-филолога выражение *несоблюдение деловой лексики* является неточным; видимо, имеется в виду *несоблюдение правил употребления деловой лексики*).

Представляется, что приведённые текстовые иллюстрации вполне убедительно подтверждают целесообразность применения для интерпре-

тации детективных произведений Александры Марининой коммуникативно-стилистического подхода, результатом которого может быть не только более глубокое и адекватное постижение индивидуально-стилистического мастерства автора, но и в перспективе – уточнение ряда положений стилистики художественной речи, а также дальнейшая разработка проблем лингвистической коммуникативистики.

Список литературы

1. *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 157–162.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.
4. Творчество Александры Марининой как отражение современной российской ментальности: антология. М.: ИНИОН РАН: Ин-т славяноведения РАН, 2002. 190 с.
5. *Щербаков А.В.* Слова-паразиты // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 628–629.

Источники

1. *Маринина А.* Казнь без злого умысла. М.: Эксмо, 2015. 480 с.
2. *Маринина А.* Ангелы на льду не выживают: роман: в 2 т. М.: Эксмо, 2014. Т. 1. 352 с.; Т. 2. 352 с.
3. *Маринина А.* Бой в долине тигров: роман: в 2 т. М.: Эксмо, 2012. Т. 1. 352 с.; Т. 2. 352 с.
4. *Маринина А.* Смерть как искусство. Кн. 1. Маска: роман. М.: Эксмо, 2011. 352 с.

References

1. Bolotnova, N.S. (2003), *Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta* [Literary stylistics]. *Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language*, Moscow, Flinta publ., pp. 157-162. (in Russian).
2. *The Great Dictionary of Russian Language*, comp. and ch. ed. S.A. Kuznetsov, St. Petersburg, Norint publ., 2000. 1536 p. (in Russian).
3. Kostomarov, V.G. (1999), *Yazykovoï vkus epokhi* [Linguistic taste of the era], St. Petersburg, Zlatoust publ., 320 p.
4. (2002), *Tvorchestvo Aleksandry Marininoi kak otrazhenie sovremennoi rossiiskoi mental'nosti* [Alexandra Marinina's work as a reflection of contemporary Russian mentality], anthology, Moscow, INION RAN publ., Institute of Slavic Studies RAN, 190 p.
5. Shcherbakov, A.V. (2003), *Slova-parazity* [Filler words]. *Kul'tura russkoi rechi* [Culture of Russian speech], Encyclopedic Dictionary, ed. by L.Yu. Ivanov, A.P. Skovorodnikov, E.N. Shiryaev, Moscow, Flinta publ., pp. 628-629.

Sources

1. Marinina, A. (2015), *Kazn' bez zlogo umysla* [Execution without malice], Moscow, Eksmo publ., 480 p.

2. Marinina, A. (2014), *Angely na l'du ne vyzhivayut* [*Angels do not survive on the Ice*], in 2 volumes, Moscow, Eksmo publ., Vol. 1, 352 p.; Vol. 2, 352 p.

3. Marinina, A. (2012), *Boi v doline tigrov* [*Battle in the Tigers Valley*], in 2 volumes, Moscow, Eksmo publ., Vol. 1, 352 p.; Vol. 2, 352 p.

4. Marinina, A. (2011), *Smert' kak iskusstvo* [*Art of Murder*], Moscow, Eksmo publ., Bk. 1, 352 p.

I.P. Zaitseva
Kyiv, Ukraine

ARTISTIC AND AESTHETIC INTERPRETATION OF COMMUNICATION SCIENCE PROBLEMS IN MODERN DETECTIVE WORKS

The article offers the interpretation of the detective works of a contemporary writer Alexandra Marinina from the point of view of the school formed at the stage of modern linguistic knowledge: the literary stylistics. The primary focus is on the study of elements of communicative process (peculiarities of linguistic identity of addressee and addresser, their communicative intention; specific nature of the sphere of communication; nature of the communicative situation, etc.) in the text where the language appears in its aesthetic complicated form. Using the text fragments of the latest novels of A. Marinina it is shown how the writer presents her view on the problems of the most importance for communication process to the readers (and sometimes even invites the readers to think together). The abovementioned illustrations confirm the reasonability and perspective of the approach, applied for the analysis of literary texts, which enables not only deeper and more extensive understanding of the communicative and speech frame of the discourse (including implicit features of the literary work), but also identification of the characteristics of the author's individual style.

Key words: communication science, literary stylistics, elements of the communicative process, interpretation, effective communication, individual style, linguistic ecology.

Сведения об авторе:

Зайцева Ирина Павловна, доктор филологических наук, профессор Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова 01601, Украина, Киев, ул. Пирогова, 9
E-mail: irinazaj91@mail.ru

About the author:

Zaitseva Irina Pavlovna, Prof. National Pedagogical Dragomanov University
9 Pirogova ul., Kyiv, 01601, Ukraine
E-mail: irinazaj91@mail.ru

Дата поступления статьи 08.06.2016

Для цитирования: Зайцева И.П. Художественно-эстетическое осмысление проблем коммуникативистики в современном детективном произведении // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 119–129.

For citation: Zaitseva, I.P. (2016), Artistic and aesthetic interpretation of communication science problems in modern detective works. *Communication Studies*, No. 2 (8), pp. 119-129. (in Russian).

УДК 82-1

А.В. Рязанова, В.В. Соломонова
Омск, Россия

ПРОЯВЛЕНИЕ ТЕАТРАЛЬНОСТИ И ДИАЛОГИЧНОСТЬ В ПОЭЗИИ А.А. БЛОКА

Исследуются причины тяготения А.А. Блока к драме и особенности его лирики, которые сближают стихотворения с драмой и театральным искусством: наличие конфликта и фабулы, поэтические «маски» и декорации и т. д. Перечисляются используемые поэтом способы включения творчества в культурную коммуникацию Серебряного века. Блок вступал в своих произведениях в беседу с современниками, предшественниками, читателями, используя посвящения, подражания, обращения, а также диалогизировал структуру стихотворений. Для поэта характерна внутритекстовая полифония, созвучие разных мировоззрений и пересечение стилей. Таким образом, в поэтике Блока проявились черты театрализации и драматизации.

Ключевые слова: поэзия, поэтика, театральность, драматизация, диалогичность, культурный диалог, Серебряный век.

Поэзия А.А. Блока наполнена театральностью. Это и обращение ко всей истории драматического искусства, и включение театральных мотивов и образов в стихотворения, и перенесение «примет» театра на облик мира, видимого автором, и черты, роднящие лирику с драмой. В разные периоды жизни театральность мышления А.А. Блока выражалась в различных формах, в особом преломлении мира в его лирике, в приемах поэтики, композиции, фонике, характерных для поэта. На эту особенность стихов Блока прямо указывает Т.М. Родина: «Замкнутая лирическая система в творчестве Блока никогда не обладала ни прочностью, ни способностью к длительному эволюционному саморазвитию. Пронизывающие ее противоречия быстро драматизировали и театрализовали блоковскую лирику» [Родина 1972: 13]. Однако вопрос, как именно реализована эта театральность, не был достаточно изучен.

Блок довольно неоднозначно относился к собственной поэзии. В его записной книжке 1916 г. читаем: «На днях я подумал о том, что стихи писать мне не нужно, потому что я слишком умею это делать. Надо еще измениться (или – чтобы все вокруг изменилось), чтобы вновь получить возможность преодолевать материал» [Блок 1965: 293]. У поэта порой возникало желание «не писать больше лирических стишков до старости» [Блок

1965: 132]. Это видимое отрицание лирики как жанра, возможно, и привело к возникновению в ней черт драматизма.

Пытался ли Блок сознательно перенести черты театрального искусства в свои стихотворения? Скорее нет; в его творчестве преобладало поэтическое наитие, однако театр занимает в нем большое место. В письмах, дневниках, записных книжках Блок неоднократно выражал желание перейти от стихов к драме, придавал большое значение своим пьесам. Т.М. Родина пишет: «Блоку была свойственна потребность выражения сложно драматических восприятий, состояний конфликтных и подвижных, возникающих как лирические, но тяготеющих затем к преодолению замкнутости в индивидуальном, к выявлению себя, как мировых, объективно возникающих состояний». По мнению исследовательницы, Блок был тяготеющим к драме лириком, что обусловило его художественные открытия: «Пользуясь многозначными символистскими структурами, Блок создает в лирическом произведении такие временные протяженности и такие пространственные перспективы, в которых уже становится возможным драматическое действие» [Родина 1972: 15].

Связь ранней поэзии Блока с театром была более тесной: «"Театральная стихия" наступают на поэзию, заметно подчиняя ее себе, навязывая ей свои ритмы и интонации. Стихотворение "Я опять на подмостках"... написано, как экспрессивный, мелодраматически взвинченный монолог. <...> Специфической театральной экспрессией и преувеличенной эмоциональностью полны и некоторые другие стихи Блока, также написанные в форме монологов... Ритмика этих стихотворений подчинена интонации актерского чтения, их язык близок языку современной салонной драмы и мелодрамы. Ходовые репертуарные положения и ситуации формируют лирический сюжет. Порой можно заметить осевшие в этих стихах частицы текста классических ролей Блока» [Родина 1972: 97]. Таким образом, можно утверждать, что Блок широко пользуется выразительными средствами театра, которые после заменяются приемами, принадлежащими поэзии. «Сначала – описание театральных впечатлений, а затем – продолжение театральной игры средствами лирики в условиях нетеатрального пространства и несценического времени» [Родина 1972: 93]. Рассмотрим подробнее эти средства.

В поэзии Блока присутствуют как открытые конфликты, так и скрытые, неразрешимые. Страсть и бесстрашие, темные бездны и небесный свет, призвание и проклятие, мечта и отрезвление, грех и чистота, богатство и бедность – полюса, создающие драматическое напряжение; поэтический мир Блока строится на антитезах, враждующих началах. Образ тоже может строиться из контрастных черт. Также не чужда этим стихам фабульность: многие заключают в себе «повесть» (см., например, одноименное стихотворение) или даже историю целой жизни, свернутую в несколько строф. Так, в статье «Поэтический мир Блока» А.Л. Михайлов отмечает,

что стихотворение «На железной дороге» фактически является «конспектом романа», его отличают характерность эпизода, динамичность действия, наличие социальной драмы [В мире Блока: 148–55].

Блоку свойственна своего рода «ролевая» лирика. Обращает на себя внимание количество поэтических масок лирического героя: он предстает перед читателем жрецом, магом, воином, рабом, иноком, актером, рыцарем, влюбленным, завсегдатаем ресторанов, демоном, вампиром, мертвецом... Иногда его лирическим героем становится женщина. Кроме того, поэзия Блока содержит лейтмотив двойничества. Двойник поэта – его второе я, тоже одна из масок, живущая своей жизнью.

Характерность поэтического маскарада для лирики Блока проявляется в том, что и адресаты его стихотворений превращаются в некие театрализованные образы. Особенно это касается любовной поэзии. Тема любви (влюбленности) вообще постоянно сопряжена у него с театральной формой. Не связано ли это с тем, что Блок истинно и глубоко любил только жену? Известна его запись: «У меня женщин не 100-200-300 (или больше?), а всего две: одна – Люба; другая – все остальные, и она – разные, и я – разный» [Блок 1965: 303].

Но, несмотря на смену лиц, от самых первых до самых последних стихов Блок остается прежде всего поэтом – это и внешний образ, и внутренняя сущность. Перевоплощения его различны и в то же время складываются в определенное поэтическое целое, изменяющееся с развитием «трилогии вочеловечения». Можно сказать, что весь массив стихов Блока обладает определенным сюжетом. Его главный вектор – стремление к объективности, которая в целом не характерна для лирики, но свойственна эпосу и драме. В связи с этим интересно замечание Б.Л. Пастернака о поэтике раннего Блока, приведенное Л.А. Озеровым в статье «Начала и концы»: «Случаи ложной глубины со “страшными” общими словами – оккультическими или религиозными – оказываются случаями *пустоты* и незаполненных схем: настроение расчерчено и разнесено по стиху и только не расставлены подлежащие: “призраки и девы” – это именно подставные, именно на эти места становятся затем действительные: “*некто*” из рабочей толпы, *голоса* из дали, арлекины, лица “окошек”, подъездов и пр., “подглядыванье” заполняет эти устойчивые ниши символического притворного суеверья» [В мире Блока: 452]. Поздние его стихи становятся менее отвлеченными.

Поэзия Блока пронизана движением. «Ветер – главная стихия творчества. <...> Небо у Блока, как правило, не солнечное и не лунное, а окрашенное кровью заката или мглой метели» [Эпштейн 1990: 237]. Беспкойный дух автора, вечный поиск своего пути обусловили это движение в поэтической трилогии. Действие ее требовало соответствующих декораций. Это золотой свет и «сине-лиловый мировой сумрак» [Блок 1962: V, 428] в ранней лирике, петербургские болота во втором томе, окрестности

Шахматова, а в конечном счете – Россия. «Вочеловечение» сопровождается изменением поэтики. Символический туманный фон сменяется опозитизированными просторами России и конкретностью итальянских реалий. «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Бахтин 1975: 235]. Хронотоп в стихотворениях одного периода часто совпадает, что служит для циклов стихотворений одним из связующих факторов.

В какой-то мере стихам Блока свойственна даже некая кинематографичность, о чем позволяет говорить их яркая образность, зримость, цветовые и звуковые акценты.

Одна из самых заметных черт лирики Блока – ее диалогичность. В ней много посвящений: А. Белому, С.М. Соловьеву, В.Я. Брюсову, Н.А. Клюеву, С.М. Городецкому, А.А. Ахматовой, З.Н. Гиппиус – и эпиграфов-цитат. Адресаты, к которым обращено стихотворение, могут быть и реальными (современники-поэты, мать, друзья, возлюбленные и т. д.), и условно-поэтическими (Прекрасная Дама, царевна, Кармен, традиционные обращения к музе, сама Россия и др.), и внешне безличными – просто «Ты». Есть стихотворения, прямо построенные как диалог: «Голоса» (их два: «Грустнее не бывали думы...» и «Я – свободный глашатай веков»), «– Всё ли спокойно в народе?...», «И опять снега». Диалогичность проявляется и в подражаниях, которые наглядно демонстрируют включенность поэта в литературную жизнь эпохи (у Блока есть также автопародии – своего рода диалог с самим собой), и в явной перекличке с предшественниками (Е.А. Баратынским, М.Ю. Лермонтовым, Н.А. Некрасовым, А.А. Фетом, Я.П. Полонским и др.) и современниками.

Также Блок часто пользуется приемом обращения. Примеров его применения можно найти множество: «Вот моя песня – тебе, Колумбина...» («Двойник»), «Тащитесь, траурные клячи! // Актеры, правьте ремесло...» («Балаган»), «Я в муках узнавал тебя, // Блистательная ложь!» («Лазурью бледный месяц плыл...»), «Пушкин! Тайную свободу // Пели мы во след тебе!...» («Пушкинскому Дому»), «Не мани меня ты, воля!...», «Какая дивная картина // Твоя, о, север мой, твоя!...», «Милый друг, и в этом тихом доме...» и т. д. В поэме «Возмездие» он ведет беседу с читателем, следуя пушкинской традиции. Наиболее характерное для поэта строение лирического повествования – не «я – он/она» (рассказ), а «я – ты» (диалог). Часто Блок использует повелительное наклонение, благодаря чему слово становится «живым», воздействующим, воспринимаемым неравнодушно.

По своему строению поэзия преимущественно тяготеет к монологу. Но одновременно, по утверждению Ю.М. Лотмана, «в тексте все время идет полилог различных систем, сталкиваются разные способы объяснения и систематизации мира, разные картины мира. Поэтический (художественный) текст в принципе полифоничен» [Лотман 1996: 112]. В статье Блока «О лирике» находим почти синонимичное высказывание: «Поэт всегда

хочет разное относиться к миру и разное воспринимать его и, вслушиваясь, перенимать разные голоса» [Блок 1962: V, 135].

Есть ли в творчестве Блока стилистическая полифония? М.М. Бахтин в работе «Слово в романе» доказывает, что язык поэзии замкнут, недиалогичен, консервативен [Бахтин 1975: 97–100, 110]. Определенная часть поэтического творчества Блока отвечает этим словам: в ней нет никаких прозаических подробностей, все в значительной мере условно. В то же время, например, поэма «Двенадцать» – полная противоположность тому, что сказано Бахтиным о поэтическом слове. М. Пьяных в статье «Русский строй души в революционную эпоху» отмечает, что «Двенадцать» обладает драматургической структурой (пролог, пять актов и эпилог). В поэме также есть «ремарки», драматургические сцены с диалогами и монологами, «речевая симфония» (речевой строй поэмы), кульминация и катарсис [В мире Блока: 254–272]. В лирике тоже встречаются элементы разных стилей – от высокого и отвлеченного, чисто поэтического языка до прозаизмов и сниженной лексики (например, в стихотворении «Грешить бесстыдно, непробудно...»). Интерес Блока к массовому сознанию проявился не только в тематике, но и в форме поэзии (обращение к цыганскому романсу, песенные элементы).

Итак, можно говорить и о театрализации, и о драматизации жизни в лирике Блока. Драматизация, по П. Пави, «направлена исключительно на текстовую структуру: постановку диалогов, создание драматического напряжения и конфликтов между персонажами, динамику действия», тогда как признаки театрализации – это «визуальный элемент сцены и постановка дискурсов». Театральность же – это «театр минус текст, это насыщенность знаков и впечатлений, которая создается на сцене на основании краткого письменного содержания, это такое всеобщее восприятие чувственных приемов, жестов, тонов, дистанций, субстанций, света, какое наводит текст избытком его внешнего языка» [Пави 1991: 364–365]. В поэтике Блока «краткое письменное содержание» уводит в более далекие измерения; для символизма текст является только намеком на то, что за текстом, что должно появиться в восприятии читателя.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Блок А.А. Записные книжки, 1901–1920 / под общ. ред.: В.Н. Орлова и др. М.: Художественная литература, 1965. 663 с.
3. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1962.
4. В мире Блока: сб. ст. / сост. А.А. Михайлов, С.С. Лесневский. М.: Советский писатель, 1980. 536 с.
5. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 848 с.

6. Пави П. Словарь театра: пер. с фр. М.: Прогресс, 1991. 504 с.
 7. Родина Т.М. Александр Блок и русский театр начала XX века. М.: Наука, 1972. 312 с.
 8. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.

Referensces

1. Bahtin, M.M. (1975), *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Issues of literature and esthetic. Studies of different years]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura publ., 504 p.
2. Blok, A.A. (1965), *Notebooks, 1901-1920*, Eds.: V.N. Orlov et al., Moscow, Hudozhestvennaya literatura publ., 663 p. (in Russian).
3. Blok, A.A. (1962) *Collected works*, in 8 volumes, Eds.: V.N. Orlov, A.A. Surkov, K.I. Chukovskii, Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoi literatury publ.
4. (1980), *V mire Bloka* [In the world of Blok], collection of articles, comp. by A.A. Mihailov, S.S. Lesnevskii. Moscow, Sovetskii pisatel' publ., 536 p.
5. Lotman Yu.M. (1996), *O poetah i poezii* [About the poets an the poetry], St. Petersburg, Iskusstvo-SPb, 848 p.
6. Pavi, P. (1991), *Slovar' teatra* [Dictionary of theatre], transl. from French, Moscow, Progress publ., 504 p.
7. Rodina, T.M. (1972), *Aleksandr Blok i russkii teatr nachala XX veka* [Alexander Blok and Russian theatre of the early twentieth century]. Moscow, Nauka publ., 312 p.
8. Epshtein, M.N. (1990), "Priroda, mir, tainik vselennoj...": Sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii ["Nature, the world, the hiding place of the Universe...": The system of landscape images in the Russian poetry], Moscow, Vysshaya shkola publ., 303 p.

A.V. Ryazanova, V.V. Solomonova
Omsk, Russia

MANIFESTATION OF THEATRICALS AND DIALOGISM IN THE POETRY OF A.A. BLOK

An article investigates the reasons of attraction of A.A. Blok to drama and features of his lyric poetry which are bring it together with drama and the art of theatre, such as existence of conflict and storyline, poetic "masks" and decorations etc. Enumerates the ways used by poet for addition the writer's work in the cultural communication of the Silver age. Blok entered in the his works into the conversation with contemporaries, predecessors, readers used the initiations, follows, treatments, and also was dialogised the structure of the poems. There is characteristically for the poet the textual polyphony, the consonance of different worldviews and the intersection of styles. Thus, in the poetics of the Blok manifested the features of theatricality and dramatization.

Key words: poetry, poetics, theatricality, dramatization, dialogism, cultural dialogue, the Silver age.

Сведения об авторах:

Рязанова Анна Владимировна,

студент

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: a.v.klimovich1994@yandex.ru

Соломонова Вера Васильевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: SolomonovaVV@omsu.ru

About the authors:

Ryazanova Anna Vladimirovna,

student

Dostoevskiy Omsk State University

55a Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: a.v.klimovich1994@yandex.ru

Solomonova Vera Vasiljevna, Dr., Associate Professor of the Chair of Russian and Foreign Literature

Dostoevskiy Omsk State University

55a Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: SolomonovaVV@omsu.ru

Дата поступления статьи 31.03.2016

Для цитирования: *Рязанова А.В., Соломонова В.В. Проявление театральности и диалогичность в поэзии А.А. Блока // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 130–136.*

For citation: *Ryazanova, A.V., Solomonova, V.V. (2016), Manifestation of theatrics and dialogism in the poetry of A.A. Blok. Communication Studies, No. 2 (8), pp. 130-136. (in Russian).*

Раздел V

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Part V

REVIEWS. CHRONICLE

УДК 811.161.1-112'23

В.И. Карасик
Волгоград, Россия

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
Г.С. ЯРОЦКОЙ «АКСИОГЕНЕЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ» (Одесса, 2013)**

Рецензируемая монография посвящена актуальной проблеме современной антропологической лингвистики – лингвоаксиологическому моделированию экономического сознания. Экономика как социальный феномен детально изучена в различных областях гуманитарного знания, но с позиций лингвоконцептологии экономические ценности еще не были предметом специального анализа. Книга состоит из введения, трех глав, посвященных соответственно языковой репрезентации ценностной динамики экономического сознания, аксиогенезу обыденного и теологического модусов этого сознания, аксиосфере этого сознания в допетровский период, и заключения.

Ключевые слова: концепт, лингвоконцептология, лингвоаксеология, аксиосфера.

В первой главе монографии детально обсуждаются понятия современной лингвокультурной концептологии. В основу авторской концепции положена когнитивно-дискурсивная модель лингвокультурного концепта, включающая его системный потенциал (совокупность средств апелляции к этому ментальному образованию, зафиксированных в лексикографии и паремиологии), субъектный потенциал (языковое знание в сознании индивида) и коммуникативную реализацию (апелляцию к концепту в конкретной ситуации общения) (с. 31–32). Г.С. Яроцкая предлагает широкую трактовку экономических концептов, включая в их состав как понятия экономики («торговля», «товар», «собственность» и др.), так и понятия политики, философии, психологии и этики («справедливость», «милосердие», «власть», «закон» и др.). Автор справедливо отмечает, что экономическое сознание в России формировалось под влиянием православия и накопленного обществом многовекового опыта жизни в определенных социально-экономических и природно-климатических условиях. Эти факторы во многих ситуациях вели к драматическим коллизиям ценностных установок.

Представляется обоснованной предлагаемая в книге схема модусов и уровней экономического сознания, включающая обыденный, научно-

теоретический и теоретико-богословский модусы (с. 47) и логико-рациональный, психологический и аксиологический уровни (с. 52).

В монографии выделены и обоснованы уровни аксиосферы применительно к русскому экономическому сознанию – метауровень (называющий универсальные ценности – «истина», «добро», «справедливость», «свобода»), макроуровень (определяющий ценности для того или иного типа экономической культуры – «успех», «бизнес», «конкуренция» и др.) и микроуровень (фиксирующий ценности определенного типа людей – «стахановец», «трудоголик», «олигарх», «магнат» и др.).

Автор суммирует основные наблюдения философов и культурологов по поводу особенностей осмысления реальности, свойственных традиционному русскому взгляду на мир (бинарность мышления, логоцентричность, иррациональность, несклонность к компромиссу, преобладание экзогенных ценностей над эндогенными), отмечая при этом неизбежную субъективность в исследованиях концептов.

В монографии показаны различные аспекты изучения экономического дискурса – анализ конкретных единиц в рамках экономического текста, исследование текстов экономических теорий в риторическом аспекте, описание идиостилей авторов экономических теорий, характеристика жанров и стилей экономического языка, освещение экономической терминологии, объяснение динамики экономического сознания (с. 97–100).

Заслуживают внимания наблюдения и рассуждения автора относительно динамики рассматриваемых концептов в интервале между исходным и развивающимся их содержанием в направлениях их смыслового расширения и сжатия. Эта динамика анализируется в рамках четырех периодов аксиогенеза – дохристианского, христианского, советского и постсоветского.

Во второй главе детально анализируются ценностные сферы древнерусского экономического сознания дохристианского периода, объективация этого сознания в религиозных текстах и в текстах русской народной сказки. В качестве доминантных исходных концептов (протоконцептов) русской лингвокультуры древнейшего периода автор рассматривает ментальные образования «род / мир», «правда», «воля».

Специалисты в области лингвокультурологии обратят внимание на приведенные в монографии аргументы в пользу признания в качестве императивов родовой общинности ментальных образований «правда-совесть», «правда-закон», «правда-справедливость» (с. 144–146). В книге приводится множество иллюстративных примеров, объясняющих развитие лексем, относящихся к экономической сфере жизни. Так, заслуживает внимания интерпретация этимологии диад «труд» – «страдание», «труд» – «работа». Автор делает обоснованный вывод относительно того, что значимой являлась оппозиция по линии волеизъявления – добровольный труд на себя и для себя и принудительная работа на кого-то (с. 193). В бо-

лее полном виде ценностная шкала приоритетов по отношению к видам трудовой деятельности приобретает, как пишет Г.С. Яроцкая, следующий вид: самой престижной является **служба** князю, далее следует **труд** как условие выживания, третье – это домашние **хлопоты** как женское занятие, и наконец, на последнем месте находится принудительная **работа**, не предусматривающая вознаграждения (с. 200).

В христианский период переосмысливается ценность труда: труд приобретает воспитательный характер. Весьма информативен раздел, посвященный экономическим концептам в текстах русских сказок. Обратим внимание на следующее наблюдение автора: «отношение к выгоде, богатству, труду является жестко социально обусловленным: эти сферы жизнедеятельности по-разному оцениваются по отношению к представителям высокого и низкого социального статусов» (с. 276).

В третьей главе книги идет речь о ключевых концептах русской аксиосферы, относящихся к универсальным ценностям («власть», «правда», «закон») и ценностям типа экономической культуры («хозяйство», «трудовая деятельность», «торговля», «деньги», «богатство / бедность» и др.). Автор анализирует пословицы о труде и следующим образом представляет их фреймовую структуру: 1) отношение к труду, 2) разновидности трудовой деятельности, 3) распределение трудовых обязанностей и приложенных усилий, 4) виды трудовой занятости, 5) вознаграждение за труд, 6) ритм трудовой деятельности, 7) способы уклонения от труда, 8) коллективный / индивидуальный характер трудовой деятельности. В книге выделены полярные позиции субъектов, оценивающих труд: это моралист-праведник и прагматик (ср.: *Трудами не хвались, а гордись. – Работа дураков любит*).

В заключение автор формулирует основные выводы исследования, к числу которых относятся тезисы о противоречивости ценностей, лежащих в основе русского экономического сознания, о специфике эволюции и инволюции экономических концептов, о лингвистически релевантных способах номинации и реноминации этих ментальных образований.

Монография Г.С. Яроцкой представляет собой глубокое исследование актуальной проблемы аксиологической лингвистики, содержит множество нетривиальных наблюдений и выводов, образующих непротиворечивую концепцию аксиогенеза, и несомненно привлечет к себе внимание широкого круга специалистов, изучающих соотношение языка и культуры.

V.I. Karasik
Volgograd, Russia

**REVIEW ON G.S. YAROTSKAYA'S MONOGRAPH
"AXIOGENESIS OF ECONOMIC CONSCIOUSNESS
IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE" (Odesa, 2013)**

The monograph is devoted to the actual problem of modern anthropological linguistics – linguoaxiological modeling of economic consciousness. Economics as a social phenomenon is studied in detail in the various fields of the humanities, but economic values have not yet been the subject of a special analysis from the standpoint of linguoconceptology. The book consists of an introduction, conclusions, and three chapters devoted to language representation of the value dynamics of economic consciousness, axiogenesis of theological and ordinary modi of this consciousness, axiosphere of this consciousness in pre-Petrine period.

Key words: concept, linguoconceptology, linguoaxiology, axiosphere.

Сведения об авторе:

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии *Волгоградский государственный социально-педагогический университет 400131, Россия, Волгоград, пр. Ленина, 27*
E-mail: vkarasik@yandex.ru

About the author:

Karasik Vladimir Ilich, Prof., Professor of English Philology chair *Volgograd State Socio-Pedagogical University 27 Lenina pr., Volgograd, 400131, Russia*
E-mail: vkarasik@yandex.ru

Дата поступления статьи 22.03.2016

Для цитирования: *Карасик В.И.* Рецензия на монографию Г.С. Яроцкой «Аксиогенез экономического сознания в русской лингвокультуре» (Одесса, 2013) // *Коммуникативные исследования.* 2016. № 2 (8). С. 139–142.

For citation: Karasik, V.I. (2016), Review on G.S. Yarotskaya's monograph "Axiogenesis of economic consciousness in Russian linguistic culture" (Odesa, 2013). *Communication Studies*, No. 2 (8), pp. 139-142. (in Russian).

УДК 811.1/8

Н.В. Орлова
Омск, Россия

**ПОЛИФОНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ
В УСТНЫХ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ДИСКУРСАХ**
(Докторская диссертация И.В. Тубаловой. Томск, 2016)

Представлены результаты исследований томского лингвиста И.В. Тубаловой по проблеме полифонического текста как продукта устных личностно-ориентированных дискурсов. Отмечено, что в докторской диссертации И.В. Тубаловой осмыслены важнейшие аспекты взаимодействия неинституциональных дискурсов с институциональными формами коммуникации.

Ключевые слова: И.В. Тубалова, личностно-ориентированный дискурс, полифонический текст.

Защита диссертации стала итогом многолетнего изучения автором инодискурсивных стилевых включений в разговорную речь. Результаты этих исследований отражены в целой серии статей и разделах восьми коллективных монографий. Приведем названия некоторых публикаций, чтобы представить траекторию научного поиска И.В. Тубаловой: «Отражение в метатексте семантики "чуждости" слова» (1998), «Полифоническая структура текста: подходы и процедуры анализа» (2008), «Специфика организации дискурсов повседневности» (2011), «Коммуникативные модели обращения к иноречевым текстovým формам в современной частушке» (2012), «The concept "Great Patriotic War" in the person-centered discursive practices of the ordinarе person» (2015).

В современной лингвистике понятие личностно-ориентированных дискурсов чаще всего встречается в контексте противопоставления дискурсам институциональным. При этом последние описаны гораздо более подробно и глубоко, чем первые. Такая ситуация во многом обусловлена тем, что «порядок» институциональных дискурсов легче поддается параметризации и научной экспликации. Имеющиеся модели описания позволяют представить институциональные дискурсы как типы, или массивы, текстов, чего до сих пор нельзя было сказать о личностно-ориентированных, в частности устных. Диссертационная работа И.В. Тубаловой в этом смысле пионерская: ею сделана успешная попытка выявить закономерности текстопорождения в той сфере, которая слабо регулируется

извне и в которой субъект обладает значительной свободой в выражении разнообразных коммуникативных интенций.

Выбрав устный личностно-ориентированный дискурс в качестве объекта изучения, И.В. Тубалова исследовала его с точки зрения проникновения иноречевых форм. Предмет диссертации – полифоническая организация текста – уточнен как «результат реализации свойственных личностно-ориентированному общению дискурсивных интенций». В результате построена содержательная теоретическая модель, которая в равной степени спроецирована на организацию полифонического текста и на свойства неинституциональных дискурсов. Впервые описаны факторы, которые заставляют субъекта речи использовать в обыденной коммуникации речевые формы, восходящие к институциональным сферам общения. Показано, например, что говорящий апеллирует к авторитету институционального дискурса для усиления своей позиции в тех случаях, когда речевая составляющая коммуникации имеет самостоятельное значение. Описаны включения из трех различных по природе институциональных дискурсов, знания о которых приобретены в речевом опыте «обыденного человека». Дискурсы-источники – а это документный, политический, фольклорный – охарактеризованы с точки зрения их интенциональности, социальной функции и возможностей междискурсивного распространения. И.В. Тубалова показала механизмы действия полифонических включений, выявила разновидности личностно-ориентированных дискурсов, в которых включения наиболее регулярны, предложила достоверную научную интерпретацию такой избирательности.

Значимость исследований И.В. Тубаловой, увенчавшихся защитой докторской диссертации, определяется по отношению к тем направлениям современной лингвистики, объектами которых являются взаимоопределяемые текст и дискурс. Закономерно, что в исследованиях текста на основе таких понятий, как текстовые категории и критерии текстуальности, с течением времени менялись акценты: лингвистическая теория текста, реагируя на исследования «чужого слова» в ведущих филологических и семиотических концепциях второй половины XX в., открыла границы текста, переосмыслила контекст его целостности и акцентировала интертекстуальность. Обобщив всевозможные традиции в этой области, связанные с художественными и нехудожественными текстами, И.В. Тубалова предложила теорию функционирования полифонического текста в неинституциональном дискурсе, разработала оригинальную методологию анализа полифонического текста с опорой на систему понятий, необходимых и достаточных для моделирования объекта. Плодотворным оказалось обращение к категориям диктума и модуса, перенесенным с высказывания на устройство дискурса. Значительный объяснительный потенциал обнаружили такие классификационные основания (они же параметры описания полифонического текста), как тип дискурса-источника, сохранение,

нейтрализация либо трансформации его интенции в полифоническом тексте, принадлежность текста к той или иной разновидности «принимающего» лично-ориентированного дискурса и некоторые другие.

Перспективной идеей, объясняющей явление полифонии текста в лично-ориентированном дискурсе, стало положение о социальном авторитете дискурса-источника – истинном или мнимом с точки зрения говорящего.

Наряду с очевидной значимостью концепции И.В. Тубаловой для теории и методологии анализа текста, она явила собой заметный прорыв в изучении неинституциональных дискурсов, онтология которых интерпретируется автором в широком контексте исследований повседневности и «обыденного человека». После знаковой работы Б.М. Гаспарова 1996 г. «Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования» это первое масштабное исследование не регулируемой институционально речевой деятельности. Существенным достижением автора явилось создание внутренней типологии лично-ориентированных дискурсов (дискурсы практической / интерпретационной направленности, повседневные / неповседневные). Известно, что любая таксономия является способом описания объекта. В данном случае специфика объекта потребовала сознательного абстрагирования от множества различий между конкретными коммуникативными событиями. То, что оказалось в фокусе внимания, безусловно, релевантно с точки зрения предмета исследования – полифонического текста. В диссертации, например, показано, что в неповседневных, непривычных дискурсах концентрация институциональных полифонических включений выше, чем в дискурсах повседневных, «рутинных», и это связано с необходимостью для говорящего повысить статус собственного речевого произведения в условиях дискурсивного дискомфорта. Добавим, что выделенные оппозиции значимы и безотносительно к полифоническому тексту, а деление лично-ориентированных дискурсов на повседневные и неповседневные может стать импульсом к дальнейшему исследованию каждого типа, причем особенно интересны «неповседневные».

Для исследований институциональной сферы как более традиционного объекта дискурсологии теоретически значимо объяснение причин и описание механизмов, которые обеспечивают междискурсивное распространение институциональных практик и, в частности, проникновение их компонентов в речевую жизнь «обыденного человека». Глубоко проанализированы обстоятельства, объясняющие способность институциональных дискурсов к выходу за их собственные границы. Доказано, что ценностное, интенциональное содержание источника в лично-ориентированном дискурсе либо нейтрализуется, либо сохраняется, либо трансформируется. См. приведенный в диссертации пример дискурсивного сопротивления: социальный авторитет политического дискурса воспринимается как ложный, а эмоциональный пафос источника становится осно-

ванием для осознанного использования его речевых форм в стратегиях иронии: [Наталья, жен, 23] *На выборы пойдешь?* [Владимир, муж, 40] *Пойду / исполню свой гражданский долг.* [смех] [Наталья, жен, 23] *Ну-ну / сходи.* Чрезвычайно интересны и другие многочисленные наблюдения над ментально-речевой реакцией «обыденного человека» на риторику институтов, в разной степени приближенных к государственным. Часть этих наблюдений имеет выход на такие сферы профессиональной деятельности, как копирайтерство, реклама, публичные выступления и т. д.

Представляется, что защита диссертации И.В. Тубаловой станет импульсом для дальнейших исследований личностно-ориентированных дискурсов в русистике.

N.V. Orlova
Omsk, Russia

**POLYPHONIC TEXT
IN VERBAL PERSONALITY-ORIENTED DISCOURSES
(Doctoral dissertation of I.V. Tubalova. Tomsk, 2016)**

The report presents the results of a research of the Tomsk linguist I.V. Tubalova on the issue of polyphonic text as a product of verbal personality-oriented discourses. It is noted that the most important aspects of the interaction of institutional discourses with institutional forms of communication are interpreted in the doctoral thesis of I.V. Tubalova.

Key words: I.V. Tubalova, personality-oriented discourse, polyphonic text.

Сведения об авторе:

Орлова Наталья Васильевна, профессор кафедры русского языка, славянского и классического языкознания Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: nvorl@rambler.ru

About the author:

Orlova Natalia Vasilievna, Professor of the Chair of Russian, Slavic and Classical Linguistics
Dostoevsky Omsk State University
55a Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: nvorl@rambler.ru

Дата поступления статьи 02.04.2016

Для цитирования: Орлова Н.В. Полифонический текст устных личностно-ориентированных дискурсах (Докторская диссертация И.В. Тубаловой. Томск, 2016) // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 143–146.

For citation: Orlova, N.V. (2016), Polyphonic text in verbal personality-oriented discourses (Doctoral dissertation of I.V. Tubalova. Tomsk, 2016). *Communication Studies*, No. 2 (8), pp. 143-146. (in Russian).

УДК 81'42

А. Громинова
Трнава, Словакия

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РУССКИЙ ЯЗЫК В СЛАВЯНСКОМ И НЕСЛАВЯНСКОМ МИРЕ:
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ» (Трнава, 5–6 мая 2016 г.)**

Представлена хроника международной научно-практической конференции «Русский язык в славянском и неславянском мире: лингводидактический аспект», которая была посвящена проблемам обучения русскому языку в славянской и неславянской аудитории, вопросам профессиональной подготовки учителей и переводчиков русского языка, новым технологиям создания словарей, освещению литературы и культуры России в обучении русскому языку как иностранному и т. д.

Ключевые слова: конференция, доклад, лингводидактический аспект.

5–6 мая 2016 г. в здании философского факультета Университета св. Кирилла и Мефодия в Трнаве (далее – УКМ) состоялась международная научно-практическая конференция «Русский язык в славянском и неславянском мире: лингводидактический аспект», организованная кафедрой русского языка и литературы философского факультета УКМ в рамках проекта KEGA № 025UCM-4/ 2014 «Повышение эффективности образовательного процесса в русско-словацкой компарации». Мероприятие открыла заведующая кафедрой, доцент Татьяна Григорянова, которая всех участников поприветствовала, представила и пожелала им успехов и плодотворной работы. Затем следовали выступления официальных гостей: ректора УКМ, доцента Йозефа Матуша, декана философского факультета УКМ, доцента Катарины Новаковой и председателя Трнавского самоуправляемого края Тибора Микуша, PhD, под патронажем которого все мероприятие проходило. Торжественность этого события подчеркнуло выступление женского камерного оркестра The Ladies Ensemble.

После официального открытия мероприятия следовало пленарное заседание, в рамках которого Л.И. Богданова выступила с докладом «Культурные ценности в преподавании русского языка». В.И. Аннушкин сосредоточил внимание на педагогической риторике и культуре речи в деятельности преподавателя русского языка как иностранного (далее – РКИ). С радиопередачами о русском языке и культуре России как инструментом обучения РКИ познакомил всех присутствующих С.С. Хромов. И.В. Бугаева

посвятила свое выступление агнионам как социокультурным знакам в русской языковой картине мира с точки зрения лингводидактического аспекта. А.В. Дейкина предложила подумать над системным подходом и когнитивными тактиками в преподавании русского языка. О.И. Глазунова представила доклад «Модульная организация обучения РКИ: разработка новых учебных программ и материалов для тестирования». Л.С. Крючкова объяснила функционально-семантическое описание поля субъекта в русском языке. Г.Н. Скляревская прочитала доклад на тему «Русские диминутивы: семантика и прагматика (лексикографический аспект)». Последний докладчик, О.С. Иссерс, обозначила важную проблему обучения речевому маневрированию в курсе РКИ (на примере освоения стратегии эвфемии).

Пленарное заседание сопровождалось мастер-классами под руководством видных методистов – В.И. Аннушкина, И. Хорватовой и М. Янчиковой, в рамках которых прозвучали интересные наблюдения, посвященные культурным ценностям, риторике, когнитивным тактикам или применению радиопередач о русском языке и культуре России как инструмента обучения русскому языку как иностранному и т. д.

В течение второго дня конференции проходили дискуссии, в которых приняли участие свыше шестидесяти коллег – русистов из более чем двенадцати стран мира. Работа была организована по пяти секциям, в рамках которых обсуждались следующие темы:

1. Проблемы обучения русскому языку в славянской и в неславянской аудитории.
2. Компетентностный подход в обучении РКИ.
3. Уровни владения русским языком. Тестирование РКИ.
4. Измерение эффективности обучения русскому языку как иностранному.
5. Синергия старого и нового в методике обучения русскому языку.
6. Обеспечение учебного процесса РКИ: программы, учебники и другие средства обучения.
7. Дистанционное обучение русскому языку как иностранному.
8. Профессиональная подготовка учителей и переводчиков русского языка.
9. Современная лексикография и новые технологии создания словарей.
10. Литература и культура России в обучении РКИ.

В первой секции «Проблемы обучения русскому языку в славянской и в неславянской аудитории» прозвучали доклады по следующим темам: РКИ в славянской аудитории (Е. Евпак, Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет; Словакия, Нитра, Университет им. Константина Философа), проблема интенсификации учебной деятельности на занятиях по практике устной разговорной речи в корейском вузе (К.Н. Леханова, Республика Корея, Сеул, Университет иностранных языков Ханкук),

проблемы обучения выразительному чтению на занятиях по иностранному языку (Е.И. Калечиц, Словакия, Нитра, Университет им. Константина Философа), когнитивная составляющая обучения РКИ в словацкой среде (Н.Б. Корина, Словакия, Нитра, Университет им. Константина Философа), обучение деловому русскому языку в чешской аудитории (М.Ю. Млчехова, Чехия, Прага, Международная языковая школа Alfa School), вопрос о некоторых типологических особенностях словацко-русской и латышско-русской фонетической интерференции (Т.А. Стойкова, Латвия, Вентспилс, Вентспилская высшая школа), изучение отпословичных дериватов в процессе преподавания РКИ (Т.П. Чепкова, Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет), сравнительный концептуальный анализ понятия *тоска* на материале русского и словацкого языков (Т. Григорянова, Словакия, Трнава, Университет св. Кирилла и Мефодия), способность студентов чешских гимназий применить знания грамматической системы к новым лексическим единицам (Й. Догнал, Чехия, Брно, Университет Масарика), а также особенности группировки лексики в курсе русского языка как инославянского (Е.М. Маркова, Словакия, Трнава, Университет св. Кирилла и Мефодия). Работу первой секции завершил концептуальный доклад профессора П. Шимы (Словакия, Трнава, Университет св. Кирилла и Мефодия) «Методический аспект варьирования окончаний существительных на -ье/-ие в современных славянских языках».

Во второй секции «Проблемы преподавания русского языка как родного. Профессиональная подготовка учителей и переводчиков русского языка» прозвучало одиннадцать докладов, в которых участники концентрировали свое внимание на системе творческих задач при обучении русскому языку как родному в старших классах гуманитарного профиля (Н.А. Герасименко, Россия, Москва, Московский государственный областной университет), на некоторых вопросах преподавания курса синтаксиса русского языка в словацкой вузовской аудитории (А.Ю. Краев, Словакия, Ружомберок, Католический университет). Было уделено внимание и лингвокультурологическому аспекту работы с текстом в методике преподавания русского языка как родного и как иностранного (О.Н. Левушкина, Россия, Москва, Московский институт открытого образования), юридическому переводу и компетенции присяжных переводчиков – теория и практика в Хорватии (И. Микулац, Хорватия, Пула, Университет Пулы). Рассматривались проблемы: словацкий язык для славистов на кафедре славистики филологического факультета в Белграде (С. Паунович Родич, Сербия, Белград, Белградский университет), изучение морфонологических чередований в курсе современного русского языка (М.Т. Попова, Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет), использование пословиц правовой тематики в профессионально ориентированном обучении юристов (В.В. Пикалова, Россия, Москва, Московский го-

сударственный юридический университет), глагольная префиксация как способ словообразования в славянских языках на примере русской приставки об-/обо-, о- и ее аналогов (М.М. Ровинская, Россия, Москва, Российский государственный гуманитарный университет), вопрос о когнитивно-компетентностном обучении устной профессиональной коммуникации будущих преподавателей русского языка как иностранного (Е.Н. Тарасова, Россия, Москва, Московский технологический университет), роль текста в преподавании русского языка (Т.Е. Шаповалова, Россия, Москва, Московский государственный областной университет), а также вопрос о семантике сложноподчиненных предложений в вузовском курсе современного русского языка (Е.С. Ярыгина, Россия, Москва, Московский городской педагогический университет).

Третья секция, посвященная уровням владения русским языком, тестированию РКИ, измерению эффективности обучения РКИ, компетентностному подходу к обучению РКИ, синергии старого и нового в методике обучения РКИ, а также обеспечению учебного процесса РКИ, представила богатую вариабельность тем. Обсуждались межкультурно-коммуникативный метод при обучении РКИ (Я. Галло, Словакия, Нитра, Университет им. Константина Философа), олимпиада как способ измерения эффективности обучения русскому языку как иностранному (Л.В. Валова, Чехия, Пльзень, Западночешский университет), судебное заседание как интерактивная форма обучения русскому языку (Е.А. Никитина, Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского), обучающий и контролирующий модули в электронном учебнике по лексикологии: знание языка и знания о языке (Е.Ю. Булыгина, Т.А. Трипольская, Россия, Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет), обучение письменной речи на русском языке: новые вызовы и новые решения цифрового века (М.Ю. Лебедева, Россия, Москва, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина), язык СМИ в обучении русскому языку как иностранному (из опыта создания учебного пособия) (М.В. Радченко, Хорватия, Задар, Задарский университет), разработка национально-ориентированного учебника русского языка как иностранного в условиях многоязычия Ливана (М.Л. Сари Ад-Дин, Ливан, Бейрут, Университет святого Иосифа), нейминговая экспертиза в аспекте преподавания русского языка (Т.П. Соколова, Россия, Москва, Московский государственный юридический университет), презентация как дидактический приём (О.И. Федотов, Россия, Москва, Московский институт открытого образования), формирование межкультурной компетенции на основе текстов русской литературы в процессе обучения РКИ: методический аспект (И.И. Цвик, Молдова, Кишинев, Кишиневский государственный педагогический университет им. И. Крянгэ), метафорические доминанты текстов современных российских СМИ: лингводидактический аспект (Н.С. Шаталова, Россия, Моск-

ва, Московский государственный лингвистический университет), а также инновативные приемы в образовательном процессе обучения русскому языку (В. Шулгинова, Словакия, Банска Быстрица, RK Centrum Universa).

Четвертая секция, ориентированная на современную лексикографию и новые технологии создания словарей, предоставила возможность прослушать семь докладов, начиная с комплексного лексикографического описания русских личных местоимений (на примере местоимения «мы») (И.Ю. Гранева, Россия, Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского) через дидактический характер словарей обыденных толкований русских слов в практике РКИ (Е.В. Кишина, Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет), отражение полисемии в лексикографии (на материале позиционных глаголов и их семантических дериватов) (В.А. Косова, А.В. Трофимова, Россия, Казань, Казанский федеральный университет), способы отражения лингвокультурной ценности слова в учебном ономастическом словаре (Н.А. Максимчук, Россия, Смоленск, Смоленский государственный университет), концепцию электронного лексикографического проекта на материале народной речи Среднего Прииртышья (М.А. Харламова, Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского), требования электронного антропоцентрического словаря (А. Цой, Польша, Лодзь, Лодзинский университет) и кончая особенностями создания учебного терминологического словаря для иностранных студентов-медиков (Л.С. Шаталова).

В пятой секции «Литература и культура России в обучении РКИ» выступило четырнадцать русистов из разных стран, обсуждавших вопросы по методике преподавания русской литературы и культуры, начиная с периода Древней Руси и кончая современностью. Первый докладчик, В.Б. Белукова (Россия, Москва, Московский государственный областной университет), познакомила присутствующих с традициями народной сказки в литературной сказке Евгения Чирикова «История маленького путешественника». За ней выступала Л.А. Борис (Россия, Москва, МГУ) с докладом «Классическая притча как малый жанр дидактической литературы в современном обучении русскому языку». А.В. Борисенкова (Словакия, Банска Быстрица, Университет им. Матей Бела) в рамках своего доклада представила новый учебно-методический комплекс «История России в художественных образах» для обеспечения учебного процесса РКИ. На вопрос «Как можно применить сопоставительный анализ стихотворений с использованием методики М.Л. Гаспарова при работе с иностранными студентами» попыталась ответить У. Верина (Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет). Иноуэ Юкиёси (Япония, Токио, Университет Дзёти) выступал с интересным докладом «Мир Гоголя в обучении русскому языку в японской аудитории». На булгаковский текст как объект изучения лингвокультурной составляющей лексемы *глаза* в нерусской аудитории

обратила внимание С.В. Першукова (Россия, Ногинск, Ногинский педагогический колледж). Е.Г. Соболева (Россия, Екатеринбург, Институт государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета) и Н.М. Ивашова (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина) выступали с совместным докладом «Фильмы на занятиях РКИ». Предметом их изучения стал фильм «Ёлки» 2010 г.

На формирование единого пространства межкультурного общения на материале поэтического текста обратила внимание Е.Н. Тарасова (Россия, Санкт-Петербург, Военный институт физической культуры). Единственный доклад про специфику преподавания древнерусской литературы иностранным студентам в Российском университете дружбы народов прозвучал в изложении А.О. Шелемовой (Россия, Москва, РУДН). В следующем докладе М. Юрицова (Словакия, Нитра, Университет им. Константина Философа) объяснила значение прецедентных единиц как составной части культурного сознания. М. Фигедьова (Словакия, Трнава, Университет св. Кирилла и Мефодия) представила концепцию учебного пособия «М.Ю. Лермонтов: Герой нашего времени». С.А. Кибальник (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы Российской академии наук) выступал с докладом «Метатексты и гипертексты "Преступления и наказания" в литературе и кино». Последними выступали руководители секции – А. Громинова (Словакия, Трнава, Университет св. Кирилла и Мефодия) с докладом «Метафора как один из ключей к пониманию поэзии необарокко/метареализма» и Э. Пойнтнер (Австрия, Санкт-Пёльтен), объяснивший работу с фильмами на уроках РКИ.

На следующий день состоялась автобусная экскурсия в деревню Светы Антон, где участники конференции осмотрели музей, расположенный в построенном в 1750 г. замке (с 1985 г. внесен в список национальных памятников культуры), история которого тесно связана с династиями Когары и Кобург. После осмотра замка участники конференции осмотрели исторический центр города Банска-Штьявница, упоминавшегося как шахтёрский городок уже в 1156 г. Некоторые из нас осмотрели Старый и Новый Замки, Каммерхоф, Костёл св. Марии, Костёл св. Екатерины, Лютеранскую Кирху. Все наши гости впечатлились этим популярным у туристов местом, внесённым в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Мы надеемся, что это мероприятие станет традиционным и следующие конференции, организуемые кафедрой русского языка и литературы философского факультета УКМ, станут местом творческой встречи филологов из многих стран и ценным вкладом в развитие последующего научно-исследовательского сотрудничества на международном уровне.

**A. Grominová
Trnava, Slovakia**

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
"RUSSIAN LANGUAGE IN SLAVIC AND NON-SLAVIC WORLD:
LINGUO-DIDACTIC ASPECT" (Trnava, May 5–6, 2016)**

The conference "Russian Language in Slavic and Non-Slavic World: Linguo-Didactic Aspect" was devoted to the problems of teaching the Russian language to the Slavic and Non-Slavic students, training future teachers and interpreters of the Russian language, new ways of compiling dictionaries and shed light on literature and culture of Russia in the process of teaching Russian as a foreign language.

Key words: conference, paper, linguo-didactic aspect.

Сведения об авторе:

Громинова Андреа, кандидат филологических наук
Университет св. Кирилла и Мефодия
в Трнаве
917 01, Словакия, Трнава, пл. Й. Херду, 2
E-mail: andrea.grominova@uctm.sk

About the author:

Grominová Andrea, Ph.D.
University of Ss. Cyril and Methodius in
Trnava
2 J. Herdu nám., Trnava, 917 01, Slovakia
E-mail: andrea.grominova@uctm.sk

Дата поступления статьи 30.05.2016

Для цитирования: Громинова А. Международная научно-практическая конференция «Русский язык в славянском и неславянском мире: лингводидактический аспект» (Трнава, 5–6 мая 2016 г.) // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 147–153.

For citation: Grominová, A. (2016), International scientific and practical conference «Russian Language in Slavic and Non-Slavic World: linguo-didactic aspect» (Trnava, May 5–6, 2016). *Communication Studies*, No. 2 (8), pp. 147-153. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

Правила представления авторами рукописей

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся коммуникативными исследованиями и смежными проблемами. Публикация материалов осуществляется на русском и английском языках.

Журнал выходит четыре раза в год. Ежегодно срок подачи статей для первого номера – **до 1 февраля**; для второго – **1 апреля**; для третьего – **1 августа**; для четвертого – **до 1 октября**.

Письмо-заявка кроме самой статьи включает **отдельный файл** со сведениями об авторе.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, Web of Science и Scopus, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на **русском и английском** языках:

1. УДК.
2. Название статьи (прописными буквами); инициалы и фамилию автора (-ов); аннотацию (резюме) (10–15 строк, отражающих основное содержание статьи); ключевые слова (5–8 слов через запятую) – на русском языке. Обращаем внимание авторов на то, что объем аннотации к статье в международном журнале обычно составляет около **700–1500 знаков с пробелами**. Аннотация должна быть составлена самостоятельно, а не повторять фрагменты статьи.
3. Информацию п. 2 в той же последовательности – на английском языке (ФИО автора (ов) – в транслитерации).
4. Полный текст статьи на русском или английском языке.
5. Список литературы на русском языке. Нумерация в списке литературы идет по алфавиту, в случае нескольких ссылок на одного автора – по хронологии. В список литературы включаются только те источники, на которые есть ссылки в тексте статьи.
6. Список литературы в латинице (References): транслитерация имени автора; год публикации (в круглых скобках); выделенные курсивом транслитерация названия источника и – в квадратных скобках – его перевод; если речь идет о публикации внутри сборника или журнала, то прежде по аналогичному принципу указывается название материала, на который дается ссылка, – без выделения курсивом и отделенное от названия источника точкой; английский вариант названия места издания и транслитерация названия издающей организации, с указанием publ. (если речь идет о книжной публикации). Прочие данные (сведения о редакторе или составителе, сведения об издании, номер выпуска, объём) приводятся в переводе на английский язык с использованием принятых сокращений.

В случае, если выходные сведения источника уже содержали перевод необходимых элементов записи (как правило, если речь идет о журнальных публикациях или переводной литературе), равно в случае «типовых» названий (например, «собрание сочинений» или «толковый словарь»), в описании источника достаточно привести лишь перевод, без сопровождения его транслитерацией, но в конце описания дав в круглых скобках указание на язык источника (in Russian).

7. Список источников речевых иллюстраций, если автор считает необходимым его представление. Оформляется отдельно по представленным выше правилам под заголовком «Источники», на латинице – «Sources».

8. Данные об авторах: фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; должность с указанием организации; юридический адрес организации (не домашний); электронная почта автора (-ов).

9. Информацию п. 8 на английском языке в той же последовательности: фамилия, имя, отчество автора (-ов); ученая степень; ученое звание; должность; название организации; юридический адрес организации; электронная почта.

Требования к оформлению

Гарнитура – Times New Roman. Кегль основного текста – 14 pt, списков литературы, аннотации и ключевых слов – 12 pt. Везде используется абзац 1,0 см и одинарный интервал. Все поля – по 2 см. Объем предлагаемого материала не должен превышать **30 000 знаков** с учетом пробелов, включая примечания и литературу.

Ссылка в тексте на цитируемые работы оформляется в виде [Иванов 2008: 25].

Речевые иллюстрации набираются курсивом без заключения в кавычки, выделения делаются жирным шрифтом.

Ссылка на источник фактического материала оформляется в круглых скобках следующими способами:

(Л. Улицкая. Священный мусор),
(Огонек. 2013. №1),
(НТВ. Сегодня. 7.08.2013),
(<http://file-uf.ru/analitics/54.3.03.2013>).

Сноски желательно минимизировать. В случае необходимости следует давать их в сквозной нумерации в конце страницы.

Сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

Обращаем внимание авторов на то, что в Международном журнале часть информации представляется **на английском языке** (заглавия статей, аннотации, ключевые слова, названия организаций, к которым приписан автор, обозначения выходных данных). Ответственность за качество перевода возлагается на автора. Другая часть, которая не переводится на английский язык (фамилии авторов, русскоязычные названия первоисточников в списках литературы, собственные названия организаций и издательств), представляемых в оригинале в кириллице, должна

быть представлена в романском (латинском) алфавите в одной из принятых систем транслитерации.

Данное требование является обязательным в журналах, реферируемых в международных системах научного цитирования Web of Science и Scopus.

Образец оформления списка литературы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Книга: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Статья в журнале: Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

Часть книги: Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 195–222.

Материалы конференции: Кабакова Ю.А. Убеждение как сложный комплексный речевой акт // Теория и практика германских и романских языков: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2000. С. 96–98.

Электронный ресурс: Гусейнов Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета // НЛО. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (дата обращения: 01.06.2015).

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского: официальный сайт. URL: <http://www.omsu.ru> (дата обращения: 24.06.2015).

REFERENCES

Книга: Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika* [*The General Linguistics*], Moscow, Progress publ., 448 p.

Статья в журнале: Kibrik, A.A. (1994), *Kognitivnye issledovaniya po diskursu* [Cognitive research on discourse]. *Voprosy yazykoznaniiya* [*Linguistics Questions*], No. 5, pp. 223-235.

Часть книги: Searle, J. (1986), *Kosvennye rechevye akty* [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [*New in foreign linguistics*], Moscow, Iss. XVII, pp. 195-222.

Материалы конференции: Kabakova, Yu.A. (2000), *Ubezhdenie kak slozhnyi kompleksnyi rechevoi akt* [Persuasion as a complex integrated speech act]. *Teoriya i praktika germanskikh i romanskikh yazykov* [*Theory and practice of German and Romance Languages*], Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, pp. 96-98.

Электронный ресурс: Guseinov, G.Ch. (2000), *Zametki k antropologii russkogo Interneta* [Notes to the Anthropology of the Russian Internet]. *Novoe*

---

literaturnoe obozrenie [*New Literary Observer*], No. 43, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (accessed date: June 1, 2015).

Dostoevsky Omsk State University, available at: <http://www.omsu.ru> (accessed date: June 24, 2015).

Просим учесть, что материалы, не соответствующие тематике журнала или оформленные не в соответствии с перечисленными требованиями, к рассмотрению не принимаются.

Каждая поступившая в редакцию журнала статья рецензируется двумя анонимными рецензентами из числа российских и зарубежных ученых, компетентных в проблематике статьи. Файл с текстом статьи передается рецензентам тоже анонимно, т. е. без имени автора статьи и данных о нем. Рецензент должен оценить соответствие статьи проблематике журнала, актуальность и оригинальность работы, анализ материала и язык, написать краткое обоснование / рекомендации. Замечания, содержащиеся в рецензиях (если есть), пересылаются автору статьи (без указания имени рецензента). Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента.

Контакты

644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Факультет филологии и медиакоммуникаций. Тел.: +7 (3812) 229-815

Кафедра прикладной и теоретической лингвистики. Тел.: +7 (3812) 670-620

Гл. редактор Иссерс Оксана Сергеевна

Отв. секретарь Терских Марина Викторовна (terskihm@mail.ru)